

ФСБ

за и против

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ПРИ ФСБ РОССИИ СОВЕТ



№1 (83)

2023

СМЕРШ:
НА ЗАЩИТЕ
АРМИИ И ТЫЛА

80 лет





ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА
ПРИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- **«КОНТРОЛЕРЫ» В МОСКВЕ**
КАК ВОЕННЫЕ КОНТРАРАЗВЕДЧИКИ ОБЫГРАЛИ
АБВЕРКОМАНДУ 103
- **ГОД КИНОЛЕГЕНД**
55 ЛЕТ НАЗАД ВЫШЛИ В ПРОКАТ ТРИ ВЫДАЮЩИХСЯ
ФИЛЬМА О РАБОТЕ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
- **ГЕОГРАФИЯ КНЯЗЯ-АНАРХИСТА**
В ИСТОРИЮ ПЕТР КРОПОТКИН ВОШЕЛ КАК ЯРКИЙ
УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ И ПОЛИТИК

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Василий Титов
Александр Афоничев
Владислав Гриб
Анатолий Кучерена
Александра Очирова
Анатолий Торкунов

Издатель, главный редактор
Роман Аршанский

Шеф-редактор
Сергей Мушкатеров

Бильд-редактор
Иван Полонский

Дизайнер
Елена Помогаева

Литературный редактор
Лидия Ткачева

Корректор
Галина Шишнина

Авторы текстов:
Александр Богданов, Павел Крамар,
Андрей Кукарека, Александр Леонидов,
Иван Леонов, Роман Липкин,
Владимир Макаров, Сергей Матвеев,
Михаил Райский, Павел Серегин, Виктор Соболев,
Аба Хенкин

Дизайн, макет:
При участии «Издательского агентства А2»

Учредитель:
Благотворительный фонд содействия защите
гражданских, экономических, социальных
и культурных прав военнослужащих и гражданских
лиц «Безопасность и законность»
Адрес: 121353, г. Москва, Сколковское шоссе,
д. 31, стр. 2
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-35646 от 16 марта 2009 г.

Отпечатано
в типографии «АВТ Group», Москва
Распространяется бесплатно
12+

Тираж: 3500 экз.

Обложка: РИА НОВОСТИ

Содержание



5



24



30

ДАТЫ. СОБЫТИЯ. ЦИФРЫ

ПО ДОЛГУ ПАМЯТИ 2

КРИПТОГРАФИЧЕСКИЙ
ФРОНТ В БИТВЕ НА ВОЛГЕ 3

«ДИНАМО»
ВСТРЕТИЛО ГОСТЕЙ 4

СКИРМАНОВСКИЙ
ПЛАЦДАРМ 5

ЭФИР

«КОНТРОЛЕРЫ» В МОСКВЕ

Как военные
контрразведчики обыграли
абверкоманду 103 8

В БОЯХ

МОЙ ПЕРВЫЙ ОРДЕН

Оперативная работа
на переднем крае 16

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

Зафронтная работа
Степана Гоменюка 18

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ВОЙНА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Оперативная ликвидация
«осиног гнезда»
японских милитаристов 24

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ЗА ФРОНТ И ТЫЛ
В ОТВЕТЕ

Сотрудники Смерша
в войсках НКВД 30

НАПРАВЛЕНИЕ

ОПЕРАЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Военные контрразведчики
в битве под Ленинградом 38

ПРОТИВОБОРСТВО

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАХ

КОНДУКЭТОРА

Сотрудники Смерша
в Румынии действовали
последовательно
и эффективно 44

ИЗМЕНА

ЗАКРЫТЫЙ ЗАНАВЕС

Бесславный финал
известного актера
Блюменталья-Тамарина 52

ПЕРСОНАЖ

ВЕРНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ

ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Штрихи к портрету
многолетнего главы ЦРУ 58

ЛЕНТА

ГОД КИНОЛЕГЕНД

55 лет назад вышли в прокат
три выдающихся фильма
о работе советских органов
госбезопасности 64

ЛИЧНОСТЬ

ГЕОГРАФИЯ

КНЯЗЯ - АНАРХИСТА

В историю Петр Кропоткин
вошел как яркий ученый,
мыслитель и политик 72

По долгу памяти

НА ОЧЕРЕДНОМ ЗАСЕДАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПРИ ФСБ РОССИИ ОБСУДИЛ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С 80-ЛЕТИЕМ ГУКР «СМЕРШ» И УВЕКОВЕЧЕНИЕМ ПАМЯТИ О ПОГИБШИХ СОТРУДНИКАХ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ



жебный долг до конца ради защиты спокойной и мирной жизни российских граждан, – отметил Председатель Общественного совета при ФСБ России Василий Титов. – Мы постоянно и все-сторонне поддерживаем семьи павших героев, но считаем не менее важным увековечить память о тех, кто пожертвовали своими жизнями ради безопасности всех россиян. Это нужно не только их близким, это важно и нам, и нашим детям, и даже внукам».

В рамках совершенствования совместной работы с органами безопасности, связанной с патриотическим воспитанием подрастающего поколения, Совет принял решение оказать поддержку ФСБ России в реэкспозиции Историко-демонстрационного зала ФСБ России.

Приказом ФСБ России в состав Совета включен Звягинцев Александр Григорьевич – заместитель директора по международному сотрудничеству Института государства и права Российской академии наук.



Ознакомившись с информацией Департамента военной контрразведки ФСБ России о публичных мероприятиях, связанных с празднованием 80-летия Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР (19 апреля 1943 года), члены Совета решили оказать им комплексную информационную поддержку. Принято также решение уделить в 2023 году приоритетное внимание мероприятиям по популяризации деятельности органов военной контрразведки в российском обществе.

Обсудив участие Общественного совета в работе ФСБ России по увековечению памяти погибших сотрудников органов безопасности, члены Совета решили подключиться к работе ФСБ России, связанной с установкой мемориальных сооружений, посвященных

сотрудникам органов безопасности, павшим при исполнении служебного и воинского долга.

«Совет не понаслышке знает о героизме сотрудников органов безопасности, которые исполнили свой слу-

Криптографический фронт в битве на Волге

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ АЛЕКСАНДРА ШИЛОВА СОСТОЯЛАСЬ ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОЙ КНИГИ БОРИСА СТОЛПАКОВА И ВЛАДИМИРА НИКОНОВА «СТАЛИНГРАД И КРИПТОГРАФИЧЕСКИЙ ФРОНТ». ЭТО УЖЕ ТРЕТЬЯ СОВМЕСТНАЯ РАБОТА АВТОРОВ, В КРАСКАХ И ФАКТАХ ОТКРЫВАЮЩАЯ ЧИТАТЕЛЯМ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИПТОГРАФИИ. НА ЭТОТ РАЗ ПОВЕСТВОВАНИЕ ОХВАТИЛО ОДНО ИЗ ПЕРЕЛОМНЫХ СРАЖЕНИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ – СТАЛИНГРАДСКУЮ БИТВУ.

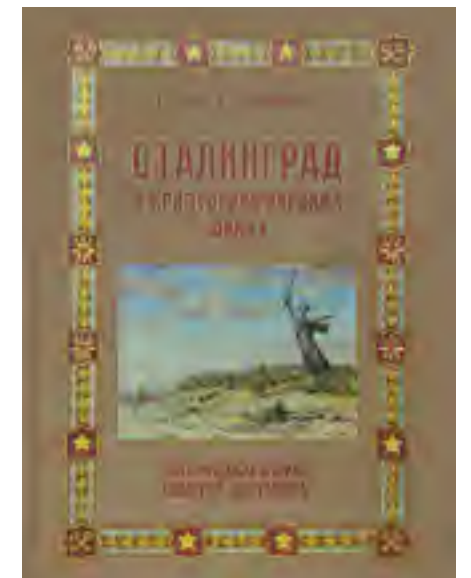
«Любая книга о Великой Отечественной войне, которая вышла из-под пера профессионалов в своем деле и опирается на документальные факты и свидетельства, – это неоценимый вклад в сохранение памяти о ней и передачу ее новым поколениям» – так отозвался о выходе книги генерал армии, действительный член Академии криптографии России, дважды лауреат Государственной премии России Владимир Матюхин, принявший участие в презентации.

В силу своей специфики деятельность криптографов редко попадает в фокус внимания широкой общественности. Поэтому, отметил Владимир Матюхин, новое издание по достоинству оценят не только специалисты в истории отечественной криптографии, но и все, кто заинтересовался криптографической наукой, которая сегодня, следуя рука об руку с информационными технология-

ми, пронизывает многие области нашей жизни. Увлекательный и детальный рассказ о Сталинградской битве помогает увидеть с нового ракурса то, насколько исход сражения зависит от слаженности действий всех видов и родов войск и какую большую роль в этом играют защищенные каналы связи – результат напряженной работы ученых-криптографов, инженеров и радистов.

Народный художник СССР, член Общественного совета при ФСБ России Александр Шилов в своем выступлении отметил особую роль сотрудников органов безопасности, ветеранов Великой Отечественной войны в победе над врагом и подчеркнул важность работы современных сотрудников – настоящих патриотов Родины, наследующих лучшие традиции предшественников.

Главным достоинством книги, по мнению ее издателя, генерального директора Медиа Группы «Авангард» Артема Зубкова, является сочетание



аккуратного, академического анализа подлинных исторических документов и яркости изложения, пробуждающей у читателя неподдельный интерес к задачам, методам и принципам защиты информации. Издатель считает, что новое произведение Бориса Столпакова и Владимира Никонова «Сталинград и криптографический фронт» может смело претендовать на статус пособия, используемого при обучении специалистов по информационной безопасности.

«Выход этой книги – знаковое событие для каждого специалиста и энтузиаста, интересующегося историей криптографии и самоотверженной работой отечественных ученых, инженеров и радистов», – резюмировал Артем Зубков.



«Динамо» встретило гостей

21 ФЕВРАЛЯ В ОБЩЕСТВЕ «ДИНАМО» ПРОШЛА СОЦИАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ АКЦИЯ, ПРИУРОЧЕННАЯ КО ДНЮ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА И 100-ЛЕТИЮ ОБЩЕСТВА «ДИНАМО». В НЕЙ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА ОБЩЕСТВА «ДИНАМО», ЖУРНАЛА ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПРИ ФСБ РОССИИ «ФСБ: ЗА И ПРОТИВ», МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА «ДИНАМО», ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ И ЛУЧШИЕ КУРСАНТЫ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ФИЛИАЛА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ, ПРОСЛАВЛЕННЫЕ СПОРТСМЕНЫ И ЗАСЛУЖЕННЫЕ ВЕТЕРАНЫ ОБЩЕСТВА «ДИНАМО».



Открытие мероприятия состоялось в Зале славы Общества «Динамо». Участники акции приветствовали советник председателя Общества «Динамо» генерал-майор милиции Владимир Ульянович Тимошин, заслуженный мастер спорта России по синхронному плаванию, олимпийская чемпионка, трехкратная чемпионка мира и Европы Гелена Топилина, заслуженный мастер спорта СССР по фехтованию, чемпионка мира, многократная чемпионка Европы и СССР, заслуженный работник физической культуры и спорта Надежда Арская, мастер спорта международного класса по легкой атлетике, обладатель бронзовой медали чемпионата Европы, серебряный при-

зер турнира «Дружба-84», председатель Совета ветеранов войны, труда и спорта Московской городской организации ВФСО «Динамо» Вячеслав Устинов, мастер спорта по легкой атлетике, заслуженный тренер РСФСР, судья всесоюзной категории полковник в отставке Валерий Мацур.

Гости посетили выставочную экспозицию, где начальник отдела музейно-выставочной деятельности Общества «Динамо» Олег Налбандов рассказал о становлении и достижениях легендарного «Динамо» в разные исторические периоды.

Присутствовавшие ознакомились с выставкой творческих работ Всероссийского конкурса детей и ветеранов, посвященного 100-летию Общества

«Динамо», и побывали в конференц-зале.

Социально-патриотическая акция продолжилась возложением цветов к мемориальной доске ОМСБОН НКВД СССР и к памятнику Льву Яшину, где ветераны Общества «Динамо» Вячеслав Эдуардович Устинов и Валерий Викторович Мацур провели тематические митинги.

Затем все участники акции, которая была организована при активном содействии ООО ВТБ Арена, осмотрели новое арт-пространство с отреставрированными историческими барельефами, увидели футбольную и хоккейную арены, смогли заглянуть в пресс-центр, посетить тренировочные площадки и раздевалки игроков. 

Скирмановский плацдарм

ЧЕЛОВЕКОМ НЕОБЫЧНОЙ СУДЬБЫ НАЗЫВАЛИ ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ, ДОКТОРА МЕДИЦИНСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЕФИМА АНАТОЛЬЕВИЧА ДЫСКИНА. СВОЙ ВОЕННЫЙ ПОДВИГ ОН СОВЕРШИЛ 18 НОЯБРЯ 1941 ГОДА В ПОДМОСКОВЬЕ, У ДЕРЕВНИ ГОРКИ. СПУСТЯ ГОДЫ О ЕФИМЕ АНАТОЛЬЕВИЧЕ НАПИШУТ, ЧТО ОН УСТАНОВИЛ АБСОЛЮТНЫЙ РЕКОРД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЗА ОДИН БОЙ ИЗ ОДНОГО 37-ММ ЗЕНИТНОГО ОРУДИЯ ПОДБИЛ СЕМЬ ВРАЖЕСКИХ ТАНКОВ.

Маршал Георгий Жуков писал об этом сражении: «Всем известны имена панфиловцев, Зои Космодемьянской и других бесстрашных воинов, ставших легендарными, гордостью народа; однако в один ряд с ними я бы поставил и подвиг рядового наводчика орудия 694-го артиллерийского противотанкового полка Ефима Дыскина».

К столетию со дня рождения героя прошли две научные конференции: одна в медицинской академии, где он руководил кафедрой и на которой коллеги и последователи Ефима Анатолевича вспоминали его труды в медицине, другая на базе музея-клуба «Скирмановские высоты» в поселке Брикет Рузского городского округа. Ее организовали члены историко-патриотического клуба «Скирмановские высоты», поискового отряда «Надежда», патриотического клуба «Кремлевец» Президентского полка СКМК ФСО РФ и активисты Книги памяти Московской области.

Участники конференции возложили цветы на месте памятного боя и прослушали научные доклады. Первый – о создании 37-мм автоматической зенитной пушки образца 1939 года. 18 ноября 1941 года боевой расчет именно такого зенитного орудия вошел в историю Великой Отечественной войны.

В других докладах, подготовленных краеведами и сотрудниками истори-

ко-патриотического клуба «Скирмановские высоты», рассказывалось о схватках с врагом за Скирмановские высоты, подробно излагалась предыстория подвига.

В конце октября 1941 года Скирманово оказалось на рубеже обороны 16-й армии – здесь проходила линия фронта. 25 октября деревню, расположенную на высотах, господствующих над окружающей местностью, и находившуюся в нескольких километрах от Волоколамского шоссе, заняла 10-я танковая дивизия вермахта. Изначально немцы



ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЕФИМ ДЫСКИН



ИЗ ТАКОЙ ПУШКИ ЕФИМ ДЫСКИН С ТОВАРИЩАМИ ГРОМИЛИ ВРАЖЕСКИЕ ТАНКИ



ЮНАРМЕЙЦЫ НА МЕСТЕ ЛЕГЕНДАРНОГО БОЯ

планировали выйти к Волоколамскому шоссе и перерезать его, однако, натолкнувшись на вновь образованную частями Красной армии линию фронта, остановились (как они полагали, временно) в Скирманове, превратив деревню в мощный оборонительный узел. Группировка немцев охватывала левый фланг 16-й армии и находилась на господствующих высотах в непосредственной близости от Волоколамского шоссе, поэтому командование 16-й армии приняло решение атаковать и ликвидировать вражеский Скирмановский плацдарм. На этом участке разгорелись кровопролитные бои, которые продолжались с переменным успехом с 26 октября по 19 ноября 1941 года.

На первом этапе противостояния здесь героически сражались 28-я танковая бригада, воины 18-й стрелковой дивизии. В блокировке путей снабжения немцев на Скирмановском плацдарме нашим бойцам активно содействовали 258-й стрелковый полк 78-й стрелковой дивизии полковника Белобородова и 50-я кавалерийская дивизия группы генерал-майора Доватора, поддерживали армейская артиллерия

и 31-й отдельный гвардейский минометный дивизион («катюши»). Однако сразу ликвидировать Скирмановскую группировку врага не удалось. Только 12 ноября, после мощной артподготовки, когда на Скирмановские высоты пошли в атаку 28, 27 и 4-я танко-



РАЗГРОМЛЕННАЯ ГИТЛЕРОВСКАЯ ТАНКОВАЯ ЧАСТЬ У ДЕРЕВНИ СКИРМАНОВО. 1941 ГОД

вые бригады при поддержке 365-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии, оборона врага рухнула. Но прежде, на небольшом поле 1,5 на 1,5 километра у деревни Скирманово, сошлись в ожесточенном встречном бою более 100 танков двух противоборствующих сторон. Накануне этого боя 4-й танковой бригаде было присвоено звание 1-й гвардейской, а ее командиру Катукову – звание генерал-майора. Гвардейцы-танкисты оправдали это высокое звание. Они решительно действовали в центре, на острие главного удара. В результате боев за Скирманово 10-я танковая дивизия вермахта была сброшена со Скирмановских высот. После понесенных потерь она лишилась достаточной ударной силы и могла быть использована только для решения ограниченных задач.

Во второй половине ноября немцы под напором войск 16-й армии под командованием Константина Рокоссовского, в том числе и против Скирмановского плацдарма, были вынуждены уже в начале второй фазы операции «Тайфун» ввести в бой на Волоколамском шоссе 46-й танковый корпус, находив-

шийся в резерве. Его планировали бросить в бой только у стен Москвы.

18 ноября 1941 года у деревни Горки на позиции 3-й батареи 694-го артиллерийского полка противотанковой обороны 18-й стрелковой дивизии 16-й армии после мощной артподготовки пошли в атаку немецкие танки. Расчет единственного уцелевшего 37-мм зенитного орудия в составе командира орудия старшего сержанта Семена Плохих, левого наводчика сержанта Петра Гусева, правого наводчика красноармейца Ефима Дыскина, красноармейца-корректировщика Федора Лушина, красноармейца-корректировщика Михаила Соколова, красноармейца-заряжающего Андрея Блинова, красноармейца – подносчика снарядов Григория Журавлева, красноармейца – подносчика снарядов Георгия Пленицына принял неравный бой. Боевой расчет сражался героически – были подбиты и сожжены три немецких танка. Погиб Гусев, были тяжело ранены Пленицын, Плохих и Дыкин. Командование орудием принял на себя полковой комиссар Федор Хрисанфович Бочаров. Получивший в этом бою четырнадцать ранений Дыкин не покинул свой



ДОКЛАД НА НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В МУЗЕЕ-КЛУБЕ «СКИРМАНОВСКИЕ ВЫСОТЫ»

боевой пост правого наводчика и вел прицельный огонь до полного израсходования снарядов, подбив еще четыре танка.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1942 года за образцовое выполнение боевого задания

командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм Ефиму Анатольевичу Дыскину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Всю свою дальнейшую жизнь Ефим Анатольевич посвятил работе в Военно-медицинской академии, занимаясь теоретическими и прикладными вопросами военной медицины, стал доктором медицинских наук, профессором и заведующим кафедрой нормальной анатомии. В 1981 году ему было присвоено звание генерал-майора медицинской службы.

Осенью 2019 года на месте боя 3-й батареи 694-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка у деревни Горки силами поисковиков, историков и общественников был открыт памятный знак. Здесь ежегодно проводятся памятные мероприятия, неизменными участниками которых становятся кадеты и жители близлежащих городов и поселков, неравнодушные к истории своей малой родины. 



ЭКСПОЗИЦИЯ МУЗЕЯ НАГЛЯДНО РАССКАЗЫВАЕТ ПОСЕТИТЕЛЯМ О ПОДВИГЕ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ

«Контролеры» в Москве

КАК ВОЕННЫЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ ОБЫГРАЛИ АБВЕРКОМАНДУ 103

РАДИОИГРА «КОНТРОЛЕРЫ», КОТОРУЮ ПРОВОДИЛ 3-й ОТДЕЛ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ» НКО СССР С 5 АВГУСТА 1943 ПО КОНЕЦ АПРЕЛЯ 1945 ГОДА, ЗАНИМАЕТ ОСОБОЕ МЕСТО В «БОЛЬШОЙ ИГРЕ» СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ С АБВЕРКОМАНДОЙ 103 (АК 103, ПОЗЫВНОЙ РАДИОСТАНЦИИ – «САТУРН») ПРИ РАЗВЕДОТДЕЛЕ ШТАБА ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР».

ОСНОВНОЙ ЗАДАЧЕЙ ЭТОЙ ОПЕРАЦИИ НАРЯДУ С ПЕРЕДАЧЕЙ ПРОТИВНИКУ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДЕЗИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРЕСАХ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ БЫЛО ПРОВЕДЕНИЕ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПЕРЕХВАТУ КАНАЛОВ ПЕРЕБОСКИ ПРОТИВНИКОМ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ АГЕНТУРЫ В МОСКВУ. С ОСЕНИ 1943 ГОДА РАДИОГРАММЫ, ПЕРЕДАВАЕМЫЕ РАДИОТОЧКОЙ «КОНТРОЛЕРЫ», ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПОДДЕРЖИВАТЬ У ПРОТИВНИКА ДОВЕРИЕ К ДЕЗИНФОРМАЦИИ, ПОСТУПАВШЕЙ ОТ ДВУХ ДРУГИХ АГЕНТУРНЫХ РАДИОСТАНЦИЙ – «БОРИСОВ» И «РАЗВОД».

ТЕКСТ Владимир МАКАРОВ



Эта «игра» интересна еще и тем, что в задержании курьеров «Сатурна» непосредственное участие принимал майор Дмитрий Петрович Тарасов, автор первой публикации, посвященной радиоиграм контрразведки «Смерш».

В своей книге Дмитрий Тарасов подробно рассказал о важности для германской разведки сведений о воинских перевозках через Москву и контрмерах, предпринятых Смершем для противодействия и парализации работы агентуры противника:

«К Московскому железнодорожному узлу, связывающему советскую столицу со многими районами страны, германская разведка проявляла исключительный интерес... Располагая сведениями обо всем этом, гитлеровцы имели бы возможность разгадывать планы советского военного командования... Перед советской контрразведкой стояла задача – сорвать эти планы гитле-

ровских лазутчиков. Для выполнения этой задачи органами советской контрразведки было включено в радиоигру семь агентурных радиостанций, изъятых у арестованных агентов германской разведки...»

В книге Дмитрий Тарасов посвятил радиоигре «Контролеры» отдельную главу «Дублеры».

После сокрушительного поражения немецких войск под Сталинградом Верховное командование вермахта (ОКВ) надеялось взять реванш в ходе летнего наступления 1943 года на орловско-курском направлении. В этой связи ОКВ было чрезвычайно важно знать основные направления переброски войск и техники Красной армии через Московский железнодорожный узел.

В ночь на 30 июля 1943 года в районе станции Родионово Ярославской области германской военной разведкой были выброшены с самолета на парашютах агенты Бородин и Орлов. Высадка прошла для них не совсем удачно. Во время приземления разведчики потеряли друг друга. 30 июля в районе станции Родионово разведчик Орлов был задержан капитаном Красной армии и арестован.

Агент-радист Бородин после приземления сам явился с повинной к начальнику станции Родионово Ярославской железной дороги и заявил, что переброшен немцами для разведывательной работы.

При аресте у Бородина были изъяты коротковолновая портативная радиостанция, фиктивные документы военного образца на имя Громова Д.М. и Усова В.И., чистые бланки продовольственных и вещевых аттестатов, требование на перевозку по железной дороге, пропуска для беспрепятственного передвижения после 24 часов по Москве, револьвер системы «Наган» и пистолет ТТ, советские деньги в сумме 194 000 рублей.

На допросе 3 августа в 3-м отделе ГУКР «Смерш» агент Бородин дал подробные показания о полученном в



ФИКТИВНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ АГЕНТА БОРОДИНА

«Сатурне» задании – сообщать по радиостанции сведения о воинских перевозках по Окружной и Ярославской железным дорогам, а также данные о работе московских оборонных заводов и фабрик.

Для установления связи с германским центром группе была выдана коротковолновая радиостанция, смонтированная в чемодане. По словам Бородина, аппаратура позволяла обеспечивать нормальную связь на расстоянии не менее одной тысячи километров.

После проверки информации, полученной от Бородина, о задании группы, времени выхода в эфир, кодах и шифрах, условных знаках на случай работы под контролем советской контрразведки с санкции начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР комиссара ГБ 2-го ранга Виктора Абакумова радиоточка была включена в «игру» с противником под кодовым наименованием «Контролеры». В военной контрразведке Бородин получил оперативный псевдоним Владимиров.

В «Дневнике работы радиостанции „Контролеры“» сохранились тексты радиограмм, переданных противнику, и шифровки, принятые от германской военной разведки. Анализируя поступившие от АК 103 задания, контрразведчики Смерша и руководство Генштаба Красной армии смогли раскрывать ближайшие планы руководства группы армий «Центр» и Верховного командования вермахта.



БОРОДИН НА ОДНОЙ ИЗ МОСКОВСКИХ УЛИЦ

В этом материале будут рассказаны только некоторые эпизоды радиоигры «Контролеры». На начальном этапе для того, чтобы закрепить доверие в абверкоманде 103 к радиоточке, в сентябре – октябре 1943 года противнику было направлено значительное число радиограмм с дезинформацией о перевозках по Окружной железной дороге и другим транспортным магистралям столицы.

5 августа 1943 года противнику отравили первую радиограмму:



ФИКТИВНОЕ КОМАНДИРОВОЧНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ АГЕНТА БОРОДИНА, ВЫДАННОЕ АБВЕРКОМАНДОЙ 103

Все в порядке. Рацию спрятали возле Москвы. Ищем удобное место для работы.

С этого времени в радиоцентр АК 103 регулярно поступала дезинформация, подготовленная в Генштабе Красной армии.

17 августа 1943 года в германский «центр» были направлены две радиogramмы:

1) 7 августа по Ярославской дороге прибыли два эшелона войск, два сборных, один эшелон танков, отправлены по Окружной дороге на Запад. Эшелон танков остановился на Сортировочной. Видел сам; 2) 12 августа на Ярославской

дороге три эшелона ящиками боеприпасов. Отправлены на Окружной на юго-восток через станцию Белокаменская. Видел сам.

21 августа 1943 года из радиоцентра АК 103 поступило задание:

Передавайте два-три раза в неделю, если срочно и больше. Ждем военсведения. Привет от капитана.

В ответ противнику передали две радиogramмы:

1) 19 августа на станции Белокаменская – два эшелона с железнодорожным оборудованием. Перегонялись с Ленинской дороги на Ярославскую. Видел сам; 2) 20 августа 13 часов эшелон пехоты

43 вагона с Ярославской дороги отправлены на станцию Белокаменская, на Окружную. Видел сам.

22 сентября 1943 года во вражеский радиоцентр послали шифровку о порядке радиосвязи:

Если назначенный день я не явился, вызывайте после этого ежедневно, иначе проходит много времени для возобновления связи.

На следующий день, 23 сентября, трижды передали радиogramмы в АК 103 с дезинформацией военного характера:

1) С 10 по 17 сентября по Октябрьской дороге направлено эшелонов: 15 –

пехота, 13 – танками, 11 – артиллерия. Наблюдал сам по 3–4 часа в день; 2) 20 и 21 сентября по Октябрьской дороге отправлена пехотная часть составе 7 эшелонов. Бойцы говорят, были на отдыхе в районе Горький. Видел сам; 3) С 25 августа по 5-е сентября по Ярославской дороге прибыли 17 эшелонов с солдатами, 8 эшелонов пушками разных калибров, 5 танками и автомашинами, 12 plombированных вагонов под охраной. Все эшелоны отправлены в сторону Ростokino. Наблюдал сам по два-три часа в день.

В абверкоманде позитивно оценили активность своих разведчиков. 25 сентября из радиоцентра получили две шифровки:

1) Спасибо за сведения. Старайтесь больше для достижения главной цели. Не задерживайтесь дольше допустимого на одном месте; 2) Благодарим Вас за хорошие сведения. Скажите нам еще, куда отправлена в семи эшелонах погруженная пехотная часть, находившаяся на отдыхе в Горьком; куда отправлены 13 эшелонов, о которых Вы нам сообщили, ехавшие по Ярославской дороге в направлении Ростokino. Это нас особенно интересует. Друзья! Почему так долго не давали нам сведения. Сообщайте тактически важные сведения. Привет Вам.

Принятые от противника радиogramмы свидетельствовали о том, что в АК 103 верили своим агентам. В ответ в тот же день в «Сатурн» радиовали:

1) От старшины 51-й гвардейской тактической бригады, ехавшей в Бологое, узнал, что их бригада вместе с вновь сформированным ударным танковым корпусом скоро должна принять участие в боях на участке Старая Русса; 2) 18 и 19 сентября отправлено по Октябрьской дороге на Калинин эшелонов: пять [с] танками „Т-34“ и „КВ“, два – танкистами, три – артиллерия и солдаты. Эшелоны прибыли с Ленинской и Горьковской дороги. Видел сам.

С началом октября смершевцы приступили к очередному этапу радиогри – осторожно запросили помощь.

С этой целью 2 октября в «Сатурн» передавали:

Инструкции выполняем, сменили четвертое место. Сейчас по совету отца живем Лосиноостровская у его знакомого. Отец о нашей работе знает, принял от нас 50 тысяч рублей. Благодарим за хорошие документы и просим еще сделать чистых бланков отпускных билетов. Осталось только два бланка. Привет.

Одновременно продолжали отправлять дезинформацию военного характера. 4 октября в АК 103 были направлены две радиogramмы:

1) 23 сентября 16-00 станция Владыкино Окружная дорога два эшелона танкистов. Командиры занимают несколько пассажирских вагонов. Составе эшелонов платформы с танками „КВ“ и зенитные установки. Солдаты говорят, едут в Бологое. Видел сам; 2) 29 и 30 сентября через Ростokino в сторону Владыкино прошло эшелонов: 12 – пехота, 5 – артиллерия, 3 – танки, 2 – автомашины, 7 – боеприпасы. В основном прошли с Ленинской и Горьковской дороги. От сержанта узнал, едут в район Вишеры. Видел сам.

7 октября противнику радиовали:

1) 5 октября Москва–Бологое – 8 эшелонов с 8 часов 30 минут через каждые сорок минут. Уезжала 54-я стрелковая бригада. Видел сам; 2) По Ярославской дороге сюда прибывает большое количество эшелонов стройматериалами и продовольствием. Последнее время идет много скота. Эшелоны уходят по железным дорогам на юго-запад. Видел сам.

12 октября из «центра» пришла радиogramма:

Ваши последние сведения очень хорошие. Они доказывают, что Вы верно работаете. Мы благодарим Вас наши верные. Не забудьте передавать регулярно сведения о погоде, которые для нас очень важны. Сообщайте и о положении и настроении в Москве.

Во время этого же радиосеанса связи в «центр» была направлена радиogramма следующего содержания:

Срочная. К телеграмме 269. Когда и как вышлите чистые бланки отпускных билетов. Ждать можем 15 дней. Ждем Ваших указаний. Привет.

14 октября из АК 103 пришел ответ: Почему не пользуетесь бланками, взятыми с собой. Расходовать все еще



СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА УКР «СМЕРШ» МВО В 3-й ОТДЕЛ ГУКР «СМЕРШ» О НАПРАВЛЕНИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ИЗЪЯТЫХ У АГЕНТОВ ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ. 3 АВГУСТА 1943 ГОДА

не смогли. Помните, что посылка курьера связана с риском для Вас. Привет от капитана.

В тот же день в абверкоманду передали два дезинформационных сообщения:

1) Москве открылись коммерческие рестораны и хлебные магазины. Черный хлеб стоит 30 рублей, белый – 60 рублей кило. Дают без карточек. Хожение по городу разрешено до часа ночи; 2) Через отца познакомился с монтером электростанции завода № 45. Он рассказывает: подстанция работает на полную мощность, дает энергию [для] двух цехов.

16 и 18 октября противнику ответили на шифровку от 14-го числа:

Срочная. Господину капитану. Мы получили по 6 отпускных бланков и 5 бланков командировок. По три билета нам заполнили при отъезде, по ним мы проживали до 6 сентября. Остальные заполнили сами, как нас учили через 15 дней. Последний бланк заполнили 11-го октября. Срок кончается 26 октября; Командировок остался один бланк на двоих. Шесть использовали для выходов на вокзалы, три испортили. Никаких других документов нет, сами достать не сможем, выручайте, делайте безопасно. Ждем. Привет.

22, 23 и 24 октября из АК 103 пришли сразу три радиogramмы:

Ваши сведения хорошие, но часто неразборчивые. Шифруйте лучше. Курьера готовим. Повторите радиogramму от 18-го. Привет. Кап; Совершенно безопасно для Вас два варианта: найдите безопасное место для сброски багажа или пришлите к нам напарника, которого с пакетом опять перебросим. Срочно дайте Ваше мнение. Кап; Немедленно работайте 10 часов 45 минут и 15 часов Московского времени.

Как и требовали из радиocентра противника, 24 октября вышли в эфир и передали четыре радиogramмы:

1) К 28-му готовьте багаж, документы, батареи, шифровую бумагу, фонари, зимнюю форму, спирт, табак, подарок родителям. Еду искать место в райо-

не Александров Ярославской дороги. Использую последний бланк командировки. Напарника оставляю без документов. Место и сигналы сообщу из района. Жду указаний; 2) Проследовавшие 16 и 17 октября эшелоны идут под Новгород. Узнали из разговоров с бойцами, оставшими от эшелонов; 3) 19 октября по Октябрьской железной дороге отправлено один эшелон автоматчиков, 12 платформ пушки, 23 цистерны горючего, два эшелона боеприпасы. Видел сам; 4) 21 октября Москва–Ржев 15 часов 20 минут один эшелон 38 вагонов – пехота, 16 часов – один эшелон 26 цистерн бензин, 7 платформ зенитные орудия, 12 вагонов груз. Видел сам.

На следующий день, 25 октября, из радиocентра прислали две радиogramмы:

1) Готовим пакет к сроку. Район подходящий. Найдите место, где безопасно можно развести три видных костра в треугольнике. Ждем точного места. Привет. Кап; 2) При первой возможности установите численность, вооружение воздушно-десантной части, формирующейся в Дмитрове, 60 километров севернее Москвы.

В ответ противнику направили две радиogramмы с дезинформацией:

1) Телеграмма 158 от 18 октября. Сообщил, что 16 и 17 октября направлении Вишера отправлено пять эшелонов пехоты, два артиллерии, один – саперные части. Видел сам; 2) 23 октября 8 часов через станцию Лефортово на север 2 эшелона 7 вагонов артиллеристы, 28 платформ пушки самоходные, 14 платформ автомашины, больше 30 вагонов крытых. Видел сам.

Командованию группы армий «Центр» уже приходилось противостоять советским воздушно-десантным соединениям во время Ржевско-Вяземской наступательной операции 1942 года. В течение почти четырех месяцев в тылу германских войск вели активные боевые действия советские десантники 4-го воздушно-десантного корпуса. В этой связи в разведотделе и штабе группы армий «Центр» имелись

серьезные основания внимательно наблюдать за формированием воздушно-десантных частей в Подмосковье.

Об этом свидетельствует и то, что задание от АК 103 сообщать о формировании под Москвой воздушно-десантных частей поступило и по другим радиоточкам, работавшим в районе столицы, – «Борисов» и «Развод».

В ноябре 1943 года агент военной контрразведки Владимиров был освобожден из-под стражи и проживал со своей семьей в Москве.

Тем временем комбинация Смерша по вызову «помощи» вступила в активную фазу. Наступил 1944 год. 3 января противнику радиовали:

Отцу рассказали знакомые, что на днях в район Загорска, Пушкино и Мытищи прибыло с востока много войск, разместились. Выясняю количество и назначение.

Очередной сеанс связи состоялся 15 января. В АК 103 направили дезинформацию:

28 и 30 декабря отец видел на станции Лефортово четыре эшелона войск, один эшелон танки, три эшелона артиллерия, [из них] два смешанных, много аэросаней. Прошли сторону Ростokino.

19 января во время сеанса связи от противника приняли две радиogramмы. Из расшифрованного текста следовало, что командование группы армий «Центр» было серьезно обеспокоено формированием воздушно-десантных соединений в районе Москвы.

В Смерше продолжили «игру», целью которой было убедить противника во все возрастающих сложностях работы агентов в Москве и отсутствии необходимых документов для полноценной разведывательной работы. 16 февраля противнику сообщили:

Новый ночной пропуск сделан на тонкой плотной бумаге, приблизительный размер 7х10 см. Одна сторона белая, другая голубого цвета с рисунком самолета. Вверху написано: Управление команданта города Москвы, потом – пропуск, номер..., выдан....

В справке от 25 января начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» подполковник Владимир Барышников сообщал начальнику ГУКР «Смерш»: «Описание пропуска соответствует действительности, но его изготовление по описанию невозможно, так как не дано описание рисунка».

Подобные сведения об изменении ночных пропусков в столице были переданы и перевербованными германскими агентами, задействованными в других радиоиграх, которые велись в районе Москвы.

3 марта была принята очередная радиogramма из «Сатурна», которая содержала требование получить сведения о формировании в Подмосковье воздушно-десантных частей:

В Дмитрове, Щелково и Монино формируются новые десантные войска. Установите и сообщите подробности, каким образом и куда будут отправлены, имеют ли зимнюю форму, лыжи и какое оружие. Прошу срочно установить и до отправки наблюдайте. Признаки

отправки немедленно сообщите. Привет. Кап.

В рамках полученного от абверкоманды задания 6 и 13 марта противнику передали:

От военных знакомых отец узнал, что Дмитрове, Ногинске, Загорске, Щелково и Пушкино происходит большая формировка воздушно-десантных частей. Выясняем точное количество [6 марта]; Через знакомых отец дополнительно узнал, что в Дмитрове формируются две десантные бригады, девятнадцатая и двадцатая. Происходит активное обучение десантников наземному бою, и производятся прыжки на парашютах.

Под текстом дезинформации помещена справка, заверенная начальником Разведуправления Генштаба Красной армии генерал-лейтенантом Федором Кузнецовым:

В январе 1944 года 19-я и 20-я бригады действительно находились в Дмитрове. Обе они были предназначены для включения в состав 37-го гвардейского

корпуса (стрелкового) и должны были убиты на фронт.

Боевой путь 37-го гвардейского стрелкового корпуса, сформированного в январе 1944 года в Подмосковье, дает основание предположить, какие цели преследовала дезинформация Генштаба Красной армии, переданная противнику по радиоточкам «Контролеры», «Развод» и «Борисов».

В июне 1944-го корпус был переброшен на Карельский фронт и с 21 июня по 9 августа принял участие в Свирско-Петрозаводской операции. В ходе наступления соединения Красной армии нанесли поражение финским войскам, продвинулись в западном и юго-западном направлениях на 110–250 км, освободили большую часть Карело-Финской ССР и тем самым создали предпосылки для выхода Финляндии из войны на стороне нацистской Германии.

Тем временем радиоигра с противником развивалась по плану, разработанному 3-м отделом ГУКР «Смерш».



СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ ВЫХОДЯТ НА НОВУЮ ОГНЕВУЮ ПОЗИЦИЮ. КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ. АВГУСТ 1944 ГОДА

Как отмечалось ранее, с середины октября 1943-го от имени Бородина стали настойчиво требовать от противника новых документов для своих агентов-разведчиков.

Из-за неблагоприятных метеорологических условий выброска груза в ноябре – декабре не состоялась. По этой причине АК 103 сообщили явочный адрес в Москве, куда лишь 27 февраля 1944 года прибыли два агента абверкоманды – Громов и Мельников.

Курьеры доставили Бородину фиктивные документы военного образца, батареи для радиостанции, обмундирование, подарки для отца Бородина и 147 000 рублей. В тот же день Бородин подготовил донесение в 3-й отдел ГУКР «Смерш» о задержании агентов противника. Приведем небольшой фрагмент из этого документа:

«<...> В 8 часов 45 минут в квартиру постучали. <...> Войдя в прихожую, мы поздоровались, я предложил им раздеться и стал расспрашивать, как они добрались. Раздеваясь, „Громов“ положил автомат на кровать, воспользо-

вавшись этим случаем, я взял автомат и отнес его в другую комнату, заявив: „Здесь ему не место лежать“.

Как только „Громов“ и „Мельников“ сняли шинели, из соседней комнаты выскочили майор Тарасов и капитан Лебедев и, наставив пистолеты на курьеров, приказали им поднять руки вверх. Для них это было полной неожиданностью, растерявшись, они не знали, что делать, и продолжали стоять, не поднимая рук. При вторичной команде „Руки вверх!“ „Мельников“ повиновался, а „Громов“ правой рукой полез в карман брюк, где у него находился револьвер „Наган“.

Схватиться за оружие „Громову“ не удалось, так как стоявший рядом с ним капитан Лебедев сбил его с ног и опрокинул на пол. Одновременно на пол было приказано лечь и „Мельникову“. В этом положении я по приказанию майора Тарасова связал „Громову“ и „Мельникову“ руки, а капитан Лебедев произвел обыск и изъясил оружие...».

Только когда посланцев «Сатурна» на улице посадили в легковую маши-

ну, они поняли, что попали в засаду или, как они сами образно выразились, «в дом для некурящих».

Задержанными оказались опытные германские агенты-разведчики, не раз выполнявшие разведывательные задания в советском тылу: Петр Кузнецов (псевдоним Мельников) и Иван Корнеев (Громов), оба бывшие военнослужащие Красной армии, завербованные германской военной разведкой.

Среди документов, изъятых у курьеров «Сатурна», была шифрованная телеграмма Бородину с новыми заданиями, инструкцией по заполнению документов и сообщение от капитана о награждении агентов за хорошую работу медалью «За храбрость и заслуги», что служило еще одним доказательством того, что в АК 103 верят получаемым от агентов разведывательным данным.

В 3-м отделе ГУКР «Смерш» воспользовались тем, что противник не предупредил радиограммой о приходе курьеров на связь к Бородину. В начале марта 1944 года смершевцы сообщили в абверкоманду, что курьеры не явились, и снова начали требовать прислать помощь.

5 мая и 26 июня в определенное сотрудниками Смерша место в Подмоскowie (в 5 км северо-восточнее железнодорожной станции Михнево) противник сбросил с самолета на парашютах две посылки для разведчиков. В них были обнаружены 359 000 рублей, батареи к радиостанции, различные фиктивные документы военного образца и обмундирование.

18 июля агент контрразведки Владимиров за участие в спецоперации по ходатайству руководства Смерша был награжден орденом Красной Звезды.

Передав противнику сведения об изменении документов, контрразведчики вновь запросили помощи в «Сатурне». На этот раз в абверкоманде не спешили с ответом. Очередные курьеры «Сатурна» прибыли только осенью. Двое военнослужащих были задержаны 22 ноября 1944 года на Белорусском

вокзале в Москве после того, как во время проверки предъявили фиктивные документы. Признав себя агентами германской разведки Слепцовым и Баранским, они сообщили, что в качестве курьеров следуют в Москву как раз по тому адресу, который смершевцы передали в абверкоманду по делу «Контролеры». Они получили задание установить связь с агентами Бородиным и Орловым, передать им деньги в сумме 50 000 рублей и устные указания.

На допросе 23 ноября военные контрразведчики узнали от Слепцова, что сведения, поступавшие от агента Бородина, в АК 103 пользуются доверием:

«[...] Вопрос: Как немцы отзывались о работе Усова и Громова (на фамилии Усов и Громов агентам Бородину и Орлову были выписаны в «Сатурне» фиктивные документы. – Прим. автора) в тылу Красной армии?

Ответ: Откровенных и прямых суждений по этому вопросу я ни от кого не слышал, но по тому, как они готовили нас в качестве курьеров к Усову и Громову, можно сделать вывод, что они им верят и работой дорожат».

В декабре 1944-го радиоигра «Контролеры» получила развитие в несколько неожиданном направлении. 15 декабря начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» полковник Владимир Барышников направил рапорт начальнику ГУКР «Смерш» НКО СССР Виктору Абакумову, в котором доложил свои предложения по дальнейшему развитию радиоигры:

«По агентурной радиостанции „Контролеры“, действующей в Москве, противник в ходе радиоигры агентам Усову и Громову 2-го декабря с.г. радировал:

После того, как некоторое время жили в своем городе, мы просим Вас выехать к нам ближе. Здесь нам легче будет о Вас позаботиться. Ваше новое задание такое – наблюдать движение поездов на участке Вильно–Ковно. К северо-западу от станции Вивес Вы найдете густой лес. Там живите, пока



ВО ВРЕМЯ СЕАНСА СВЯЗИ

не найдете квартиру в ближайшей деревне. Пожелаю Вам всего хорошего. Привет. Капитан...

В целях более успешного развития радиоигры «Контролеры», считаю целесообразным дальнейшую работу ее перевести в район станции Вивес железной дороги Вильно–Ковно, для чего командировать туда старшего оперуполномоченного 3-го отдела ГУКР «Смерш» т. Елину для организации работы на новом месте и ознакомления сотрудников, которые будут осуществлять радиоигру.

Кроме того, т. Елину поручено оказать практическую помощь на месте оперативным работникам ОКР «Смерш» Белорусского Военного округа в работе по радиограммам «Костры» и «Друзья». Прошу Вашей санкции». На документе краткая резолюция: «Послать. Абакумов. 16/XII [1944]».

В 20-х числах декабря 1944 года агентурная радиоточка «Контролеры» была передана в Минске во 2-е отделение ОКР «Смерш» Белорусско-Литовского военного округа. В это время в радио-

граммах противник требовал данные о воинских перевозках в этом районе и перемещения агента все ближе к линии фронта, обещая оказать помощь.

Последний сеанс связи с «Сатурном» состоялся 25 апреля, после чего радиостанция в эфир не выходила. В справке 3-го отдела ГУКР от 18 мая 1945 года сказано: «Дальнейшая работа радиоточки прекращена вследствие капитуляции немецких войск и окончания войны».

В результате радиоигры «Контролеры» контрразведке «Смерш» удалось вызвать и арестовать четырех агентов германской военной разведки, получить, под предлогом доставки помощи, советских денег в сумме 750 600 рублей и заставить противника сделать две сброски по одному баллону различных грузов. В процессе радиоигры противнику отправлено 110 радиограмм, от него получено 52 радиограммы. Деинформация, переданная противнику, сыграла важную роль не только в отдельных сражениях, но и в целом приблизила нашу Победу в войне. 



РИА НОВОСТИ

ПОДПИСАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФИНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ АКТА О СДАЧЕ ПОГРАНИЧНЫХ УЧАСТКОВ. КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ. 4 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА

Мой первый орден

ОПЕРАТИВНАЯ РАБОТА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

ЛЕТО 1943 ГОДА. НАША 133-я КРАСНОЗНАМЕННАЯ ОРДЕНОВ СУВОРОВА И БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ ГОТОВИЛАСЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ СМОЛЕНСКА.

ТЕКСТ Из воспоминаний капитана Абы ХЕНКИНА

В то время я исполнял обязанности оперуполномоченного ОКР «Смерш» и осуществлял оперативное обеспечение противотанкового артиллерийского дивизиона. Оперативное обслуживание стрелкового полка в то время было возложено на старшего оперуполномоченного. В его подчинении мог быть еще опер. Каково же было положение оперативного работника? В соответствии со служебной иерархией он третье лицо, первое – командир полка, второе – комиссар.

Как правило, в ходе боя сотрудник военной контрразведки находился рядом с командиром полка. Он не отси-

живался где-то там, в тылу, а оказывал всевозможную помощь, в критические моменты выдвигался на наиболее напряженные участки. Именно так сотрудники контрразведки укрепляли авторитет среди военного командования и воинского коллектива, и от этого зависело многое!

Мне повезло с командиром, я сумел выстроить с ним дружеские и в то же время принципиальные взаимоотношения. Благодаря этому я всегда держал руку на пульсе – знал, что происходит в дивизионе и его батареях.

Это было в 1943 году. Дивизия перешла в наступление на территории Смоленской области.

Нередко приходилось делать кратковременные остановки, подавлять очаги сопротивления противника и снова идти вперед. Вот и теперь потребовалось уничтожить артиллерийскую батарею, прикрывающую отход немцев.

Я находился в штабе рядом с командиром дивизиона, примерно в 200–300 метрах от переднего края, где стояли орудия. Надо было делать свою работу: общаться с людьми, наблюдать, как идет дело, нет ли попыток перехода к противнику и так далее.

Вышел из штаба дивизиона, направился на передний край. В этот момент услышал свист снаряда. Мы уже по звуку определяли, где он взорвется: недолет, перелет или в меня. Слышу, что снаряд летит через меня, – иду спокойно, не торопясь. Второй снаряд, чувствую, летит в меня. Соображаю: где укрыться? Укрытия никакого нет – вокруг чистое поле. Единственное, что я мог сделать, – это лечь. Закрыв глаза... Взрыв! Слышу шум падающих осколков. Рядом со мной удар. Присматриваюсь и не верю своим глазам. Перед моим носом, буквально на расстоянии примерно пяти сантиметров, торчит из земли раскаленный осколок снаряда величиной с ладонь. Еще немного, и я бы никому уже ничего не рассказал. Такое бывает на войне.

Военный контрразведчик, находившийся на переднем крае, всегда подвергался такой же опасности, как все бойцы и командиры. Обстрел прекратился. Поднялся, пошел выполнять свою оперативную работу.



РАСЧЕТ 76-мм ПРОТИВОТАНКОВОЙ ПУШКИ ЗИС-3 НА ПОЗИЦИИ. 1943 ГОД

Запомнился еще один случай. Мы заняли долговременную оборону, вырыли окопы полного профиля. В 30 метрах от нас – поляна, за ней – немецкие окопы. Мы знаем, что там находится немецкий снайпер; если высунуть голову, можно ее лишиться.

Мне нужно встретиться со «своим» человеком, но как это сделать? Он в окопе, рядом бойцы. Поэтому следует проявлять осторожность, передвигаясь по окопу, и не привлекать излишнего внимания. На мое счастье, командир дивизиона решил проверить посты, пошел по окопам. Я к нему: «Петр Иванович, привет! Ты куда? Давай пойдем вместе». Он идет, я с ним. Вот боец, но не тот, который мне нужен. Я останавливаюсь, начинаю с ним разговаривать, а командир заводит беседу с другим солдатом. И так, разговаривая почти с каждым, передвигаюсь дальше по окопу. Где-то среди них нужный мне человек. Нахожу его и беседую с ним, не опасаясь, что меня подслушивают, хотя командир дивизиона рядом.

Вот командир остановился потолковать с солдатом, а я пошел дальше. И тут немецкий снаряд разорвался прямо у пулеметной точки, где находился командир части, на расстоянии 30–40 метров от меня. Я остался жив, а командир, к несчастью, погиб. Возможно, что в следующий раз снаряд разорвется возле меня.

Однажды нас собрал начальник ОКР «Смерш» 133-й стрелковой дивизии подполковник Иона Дементьевич Орел и сообщил: «В соответствии с поступившей ориентировкой, на нашем участке оперативной ответственности линия фронта перешла разведывательная группа противника в количестве 10 человек. Одеты в нашу форму, старший у них – лейтенант, якобы командир взвода. Необходимо обратить внимание на документацию, форму и так далее».

Я довел эту информацию до своих помощников, поставил в известность командование. Наиболее ответственных старшин и сержантов проинструк-

тировал, чтобы при выявлении стрелкового отделения, которое разыскивает свою часть, немедленно докладывали мне.

Спустя некоторое время ко мне подбегает сержант и говорит, что в наших окопах появилась группа красноармейцев, которые просят указать, в каком направлении находится их часть. На фронте случалось так, что часть неожиданно меняла дислокацию, а оставшие бойцы ее догоняли. Но у меня есть ориентировка. Подхожу к ним. Офицер отдает воинское приветствие, представляется. Я смотрю на его погоны и вижу, что звездочки-то не наши.

Звездочки для советских офицеров чеканили на автомате и они были рельефными (рожки не гладкие, а фигурные), а на погонах стоящего передо мной лейтенанта звезды гладенькие, лучи ровные. Прошу лейтенанта предъявить документы. Он достает удостоверение личности. Мне были знакомы характерные особенности наших удостоверений личности. А знает ли все эти тонкости противник? Вряд ли. Хотя сомнения еще остались: может, и правда отделение затерялось. Беру его удостоверение, внешне – один в один, как наше. Открываю его и вижу, что шрифт другой. В нашем документе листочки крепятся провололочкой, края которой выступают и загибаются. Смотрю: здесь крепление другое. Подозрительно! Дальше – больше.

Я убеждаюсь, что это не красноармейцы, но виду не подаю. Говорю: «Хорошо, товарищи, вы пока отдохните здесь. Сейчас ребята принесут покушать. Отдохнете и пойдете».

Нужно срочно доложить. Нашел телефон, доложил командованию. Мне приказали немедленно задержать эту группу. Вызываю отделение автоматчиков, окружаем врага: «Вы, ребята, конечно, устали с дороги, но я вынужден вас задержать. Так что будьте любезны...» Диверсанты понимают, что если они тронутся с места, то их моментально перестреляют.

СПРАВКА



Аба Моисеевич Хенкин родился в 1916 году в Брянске в семье участника Первой мировой войны. В 1940 году окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности «История». В июне 1941 года по партийному набору направлен для прохождения службы в органы военной контрразведки. Освобождал Смоленщину, воевал в Румынии, Венгрии, Чехословакии, Австрии. Принимал участие в боевых действиях на территории Маньчжурии. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и другими. Аба Моисеевич ушел из жизни 1 июля 2021 года, не дожив 22 дня до своего 105-летнего юбилея.

Если бы я не знал, как делаются звездочки, как оформляются документы, то группу эту наверняка не задержал бы. За это я получил свой первый орден – Красной Звезды.

Без права на ошибку

ЗАФРОНТОВАЯ РАБОТА СТЕПАНА ГОМЕНЮКА

МОРОЗНОЙ ЗИМОЙ 1941 ГОДА СВОДНЫЙ ОТРЯД БОЙЦОВ БЕЛОМОРСКОГО ГАРНИЗОНА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ И НОЧЕЙ ПРЕСЛЕДОВАЛ В КАРЕЛЬСКИХ ЛЕСАХ ДИВЕРСАНТОВ. В ИТОГЕ ВРАЖЕСКАЯ ГРУППА БЫЛА РАЗГРОМЛЕНА. НАУТРО КАПИТАН ЧИЖОВ, КОМАНДИР ОТРЯДА, ПРОВЕЛ ПОДРОБНЫЙ РАЗБОР ДЕЙСТВИЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ.

ТЕКСТ Иван ЛЕОНОВ

Красноармейцы расходились, живо обсуждая подробности поиска и боя. К командиру отряда подошел один из бойцов – высоколобый, с внимательным взглядом из-под бровей вразлет:

– Красноармеец Гоменюк. До войны я любил читать книги о наших разведчиках, действующих в тылу врага. Я думаю, что если у фашистов есть шпионские школы, то разве не могут проникнуть туда и наши разведчики?

– А как вы считаете, возможно ли это? – спросил капитан.

– А почему бы и нет?

О разговоре с красноармейцем Гоменюком капитан Чижов доложил своему начальнику, подполковнику Семену Холево, возглавлявшему одно из ведущих подразделений Особого отдела Карельского фронта.

Опытный контрразведчик Семен Иванович Холево, побеседовав с Гоменюком, заинтересовался им как возможным кандидатом в зафронтовые агенты Особого отдела. Предложил ему рассказать о себе.

– Родился я в 1910 году на Украине, в бедной крестьянской семье, – начал Степан, – рано остался без отца. На руках у матери было трое детей. Учиться пошел поздно. Окончив школу-семи-

летку, уехал на заработки в Ленинград, работал на заводе «Большевик».

После окончания срочной службы в армии по оргнабору отправился на Север. Устроился на работу заведующим почтовым отделением.

Жизнь налаживалась, я добросовестно работал, много читал, занимался спортом, оказывал матери помощь деньгами. Но случилась беда. В почтовом отделении оказались нечистоплотные люди. Воспользовавшись тем, что я слабо контролировал их работу, они совершили крупную растрату государственных средств. За это я был осужден на два года заключения в исправительно-трудовом лагере. Работал в лагере старательно и был освобожден досрочно. Вскоре началась война, меня призвали служить в армию, распределив в воинскую часть, расположенную в Беломорске, – завершил рассказ о себе Гоменюк.

В ходе следующей встречи подполковник Холево предложил Степану после соответствующей подготовки отправиться в тыл врага с целью внедрения в одну из разведывательных школ противника. Степан Дмитриевич согласился.

Вскоре план направления Гоменюка в тыл врага со специальным заданием



ГРУППА ВОЕННЫХ КОНТРРАЗВЕДЧИКОВ ОСОБОГО ОТДЕЛА КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА. (СЛЕВА НАПРАВО) Н.Т. СМЕРНОВ, П.А. КАТАЛА, С.И. ХОЛЕВО, И.С. КАЛИНИН. 1942 ГОД

Особого отдела фронта был утвержден. Советский разведчик отправился за линию фронта.

С трудом преодолевая встречный ветер, Гоменюк медленно шел вперед. Увидев сваленное дерево, присел на него, осмотрелся. В полусотне шагов от себя заметил несколько солдат противника.

Вспомнив инструктаж военных контрразведчиков, Степан поднял руки с зажатым в одной из них белым платком и зашагал к переднему краю вражеской обороны. Гоменюка доставили в штаб, где его начал допрашивать капитан, свободно владевший русским языком:

– Что вас заставило перейти на нашу сторону?

– В почтовом отделении, где произошла растрата, я работал заведующим. И хотя я лично этого преступления не совершал, меня судили вместе с растратчиками. В результате я попал в исправительно-трудовой лагерь. Советская власть нанесла мне незаслуженную тяжелую обиду, и воевать за такую власть я не хотел и не хочу. Поэтому я здесь.

Сначала Степан был помещен в лагерь для военнопленных. После проверки его, по секрету от других обитателей барака, вызвали в канцелярию лагеря.

– Как вам тут живется, господин Гоменюк? – усадив «перебежчика» напротив себя, спросил моложавый майор.

Майора интересовало буквально все: места, где работал, его родственники, служба в Красной армии, судимость и пребывание в заключении, обстоятельства перехода через линию фронта.

Закончив беседу со Степаном, майор сказал: «Я доволен. Подумаю, как облегчить ваше положение».

Не прошло и недели, как расторопный лейтенант, действовавший по его распоряжению, скрытно вывез Гоменюка из лагеря военнопленных и поселил его в небольшом домике на окраине оккупированного Петрозаводска.

Здесь Степан отдыхал в буквальном смысле этого слова. Целыми днями, валяясь на койке, он рассматривал иностранные журналы с красочными иллюстрациями, читал брошюры, напечатанные на русском языке. Все эти пропагандистские материалы приносил ему одетый в штатское офицер финской разведки, отрекомендовавшийся капитаном Мармо. Этот офицер, хорошо говоривший по-русски, ежедневно под вечер навещал Гоменюка, интересовался его самочувствием, спрашивал, нет ли у него жалоб на питание, на отношение к нему обслуживающего персонала.

Как-то раз капитан Мармо в обычное время не явился. А ночью в комнату Степана ввалились два солдата, разбудили, сунули в руки одежду, показали на дверь. Во дворе втокнули в кузов крытого грузовика, куда-то повезли. Степан заметил движущийся следом за грузовиком легковой «Опель».

У оврага машины остановились. Солдаты вывели Степана на небольшую поляну. К ним подошел приехавший на «Опеле» капитан Мармо, кивнул



ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД НКВД «ПАПАНИНЦЫ»

СПРАВКА



Степан Дмитриевич Гоменюк родился в 1910 году на Украине, войну начал в партизанском отряде НКВД «Папанинцы». В середине декабря 1941 года отряд был переподчинен Особому отделу Карельского фронта, где на его базе сформировали диверсионно-разведывательную группу в количестве 20 человек.

После нескольких рейдов в тыл противника отряд потерял более половины личного состава и был расформирован. Один из его наиболее подготовленных бойцов – Степан Гоменюк, обладавший необходимыми качествами для участия в проведении зафронтовых операций, – был отобран для внедрения в финские разведывательные органы. За успешное выполнение ответственных заданий военной контрразведки Карельского фронта в тылу врага, проявленные при этом стойкость и мужество Степан Дмитриевич отмечен государственными наградами. В послевоенные годы его неоднократно поощряли за успехи в мирном труде и большую работу по патриотическому воспитанию молодежи.



ПЕТРОЗАВОДСКАЯ ШКОЛА ФИНСКОЙ РАЗВЕДКИ. РИСУНОК БЫВШЕГО КУРСАНТА ШКОЛЫ А.В. АНКУДОВИЧА. 1942 ГОД

одному солдату. Тот принес лопату и лом. Капитан запрокинул голову, потянул носом воздух, крикнул:

– Чудная ночь, Гоменюк, а? Кому в такую весеннюю ночь хочется умирать? Но будем говорить начистоту. Как ни прискорбно, вы оказались советским разведчиком. Об этом свидетельствует тщательная проверка. Мне приказано вас расстрелять. И все же я хочу предоставить вам выбор. Жизнь будет дарована в случае, если вы откровенно расскажете, с каким заданием прибыли к нам. Все. Думайте. На это я даю вам две минуты. Не больше.

– Ну?! – Капитан придвинулся ближе, пристально глядя в освещенное фонариком бледное лицо Степана. – Больше ждать нет смысла.

По команде офицера солдат завязал Степану глаза.

Потянулись томительные мгновения страшного ожидания. Наконец раздались выстрелы. Степан не сразу поверил, что остался жив. Пришел в себя, когда к нему подошел офицер. «Маленькая проверочка», – беспечным тоном объявил он, указывая на только

что устроенную им инсценировку расстрела.

В разведшколу, размещенную в двухэтажном доме в центре Петрозаводска, Степана привел капитан Мармо. Как выяснилось, он был помощником начальника школы.

– Сейчас вы пойдете на прием к нашему начальнику майору Раски, – объявил капитан Степану.

– Я достаточно информирован, – начал майор, – и не буду лишним раз затруднять вас пересказывать свою биографию заново. Единственный вопрос, который я намерен уточнить: в силу каких причин вы изъявили свое согласие на сотрудничество с нашей разведкой?

– Вы, господин майор, очевидно, знаете, что я добровольно перешел на вашу сторону, не желая воевать за советскую власть, которая нанесла мне незаслуженную обиду, искалечив всю мою жизнь. Это и есть ответ на ваш вопрос.

– Отлично. У вас есть вопросы ко мне?

– Вопросов нет.

– С сего дня вы не Степан Гоменюк, а Александр Морозов. О вашей настоящей фамилии никто не должен знать, – сказал майор.

Вскоре в школе начались регулярные занятия.

С первых дней учебы Степан обратил внимание на царившую в школе обстановку недоверия и страха. Преподаватели, инструкторы, обслуживающий персонал следили за каждым шагом курсантов. За малейшее нарушение установленного режима курсантов строго наказывали. Групповые сборы, доверительные беседы не разрешались. Часто распространялись различные провокационные слухи с целью выявления среди курсантов лиц, оставшихся в душе советскими патриотами. Руководство школы поощряло антисоветски настроенных курсантов.

Испытал это на себе и Степан. Его соседом по комнате был невысокого роста блондин с мелкими чертами лица и белесыми бровями. При знакомстве назвал себя Комаровым.

Как-то перед отбоем Комаров, правда весьма осторожно, высказал Степану сомнение в окончательной победе Гитлера и Маннергейма над Советским Союзом. Разведчику стало ясно, что Комаров – провокатор.

– А я думаю, что они в конце концов выиграют войну, – спокойно заметил Степан. – Тогда и мы с тобой окажемся на высоте.

– Ты, пожалуй, прав, – согласился Комаров.

Через день администрация школы переселила его в другую комнату. «Закончилась еще одна проверка „преданности“ курсанта Морозова нынешнему начальству», – с удовлетворением подумал Гоменюк.

Тем временем советский разведчик приступил к выполнению полученного задания. Он знакомился с курсантами, внимательно присматривался к ним, старался узнать их прошлое, настоящие имена и фамилии, в каких частях Красной армии они служили до пленения,

запоминал внешние приметы каждого из будущих шпионов.

«Надо бы обо всем, о будущих шпионах и диверсантах передать чекистам. Но как это сделать? Через кого?» – напряженно думал Степан.

Однажды его новый сосед по комнате, простодушный, добрый, но не всегда выдержанный курсант Курчавый, обмолвился, что «скоро Лосев будет на той стороне». Со слов Курчавого Степан знал, что оба они содержались в одном лагере для военнопленных, дружили там, но в разведшколу пришли в разное время – вначале Лосев, затем Курчавый.

Сейчас, когда товарищ Курчавого – выпускник разведшколы Лосев идет на задание, Гоменюк решил получить точный ответ на мучивший его вопрос.

Для начала он тщательно проанализировал поведение Курчавого и отметил, что ни разу не слышал от него антисоветских высказываний.

Степан решил пойти на риск. Случай представился неожиданно. Проходили ночные прыжки с парашютом. У одного из курсантов парашют не раскрылся.

Он упал в самом центре полигона. Степан и Курчавый оказались поблизо-

сти. Подбежали к погибшему. Следом подошел инструктор. Он грубо выругался.

Курчавый скрипнул зубами, отошел в сторону. До Степана донеслось из темноты:

– Сволочи. Хотят, чтобы мы за них свои жизни не жалели, шли против своих.

Гоменюк догнал его и тихо спросил: – Ты для инструктора ругался или для меня?

Курчавый резко остановился, подступил к Степану:

– Доносить собрался? Иди, докладывай!

– Может быть, ты скажешь, кого я выдал? – спросил Степан.

– Пока нет. Но говорят, ты перебежчик. Так это или нет?

– Перебежчики бывают разные. А ты почему из лагеря в школу пошел? Жить хотел! А клеймо шпиона? Я замечаю, ты теперь об этом крепко думаешь. Так знай: чтобы смыть этот позор, есть только один путь – не скулить, действовать против врагов.

Курчавый долго молчал. – Кто ты такой? – наконец спросил он. – Разве не видишь? Советский, как и ты.

– А может, наоборот, провокатор. – Мы живем с тобой в одной комнате не первый день. – Степан положил свои руки на плечи Курчавого. – Разве я похож на провокатора?

– Ну хорошо. Объясни, чего ты хочешь?

– Я знаю, что Лосев твой друг. Он уходит на задание в советский тыл. Поговори с ним, убеди явиться к своим с повинной. Запомни, что это единственно верный путь для тех, кто оказался здесь, в разведшколе.

Вечером Курчавый сообщил Степану, что его друг согласен.

– Очень хорошо! – обрадовался Степан. – Тогда поводи его еще раз и расскажи о том, что он должен передать армейским чекистам.

Курчавый выполнил и эту просьбу Гоменюка.

Время шло. Программа обучения в разведывательной школе, рассчитанная на три месяца, подходила к концу. Из агентов очередного выпуска первым к начальнику школы был вызван Гоменюк.

Майор Раски принял его в присутствии капитана Мармо.

– Через три дня мы выпускаем ваш курс, – сказал шеф, – а еще через три дня намерены переправить вас к русским. Задание – диверсионного характера. О деталях вас проинструктируют. До выброски в тыл противника будете жить в другом корпусе вместе с радистом. Он полетит вместе с вами, но у него самостоятельное задание.

Радист оказался мрачноватым, неразговорчивым человеком. Он не докучал Степану какими-либо вопросами. За день до выхода на задание радист заболел.

Ночью он бредил, называл кого-то «товарищ майор», рассказывал о разведывательной школе, об администрации и выпускниках школы.

Утром подошел к Степану:

– Ночью мне пришлось туго, был жар. Надо сходить к врачу. Не слышал, я тут... не бредил, часом?

– Не знаю. Я сразу же уснул.



ДИВЕРСАНТЫ ПОСЛЕ ПЯТИ ДНЕЙ РЕЙДА ПО СОВЕТСКОМУ ТЫЛУ. РУКАЯРВИ, КАРЕЛИЯ, 30 МАЯ 1942 ГОДА

Радист пошел умыться, Степан обшарил карманы его куртки. В записной книжке оказалась фотография молодой женщины. На обороте – автограф, написанный латинскими буквами. «Еще одна проверка», – решил Гоменюк.

Через полчаса он уже докладывал майору Раски о том, что говорил «в бреду» заболевший радист. Выслушав его, шеф школы заметил:

– Вам, Морозов, повезло, если бы не эта случайность, все могло бы кончиться для вас печально. Мы, разумеется, примем надлежащие меры.

На следующий день начальник разведшколы вновь вызвал Гоменюка к себе. На этот раз в его кабинете находился майор, который «вызвали» советского разведчика из лагеря военнопленных.

Офицеры поинтересовались, готов ли Степан к выполнению ответственного задания в тылу русских войск. Получив положительный ответ, майор Раски перешел сразу к делу:

– Задание состоит из двух частей. Первое: проникнуть в Беломорск, уточнить местонахождение штаба Карельского фронта и воинских частей, размещенных в городе, а также собрать сведения об установленном в городе режиме. Второе: используя командировочное удостоверение и другие документы, которые вам будут выданы, войти в здание штаба фронта и подложить в удобном месте взрывное устройство с часовым механизмом.

Родная земля встретила Степана чудесным июньским рассветом. Он благополучно приземлился. Проследив, куда опускался парашют с грузом, свободно вздохнул, припал к земле.

Поздно вечером Степан подошел к дому, в котором располагался Особый отдел Карельского фронта.

Часовой доложил подполковнику Холево о прибытии бойца с пакетом на его имя. Встретились в кабинете. Семен Иванович поздравил Степана с благополучным возвращением, засыпал вопросами:

– Как самочувствие? Где приземлились? Как добрались? С чем прибыли?

– Привез подарок, чтобы поднять на воздух штаб фронта, – с серьезным видом доложил Степан, доставая из рюкзака взрывное устройство.

– Вот чего они захотели!

Около двух часов Гоменюк рассказывал о своем пребывании в логове врага, об активной деятельности разведшколы противника, о данном ему разведывательно-диверсионном задании.

На основании информации, полученной от разведчика Особого отдела, командование Карельского фронта приняло ряд важных решений.

Для укрепления положения разведчика в стане врага решили имитировать совершение Степаном «по собственной инициативе» диверсии на военных складах, расположенных на окраине Беломорска. Идею этой инсценировки выдвинул командующий фронтом. «Несколько дней назад, – сказал он, – у нас освободились склады из-под снарядов. Следует заминировать их в двух-трех десятках мест, заложить туда побольше дымовых шашек и поджечь. Пожар складских помещений и взрывы мин создадут полную видимость совершения диверсионного акта».



ОФИЦЕРЫ МОБИЛЬНОГО РАЗВЕДЦЕНТРА «РАСКИ» (OSASTO RASKI), НАЗВАННОГО ПО ФАМИЛИИ ВОЗГЛАВИВШЕГО ЕГО КАПИТАНА РЕЙНО РАСКИ (ТРЕТИЙ СЛЕВА). ВЛАДИ МАРМО (ТРЕТИЙ СПРАВА). 1941 ГОД

После «совершения диверсии» в Беломорске Степан еще два дня находился в Особом отделе фронта. За это время он доложил о добытых им сведениях, о деятельности разведшколы, ее структуре, методах обучения, руководящем составе, преподавателях, инструкторах и особенно об агентах, подготовленных к заброске в тыл советских войск со шпионско-диверсионными заданиями.

Все эти данные имели большое значение для организации целенаправленной контрразведывательной работы по пресечению подрывной деятельности вражеской агентуры в тылу советских войск.

29 июня 1942 года военные контрразведчики Карельского фронта переправили Гоменюка через линию фронта. На переднем крае вражеской обороны его задержали и доставили в город Медвежьегорск.

Прошло совсем немного времени, и вот уже агент Морозов ехал в сопровождении лейтенанта на машине, присланной майором Раски. Лейтенант доставил его в поселок Коссалма, находившийся в 35 километрах от Петрозаводска. Туда недавно передислоцировалась разведывательная школа, в стенах которой Гоменюк в течение трех месяцев осваивал шпионско-ди-



НАГРАЖДЕНИЕ КУРСАНТА ПЕТРОЗАВОДСКОЙ ШКОЛЫ ФИНСКОЙ РАЗВЕДКИ. БЕРЕГ ОЗЕРА ШОТОЗЕРО, КАРЕЛИЯ, 1943 ГОД

версионные науки. В здании бывшего дома отдыха, расположенного на берегу озера, Степану выделили отдельную комнату.

Не прошло и часа, как его вызвал к себе шеф школы.

Майор Раски усадил агента в кресло, поздравил с благополучным прибытием.

– Расскажите, как прошел рейд, удалось ли вам выполнить наше задание?

– Да, я считаю, что удалось. Правда, с некоторыми изменениями.

Агент доложил шефу, как он выполнил полученное задание: во-первых, выяснил, что штаб Карельского фронта передислоцировался, однако новое место его расположения узнать, к сожалению, не удалось. Но адскую машину он по собственной инициативе все же пустил в дело, подложив ее к стене большого склада с боеприпасами на окраине Беломорска. В результате взрывов и пожара этот важный военный объект был полностью уничтожен.

Во-вторых, он, подвергая себя большому риску, сумел разведать, какие воинские части входят в настоящее время в состав Беломорского гарнизона, что нового внесено в правила передвижения военных и гражданских лиц по городу.

Майор Раски внимательно выслушал агента, задал ряд уточняющих

вопросов и, выразив удовлетворение его докладом, вызвал к себе капитана Мармо.

– Агент Морозов в полной мере оправдал наше доверие, – заявил он. – Запишите все, что он выяснил о Беломорском гарнизоне. А главное, срочно составьте подробную схему окраины города, где размещался взорванный военный склад.

Через несколько дней Гоменюка неожиданно вызвали в кабинет начальника школы. Майор Раски строго посмотрел на своего агента.

– Смотрите сюда. – И майор показал Степану крупную фотографию с изображением какой-то местности. – Где следы взорванного и сожженного вами склада? Их нет! Все, что вы мне докладывали, – чистая выдумка!

Степан сообразил, что на фотографии у майора снято не то место, где в действительности находился уничтоженный склад боеприпасов.

– Я взорвал склад! – твердо заявил Гоменюк. – И хочу объяснить вам, почему на фотографии нет следов диверсии. Ваши летчики сфотографировали не то место. Я прошу вас повторить проверку моих сведений о диверсии.

Решительный тон Степана, видимо, подействовал на майора.

– Хорошо, – негромко сказал он. – Я все проверю еще раз.

Повторная авиаразведка подтвердила данные Гоменюка об уничтожении военного склада. Обвинение, выдвинутое шефом разведшколы в его адрес, было снято. Более того, через несколько дней после ознакомления с отчетом своего агента о результатах разведывательного рейда майор Раски объявил Гоменюку:

– Мы положительно оцениваем работу, сделанную вами по нашему заданию в Беломорском гарнизоне. За проявленные вами мужество, инициативу и находчивость вышестоящее командование наградило вас медалью «За заслуги».

Положение советского разведчика в стане врага заметно укрепилось. Ему было предложено остаться на работе в учебном разведцентре противника.

Став инструктором, Степан получил право свободного передвижения не только по поселку, он мог даже выезжать в Петрозаводск. Неизмеримо умножились его контакты со всем личным составом школы. Все это значительно расширило возможности разведчика по выполнению задания Особого отдела. Он постарался как можно лучше использовать их в интересах борьбы с врагом.

Летом 1944 года войска Карельского фронта провели Свирско-Петрозаводскую наступательную операцию, освободили столицу Карелии. Поспешно отступая, администрация разведшколы вывезла с собой некоторых наиболее ценных агентов. В их числе оказался Гоменюк.

Позднее, когда ему удалось вернуться на Родину, Степан представил в советскую военную контрразведку ценные сведения о деятельности разведывательных органов противника, об известных ему официальных сотрудниках, особенно агентах вражеской разведки, заброшенных или подготовленных к заброске на территорию нашей страны с подрывными заданиями. На основании этих данных органы госбезопасности обезвредили немало вражеских шпионов и диверсантов. 

Война после Победы

ОПЕРАТИВНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ «ОСИНОГО ГНЕЗДА» ЯПОНСКИХ МИЛИТАРИСТОВ

АВГУСТОВСКИЕ ДНИ 1945 ГОДА В ПРИМОРЬЕ СТОЯЛИ УМЕРЕННО ТЕПЛЫЕ И МЯГКИЕ. НЕЩАДНО ПАЛИВШЕЕ ДО ЭТОГО СОЛНЦЕ СЛОВНО БЫ ПОДОБРЕЛО, А НЕСИЛЬНЫЕ НОЧНЫЕ ВЕТРЫ ВСЕ ЧАЩЕ ДОНОСИЛИ ОСВЕЖАЮЩУЮ ПРОХЛАДУ ОКЕАНА. В ТАКИЕ ДНИ ЛЕГКО ДЫШАЛОСЬ И ХОРОШО РАБОТАЛОСЬ. КРОМЕ ТОГО, КАЗАЛОСЬ, САМ ВОЗДУХ НАПОЕН ОСОБЫМ АРОМАТОМ – НИ С ЧЕМ НЕ СРАВНИМОЙ РАДОСТЬЮ НЕДАВНО ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ.

ТЕКСТ Из воспоминаний генерал-майора Павла КРАМАРА



«КАПИТУЛЯЦИЯ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ». РАБОТА ХУДОЖНИКА ПАВЛА СУДАКОВА. 1948 ГОД

К началу августа 1945 года сосредоточенные на Дальнем Востоке войска Красной армии завершили подготовку к тому, чтобы в соответствии с подписанным советским правительством в феврале 1945 года на Ялтинской конфе-

ренции соглашением вступить в войну с союзницей Германии – милитаристской Японией и разгромить агрессора. Советское командование понимало, что разом повергнуть окопавшуюся в Маньчжурии более чем миллионную вымученную японскую армию бу-

дет не так просто. Войска тщательно готовились к боям.

Совместно с воинами напряженную подготовку к предстоящим сражениям вели сотрудники Отдела контрразведки «Смерш» 1-й Краснознаменной армии, где автор этих воспоминаний, в

звании капитана, работал заместителем начальника отделения.

Японская Квантунская армия наряду с войсковыми разведывательными и контрразведывательными подразделениями располагала в Маньчжурии целой сетью крупных территориальных разведывательных органов – так называемых японских военных миссий (ЯВМ). Они вели шпионско-подрывную работу против Советского Дальнего Востока и руководили специально подготовленными отрядами «Асано», предназначенными для диверсионной и террористической деятельности в тылу Красной армии.

В полосе наступления 1-й Краснознаменной армии действовала японская военная миссия, дислоцированная в городе Лишучжень.

Отдел контрразведки армии получил задачу – создать оперативную группу, которая бы вместе с наступающими войсками вошла в Лишучжень, захватила здание ЯВМ и организовала розыск японской агентуры и официальных сотрудников миссии.

Начальник ОКР «Смерш» армии назначил меня руководителем оперативной группы. В ее состав вошли оперуполномоченный-разыскник старший лейтенант Николай Алексеевич Тимофеев, два автоматчика и шофер с автомашиной «Виллис».

Вечером 8 августа у начальника отдела собрались его заместители – полковник Михаил Петрович Абрамов, подполковник Николай Петрович Тесленко, начальник отделения подполковник Александр Федорович Глухов и я, чтобы окончательно отработать все детали предстоящей операции.

Заканчивая инструктаж, начальник настоятельно советовал мне при организации работы в Лишучжени опираться на помощь местных жителей.

Возвратившись с совещания к себе, я собрал участников группы, проверил наличие вооружения, а отпечатанные на тонкой рисовой бумаге списки сотрудников и агентов вражеской разведки поместил в непромокаемые капсулы

и вшил в обмундирование. В ночь на 9 августа 1945 года опергруппа прибыла на командный пункт 257-й танковой бригады, которая готовилась для ввода в прорыв в обороне японских войск.

9 августа начались военные действия, а 10-го наша опергруппа в боевых порядках танковой бригады двинулась на Лишучжень. Рано утром 11 августа танкисты, а вместе с ними и мы ворвались в город, сразу же нашли местных жителей, владевших японским языком, которые затем оказали немалую помощь в работе. Из них особенно запомнились местная учительница, русская патриотка, дочь белоэмигранта Мария Сергеевна и служащий хлебопекарни, бывший колчаковский офицер Иван Николаевич, тяготившийся своим пребыванием на чужбине и, как он заявил при знакомстве, «готовый умереть за прославившую себя в веках Советскую Русь».

Вместе с ними мы прибыли к зданию ЯВМ, расположенному на окраине Лишучжени. Это был большой одноэтажный каменный дом на 10–12 комнат, обнесенный почти двухметровым забором. По зданию миссии словно прошел ураган: почти все окна и двери были раскрыты, в комнатах валялись кучи бумаг, чемоданы и одежда. Никого из людей в помещении ЯВМ не оказалось. Пустовали и десять камер тюрьмы. Лишь не выветрившийся в открытых камерах тяжелый, спертый воздух свидетельствовал о том, что они совсем недавно оставлены узниками.

С помощью Марии Сергеевны я детально изучил найденные документы. Часть сейфов, от которых не нашлось ключей, пришлось взломать. Мы искали списки, картотеки и адреса вражеской агентуры.

Старший лейтенант Тимофеев тем временем вместе с Иваном Николаевичем обошли прилегающие к ЯВМ улицы, выясняя у местных жителей данные о сотрудниках миссии.

Мария Сергеевна вдруг вскрикнула и сказала, что нашла картотеку лиц, которые сотрудничали с японцами.

СПРАВКА



Павел Васильевич Крамар родился в 1919 году в деревне Спасовке Енисейской губернии. В органах государственной безопасности с 1942 года. Помощник оперуполномоченного и оперуполномоченный Особого отдела НКВД – ОКР «Смерш» 22-й стрелковой дивизии 1-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта. Участник Маньчжурской стратегической наступательной операции. С 1947 по 1971 год – на различных руководящих должностях в органах военной контрразведки в Дальневосточном, Белорусском, Одесском военных округах и ГСВГ. Службу закончил в 1981 году в должности начальника Особого отдела КГБ СССР Одесского военного округа. Награжден орденами Красного Знамени, Кутузова II степени, двумя орденами Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и другими.



МАНЬЧЖУРСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ. АВГУСТ 1945 ГОДА

Но при более внимательном изучении картотеки оказалось, что в ней учтены вспомогательные контингенты ЯВМ из числа китайцев и русских эмигрантов. Все они, около 30 человек, находились у себя дома и, по свидетельству Марии Сергеевны, против Советского Союза японцами активно не использовались.

Старший лейтенант Тимофеев, возвратившись из города, сообщил, что при опросе жителей ему удалось кое-что установить о проживающем в Лишучжене колчаковском офицере полковнике Белянушкине. Он не бежал с японцами и, видимо, скрывался дома.

Белянушкин, согласно нашим спискам, был начальником охранного отряда ЯВМ и резидентом японской разведки. Мы его сразу задержали, и с этого момента наша работа пошла более активно.

Хотелось бы рассказать о хорошем отношении к нам китайского населения и честных людей из русских эмигрантов, которые благотворно влияли на нашу работу. Победа над фашистской Германией и первые удачные операции против японских милитаристов вызвали среди местного населения огромный подъем и ликование. Тыся-

чи жителей вышли на улицы городов и сел с красными флажками в руках. Они смеялись, пели, кричали «шанго» (хорошо), приветствуя Красную армию – освободительницу.

Такая обстановка вконец деморализовала наших врагов. Многих задержанных агентов противника не приходилось избивать – они сами выкладывали все о совершенных преступлениях против Советского государства. Некоторые из них приходили с повинной и заявляли, что добровольно сдаются...

Когда старший лейтенант Тимофеев доложил о том, что привел Белянушкина, я отправил Марию Сергеевну домой.

В открытую дверь не вошел, а буквально ввалился огромного роста человек, примерно 60-летнего возраста, с большими седыми усами, в форме полковника русской армии с множеством орденов и медалей. Пройдя несколько шагов от двери, Белянушкин привычным голосом доложил:

– Господин капитан, полковник русской армии Белянушкин явился к вам и сдается на милость победителей.

После этого он упал на колени, наклонился лбом до самого пола и зарыдал.

От такой необычной сцены мы с Тимофеевым несколько растерялись и, ухватившись почему-то за автоматы, как бы оцепенели. Потом, не сговариваясь, подскочили к Белянушкину, подняли его под руки, усадили на стул и дали воды. Когда он немного успокоился, я спросил, кто присвоил ему звание полковника.

Белянушкин рявкнул:

– Адмирал Колчак!

Минутная жалость к этому старому человеку сразу же прошла. В памяти всплыл рассказ отца о том, как в 1919 году отступавшие через Сибирь колчаковцы заподозрили группу крестьян нашего и соседнего села в причастности к партизанам.

Без суда и следствия они растерзали несчастных, привязав их ноги к хвостам лошадей, рванувших галопом по селу. Как знать, не он ли сотворил это злодеяние?

Однако на выяснение прошлого времени не было: гул боя удалялся от Лишучжени, нам следовало незамедлительно действовать.

Белянушкину прямо сказали, что за все причиненное Советскому Союзу зло он ответит позже, а сейчас мы предлагаем ему искупить хотя бы часть своей вины и помочь нам обезвредить японскую агентуру. Он безоговорочно согласился нам помочь, дал ценные показания и оказал существенную помощь в последующей нашей работе.

Около часа длился его рассказ. Мы едва успевали записывать нужные сведения. Белянушкин рассказал, что начальником лишучженской ЯВМ является японский подполковник Ясудзава. Вечером 8 августа он выехал в Муданьцзян к своим начальникам с каким-то докладом. Когда утром 9 августа начались военные действия, сотрудники лишучженской ЯВМ разбежались, забрав с собой часть документов. Содержавшихся в тюрьме человек пятнадцать арестованных, в основном китайцев, они освободили. В числе арестованных якобы были два советских разведчика, выданные японцам в Мулине или Ми-

шане провокатором и двурушником Терещенко – беглым кулаком из Приморского края. Их личности и дальнейшую судьбу Белянушкин не знал.

За несколько часов до занятия Лишучжени советскими танкистами Ясудзава явился в ЯВМ, вызвал туда Белянушкина и его помощника поручика Симачкина. Рассказал им, что по указанию своих начальников он с трудом вернулся по забитым дорогам из Муданьцзяна с тем, чтобы эвакуировать наиболее важные документы и перебазировать часть находившейся в резерве агентуры в муданьцзянскую ЯВМ.

Удалось ли Ясудзава это сделать, Белянушкину неизвестно. Тогда же японец предложил Белянушкину и Симачкину увести охранный отряд ЯВМ и находившуюся при миссии группу «Асано» на полевую базу, расположенную в сопках, километрах в двенадцати от города, выждать, пока пройдет линия фронта, и затем приступить к операциям по нападению на тылы советских войск, взрыву мостов и совершению терактов в отношении советских военачальников.

СПРАВКА

Бригада «Асано» (от яп. «Асано-бутай» – отряд «Асано») – вооруженное формирование в армии Маньчжоу-го, сформированное из русских эмигрантов, живших в Маньчжурии.

Отряд получил свое название по имени первого командира Асано Макото и назывался так до 1944 года, когда был переименован в «Сунгарийский русский воинский отряд армии Маньчжоу-го», а с апреля 1944 года – в «1-й отдельный кавалерийский отряд армии Маньчжоу-го».

Отряд, формируемый как разведывательно-диверсионное подразделение, был законспирирован и базировался вблизи железнодорожной станции Сунгари II в 60 километрах от Харбина.

Первый состав отряда численностью до 250 человек состоял из членов учебной команды «Российского фашистского

Победа над фашистской Германией и первые удачные операции против японских милитаристов вызвали среди местного населения огромный подъем и ликование. Тысячи жителей вышли на улицы городов и сел с красными флажками в руках

Уйдя из ЯВМ, Белянушкин и Симачкин по обоюдной договоренности решили, что объединенный диверсионный отряд уведет в сопки Симачкин, а Белянушкин останется в городе, чтобы через своих соглядатаев разведывать обстановку и наводить диверсантов на объекты нападения. Однако Белянушкин клялся, что, принимая такое решение, он и не думал бороться против советских войск, а пошел на это, боясь Симачкина – ярого врага СССР и верно-го холуя японцев. Тот мог немедленно застрелить Белянушкина за малейшие колебания. Утром Симачкин увел 150 диверсантов в сопки.

Белянушкин назвал более 20 агентов и резидентов ЯВМ, половина из которых, по его мнению, была резервной. Видимо, Ясудзава хотел перебросить их в Муданьцзян. Большинство из названных Белянушкиным агентов значились в нашем списке, что свидетельствовало о его откровенности. О том, куда девался Ясудзава, ему известно не было.

Вечером 11 августа к зданию ЯВМ, где мы располагались, подошла большая группа китайцев, которые энергично жестикулировали и шумели. Пригласив Марию Сергеевну, говорившую по-китайски, мы с ее помощью выяснили следующее. 10 августа



союза», представителей монархических объединений и казачьей молодежи. Офи-

циальной датой основания отряда стало 29 апреля 1938 года.



СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ В ХАРБИНЕ. 1945 ГОД

два китайца из Лишучжэня, примерно в 20 километрах от города, были задержаны советскими воинами. Увидев стрижку наголо, их приняли за перелетевших в гражданскую одежду японских солдат. На пункте сбора японских военнопленных, куда их доставили, советский офицер отпустил задержанных. Когда китайцы уезжали домой и садились на попутную автомашину, они увидели, как на пункт сбора военнопленных доставили группу японцев, в числе которых был Ясудзава, одетый в форму японского солдата. Мы поблагодарили китайцев и попросили их идти домой.

Что же задумал матерый разведчик? Улизнуть от ответственности или провести какую-либо дерзкую операцию в нашем тылу, сбежав из плена? Одно мы знали, что его нужно немедленно найти, обезвредить и использовать в борьбе с противником. Оценив обстановку, мы с Николаем Алексеевичем решили срочно провести неотложные мероприятия. О добытых материалах необходимо было доложить в Отдел контрразведки армии, который находился где-то в движении. И нужно

было срочно найти и взять под стражу Ясудзаву.

Для решения этих задач я выехал на «Виллисе», взяв с собой Ивана Николаевича, который хорошо знал в лицо начальника ЯВМ. Учтивая, что наших сил было недостаточно, чтобы блокировать и обезвредить диверсионный отряд Симачкина, мы поручили Белянушкину, с его согласия, отправиться в отряд и, опираясь на верных ему людей, склонить диверсантов к явке с повинной в полном составе в «советскую военную комендатуру» (так мы себя называли). Если Симачкин на это не согласится, то мы посоветовали Белянушкину применить к нему силу, а если потребуется, то и оружие. Старший лейтенант Тимофеев за время моего отсутствия должен был разыскать и задержать Терещенко и других наиболее опасных агентов ЯВМ.

После примерно двухчасовой поездки по фронтовым дорогам мне удалось найти командный пункт 84-й кавалерийской дивизии, откуда по телефону я доложил подполковнику Глухову обо всех полученных нашей опергруппой данных. Он одобрил про-

веденные мероприятия и наши планы, просил докладывать итоги работы ежедневно, обещал прислать роту из охраны тыла для обезвреживания диверсантов, ориентировал о ряде агентов ЯВМ, подлежащих розыску по материалам других оперативных групп, предложил немедленно разыскать Ясудзаву.

И вот мы снова в пути, ищем Ясудзаву. Идут колонны войск, встречные и попутные; преодолеваем бездорожье, лесные завалы, болота, разрушенные мосты. Несколько раз проверяют документы у нас, мы сами проверяем их у сомнительных лиц. Уже найдены и осмотрены два пункта сбора военнопленных, но того, кто нам был нужен, там не оказалось.

Перед заходом солнца прибыли на третий пункт, где нам сопутствовала удача: Ясудзава был задержан. Поздно ночью мы вернулись в Лишучжэнь и, хотя от усталости валились с ног, все-таки приступили вместе с Николаем Тимофеевым к допросу бывшего шефа ЯВМ в его собственном кабинете.

Ясудзава неплохо владел русской речью. Вначале он не отвечал на вопросы и был настолько подавлен, что лишь повторял, как мы позже разобрали, слова: «Надо достойно умереть». После продолжительного разъяснения того, что ему предоставляется возможность смягчить свою вину перед Советским Союзом, Ясудзава мало-помалу разговорился.

Он сообщил некоторые данные о дислокации японских войск и наличии укреплений в районах городов Муданьцзян, Ханьдаохедзы, Харбин, Гирин и ряда других. Перечислил многих агентов и резидентов ЯВМ и охарактеризовал их практическую подрывную деятельность. Назвал агентов, забрасываемых на Советский Дальний Восток, и тех, которые должны были участвовать в разведывательно-диверсионной деятельности против наступающих советских войск. Всего он назвал около ста человек, сотрудничавших с ЯВМ в разведывательном и контрразведывательном направлениях. О своем пребы-

ванию в Муданьцзяне 8 августа он рассказал, что ездил туда по вызову своих начальников, где получил указания усилить разведработу против советских войск в Приморье, но выполнить их не успел, так как начались военные действия.

Рано утром 11 августа он прибыл в Лишучжэнь, однако там не успел связаться со своими агентами и вынужден был бежать, поскольку к городу подходили советские войска.

Вначале он хотел пробраться в Муданьцзян, но все дороги уже были перекрыты Красной армией. Скрывался в лесу, переодевшись в солдатскую форму, а затем с группой японских солдат сдался в плен, где ожидал своей участи. К утру мы все трое настолько устали, что решили хотя бы немного отдохнуть. Когда я сказал, что вынужден взять Ясудзаву под стражу и поместить в тюрьму, он не без иронии спросил: «А разве я уже не заслужил снисхождения, чтобы отдыхать не в тюрьме?» В тон вопросу было сказано, что он пока заслужил право выбрать любую камеру тюрьмы.

Рано утром старший лейтенант Тимофеев уехал на ближайший армейский КП, чтобы сообщить в Отдел контрразведки армии о показаниях Ясудзавы. Я занялся розыском и задер-

жанием наиболее опасных японских агентов. Чтобы не допустить ошибки, под стражу брали только тех, на которых различные люди дали не менее трех-четырех показаний о сотрудничестве с японской разведкой и практической враждебной деятельности против Советского государства. После возвращения Николая Алексеевича Тимофеева мы продолжили операцию вдвоем и до утра 13 августа взяли под стражу более 50 шпионов, о чем доложили своему руководству и просили прислать помощь для ведения следствия.

Покончив с задержанием наиболее опасных агентов, 13 августа мы стали решать, что же делать с отрядом Симачкина. Несмотря на то что фактов нападения диверсантов на армейские тылы не было, отряд следовало немедленно блокировать и обезоружить, ведь он в любую минуту мог перейти к враждебным акциям.

Между тем подкрепление нам на помощь так и не прибыло. Не было сведений и от Белянушкина. В этой обстановке, примерно зная район базирования диверсантов, мы решили, что 13 августа с группой автоматчиков и проводников-китайцев я отправлюсь в этот район, чтобы попытаться обезоружить диверсантов.



КРАСНОАРМЕЙЦЫ КОНВОИРУЮТ КОЛОННУ ПЛЕННЫХ ЯПОНСКИХ СОЛДАТ В ХАРБИНЕ. 1945 ГОД



Однако делать этого не пришлось. К нам явился посланец отряда диверсантов и сообщил, что тот находится в двух километрах от города и просит прибыть туда советского офицера для обсуждения условий сдачи. Взяв с собой автоматчиков и посланца, я немедленно выехал к отряду, где потребовал сложить оружие, что и было сделано. Фамилии и адреса диверсантов мы переписали, их достоверность подтвердил Белянушкин, который сумел склонить отряд к сдаче советским властям. Всех этих людей затем отпустили домой, оружие доставили в здание миссии, а Белянушкина и Симачкина пришлось задержать и взять под стражу.

В полдень 14 августа в Лишучжэнь прибыл второй эшелон Отдела контрразведки «Смерш» армии во главе с подполковником Тесленко, в составе которого были оперработники, следователи и технический персонал. К этому времени мы задержали более 60 сотрудников, агентов и резидентов ЯВМ.

Одно из «осиных гнезд» японских милитаристов – Лишучжэньская японская военная миссия – прекратило существование. 

За фронт и тыл в ответе

СОТРУДНИКИ СМЕРША В ВОЙСКАХ НКВД

В КОНЦЕ 1930-х ГОДОВ ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА СТАЛА НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ БОЕГОТОВНОСТИ И БОЕСПОСОБНОСТИ АРМЕЙСКИХ СОЕДИНЕНИЙ И ЧАСТЕЙ, А ТАКЖЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДРУГИХ СОВЕТСКИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ. ОДНАКО С САМЫМ СЕРЬЕЗНЫМ ВЫЗОВОМ ВОЕННЫЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ СТОЛКНУЛИСЬ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. С ПЕРВЫХ РАЗРЫВОВ ВРАЖЕСКИХ БОМБ И СНАРЯДОВ УТРОМ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ С ВОЙСКАМИ ВСТАЛИ НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ ВОЕННЫЕ ЧЕКИСТЫ. ИМ УЖЕ БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ И СПЕЦИФИКА РАБОТЫ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ, И МЕСТО ОПЕРАБОТНИКА В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ, И ПЕРВИЧНАЯ РАБОТА С ВОЕННОПЛЕННЫМИ.

ТЕКСТ **Андрей КУКАРЕКА**

Вставай, страна огромная

Нападение немецко-фашистских захватчиков и их интенсивное продвижение в глубь Советского Союза определили ведущую для органов безопасности в войсках задачу – борьбу с дезертирством и переходом на сторону противника. В отличие от подобных преступлений, совершенных советскими военными в ходе предвоенных вооруженных конфликтов, причина этого скрывалась не в плохом обеспечении войск, а в слабой подготовке ряда бойцов и командиров некоторых соединений и частей. Только за первый год войны особистами совместно с войсками НКВД по подозрению в дезертирстве было задержано около 190 тыс. человек. Большая часть из них была возвращена в ряды своих подразделений. Однако почти 40 тыс. дезертиров после проведения органами безопасности в войсках оперативных и следственных мероприятий были арестованы.

Военные контрразведчики учитывали в своей работе и факт передисло-



кации войск накануне Великой Отечественной войны к новым рубежам страны, где местное население далеко не всегда положительно относилось к советскому образу жизни. Нередкими были пособнические действия в пользу

противника со стороны граждан приграничных территорий.

Чекисты перестраивали работу и в тылу, осваивали новые подходы к охране важных в стратегическом отношении объектов и в ходе подготовках



НАЧАЛЬНИК ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ
ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА **АНАТОЛИЙ МИХЕЕВ**

групп и отдельных лиц для заброски за линию фронта или оставления на временно оккупированной противником территории.

С первых дней войны героически сражались военные контрразведчики вместе с РККА и войсками НКВД на передовой: во время приграничных боев, овладения городом Перемышлем в боевых порядках войск, защиты Брестской крепости. Ярким примером мужества и героизма является Анатолий Михеев, который, будучи начальником 3-го Управления Наркомата обороны СССР, по личному рапорту был назначен на должность начальника особых отделов Юго-Западного фронта. В то время это был, пожалуй, один из самых опасных участков, где оперативная и военная обстановка была наиболее критической. Крайне тяжелая ситуация складывалась и в органах безопасности войск на этом направлении. Мобилизованные оперативные сотрудники из территориальных органов НКВД и НКГБ не располагали достаточным опытом работы в боевой обстановке, многие из оперработников погибли, сражаясь с гитлеровцами. Попад в конце сентября 1941 года в окружение, Анатолий Михеев пал смертью храбрых вместе со штабом фронта и его командующим Ми-

хаилом Кирпоносом в неравном бою с фашистами.

Не менее мужественно сражались военные чекисты на московском направлении, в условиях блокады города на Неве, в Сталинграде, на Северном Кавказе.

Смерть шпионам!

В конце марта 1943 года после ряда совещаний крупных руководителей НКВД был подготовлен проект документа о выделении из ведомства всех оперативно-чекистских управлений и отделов. В целом планировалось создание нового наркомата для обеспечения государственной безопасности СССР. Под названием «Смеринш» (Смерть иностранным шпионам) предполагалось сформировать на основе Управления особых отделов самостоятельный орган безопасности, усилив его техническими подразделениями, в том числе для организации зафронтовой работы.

Однако Верховный главнокомандующий отклонил разработанный проект ввиду того, что оперативная и военная обстановка на текущий момент требовала объединения усилий армии

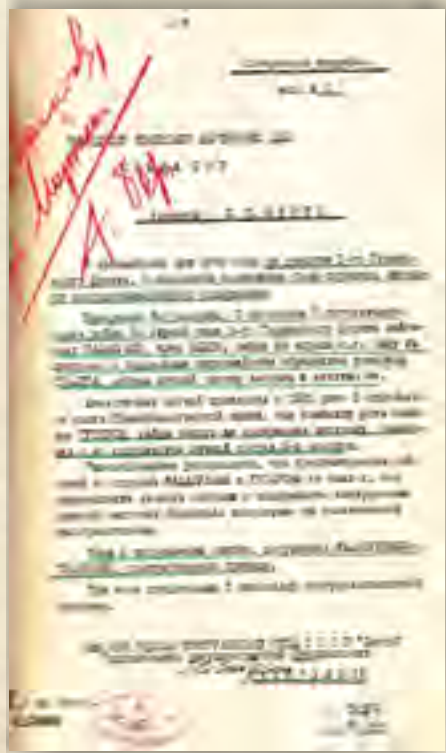
и органов безопасности в войсках. В реорганизации военной контрразведки Сталин предложил вернуться к варианту, разработанному накануне Великой Отечественной войны. К середине апреля 1943 года в Государственный комитет обороны были представлены соответствующие проекты документов о создании Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, Управления контрразведки «Смерш» НКВМФ СССР и Отдела контрразведки «Смерш» НКВД СССР.

19 апреля 1943 года в соответствии с Постановлением СНК №415-138сс подразделения, обеспечивавшие безопасность армейских соединений и частей, были переданы из Управления особых отделов НКВД в Наркомат обороны с образованием в последнем ГУКР «Смерш». «Флотские» особые отделы, согласно указанному документу, были переданы в Наркомат ВМФ СССР и продолжили свою деятельность в рамках УКР «Смерш». Оставшийся в составе бывшего УОО НКВД 6-й отдел продолжил работу в системе Наркомата внутренних дел как самостоятельное подразделение – ОКР «СМЕРШ».



Первым руководителем нового органа безопасности в войсках НКВД стал комиссар государственной безопасности Семен Юхимович. Проработав на этой должности всего один год, опытный руководитель-чекист настолько четко и безукоризненно организовал работу Отдела, что после освобождения советскими войсками в апреле 1944 года Одессы его направили возглавить областной орган безопасности, на территории которого оперативная обстановка была крайне напряженной. Руководителем смершевцев в системе войск НКВД на смену Юхимовичу был назначен его заместитель – комиссар государственной безопасности Владимир Смирнов, который оставался на этой должности до конца Великой Отечественной войны.

Что касается непосредственно Отдела контрразведки «Смерш» НКВД, то его существенным отличием от армейских и флотских управлений было



ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОКР «СМЕРШ» НКВД СССР О ЛИСТОВКАХ, СБРОШЕННЫХ НА УЧАСТКЕ 2-го ПОГРАНИЧНОГО ПОЛКА ВОЙСК ПО ОХРАНЕ ТЫЛА 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА. МАЙ 1944 ГОДА



КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕМЕН ЮХИМОВИЧ

обеспечение безопасности войск НКВД согласно выполняемым ими своим служебно-боевым задачам.

Общеизвестно, что в состав Наркомата внутренних дел входили внутренние, пограничные и различного назначения специальные войска. В годы войны они решали задачи по охране тыла действующей армии, общественного порядка на территории СССР, особо важных объектов промышленности, железнодорожных сооружений, а также по охране (в том числе конвоированию) лиц, отбывающих наказание, военнопленных и мест их содержания.

В этой связи основными оперативными подразделениями ОКР «Смерш» НКВД стали четыре отделения. Первое отвечало за агентурно-оперативную работу по центральным направлениям войск НКВД, второе осуществляло аналогичную деятельность в системе охраны войскового тыла фронтов. Направлением работы третьего отделения было обеспечение безопасности пограничных войск, а четвертого – внутренних, железнодорожных, промышленных и конвойных войск, а также войсковых формирований в системе местной противовоздушной обороны. В состав Отдела, помимо оперативных, входили также следственное, организационно-мобилиза-



КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЛАДИМИР СМЕРНОВ

ционное и другие специальные подразделения.

По мере продвижения действующей армии на Запад у военных контрразведчиков Наркомата внутренних дел постоянно расширялся спектр выполняемых задач. Например, сотрудники второго отделения занимались розыском агентуры спецслужб фашистской Германии и их сателлитов, а также пособников гитлеровцев из числа гражданского населения на освобождаемых советскими войсками территориях СССР. После успешно проведенной операции «Багратион» оперативный состав третьих отделений включился в работу по восстановлению западной части государственной границы и ее охраны.

Серьезным подспорьем в работе смершевцев в Наркомате внутренних дел стало создание Главного управления войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии. Оно было сформировано 4 мая 1943 года с целью централизованного руководства указанным войсковым контингентом. Совместно с сотрудниками вторых подразделений органов безопасности в войсках НКВД руководство вновь созданного объединения стало с первых дней уделять значительное внимание вопросам изучения, обобщения и распространения передового опыта по

борьбе с бандитизмом. Цель этой работы – передача знаний и навыков в организации деятельности по розыску и ликвидации бандитского подполья, в том числе во взаимодействии с территориальными органами НКВД и НКГБ, а также привлечение к проведению операций местного населения.

Результаты не замедлили себя ждать. Сотрудники ОКР «Смерш», обеспечивающие безопасность войск по охране тыла Северо-Кавказского фронта, в короткий срок выяснили, что основной средой для формирования бандитских групп являются дезертиры, объединившиеся со скрывавшимися пособниками фашистов (полицаями, карателями) и другими уголовными элементами. В прифронтовой полосе указанного оперативно-стратегического объединения войск было зарегистрировано 11 бандгрупп общей численностью 105 человек. В результате проведенных оперативным составом и войсками по охране тыла указанного фронта совместных операций к 13 мая 1943 года шесть бандитских групп были в основном ликвидированы, а остальные лишены маневра.

Масштабную работу сотрудники ОКР «Смерш» НКВД проводили по розыску пособников фашистов. В Российском государственном военном архиве сохранилась докладная записка заместителя начальника по разведывательной работе войск НКВД по охране тыла Южного фронта подполковника Тарасенко, который по состоянию на 28 мая 1943 года описывает вскрытые злодеяния немецко-фашистских захватчиков в городах Краснодар и Свердловск Ворошиловградской области. При помощи выявленного смершевцами резидента гестапо были установлены лица, ставшие на путь предательства, а также новые факты, касающиеся зверски замученных или угнанных на каторжные работы в Германию наших соотечественников.

Серьезную работу ОКР «Смерш» НКВД проводил и в отношении войск внутри наркомата. Поисковые и про-

верочные мероприятия были направлены на недопущение проникновения в войска НКВД антисоветских и подозреваемых в шпионаже или других преступлениях элементов. Анализ выявленных всеми оперработниками Смерша НКВД в обслуживаемых ими войсках военнослужащих позволил взять на учет 20 441 человека, из которых 347 побывали в разное время за годы войны в плену у противника; 2190 человек находились в окружении, из которого выходили в составе частей и подразделений; 1478 человек оказались в аналогичной ситуации, но совершали подобный выход в одиночку либо мелкими группами; 12 137 военнослужащих, призванных в войска, ранее проживали на временно оккупированной территории, а 4289 человек прибыли на пополнение из спецлагерей.

Согласно Приказанию исполняющего обязанности начальника войск НКВД СССР №17/752 от 30 ноября 1943 года о необходимости очищения войск НКВД СССР и недопущении в последующем проникновения в них антисоветски настроенных лиц и лиц, подозреваемых в шпионаже, военнослужащие, организованно выходившие из окружения, подлежали тщательной проверке, в том числе с использованием возможностей ОКР «Смерш». Лица, призванные на военную службу с освобожденных от противника территорий страны, относились к категории, которая обязательно проходила специальную проверку. Для удобства проведения проверочных мероприятий войсковое командование обеспечивало их компактное рассредоточение в частях и подразделениях.

Не миновали смершевцев Наркомата внутренних дел постоянно прибывающие в ряды войск военнослужащие из действующей армии. Только согласование с Отделом контрразведки давало возможность прибывшим продолжать службу на новом месте.

Незадолго до сражения на Курской дуге участвовали заброски фашистски-



ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НАГРАЖДЕНИИ ЗАФРОНТОВЫХ АГЕНТОВ АЛЕКСЕЯ СОБОЛЕВА И ПЕТРА ГОЛОКОЗА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ НАГРАДАМИ

ми спецслужбами агентуры для проведения шпионажа и диверсионных, террористических и пропагандистских акций. Наиболее подверженными такому вражескому десантированию стали Белгородская, Курская, Воронежская, Тамбовская и ряд других областей.

Согласно Указанию НКВД СССР от 5 июля 1943 года №153 после задержания разыскными войсковыми группами парашютистов противника оперативному составу органов Смерша предписывалось проводить неотложный допрос с последующим донесением в НКВД установочных данных нейтральной немецкой агентуры, обстоятельств их вербовки, особенностей обучения в разведшколах противника, задач в местах заброски, состава групп, а также их вооружения и оснащения. Такие действия позволяли парализовать враждебную деятельность задержанных, своевременно разыскать скрывавшихся в прифронтовой полосе

их соучастников, а также изучать формы и методы работы разведорганов противника.

Важнейшей сферой деятельности смершевцев было обеспечение безопасности особо важных объектов промышленности. Помимо существовавших до войны оборонных и других стратегических предприятий, военную продукцию стали выпускать заводы и фабрики сугубо мирного назначения. Войска НКВД не только обеспечивали постоянную охрану таких объектов от диверсантов, разведывательных органов противника, но и стремились исключить возникновение происшествий внутри учреждений. Например, объединенными усилиями ОКР «Смерш» НКВД и Управлением НКГБ по Свердловской области было взято под особый контроль обеспечение безопасности 55 промышленных предприятий. Одной из первостепенных задач стала тщательная проверка охраны и пропускной системы предприятий. Выявленные недостатки в короткий срок устраняли администрация объекта и военное командование войск Наркомата внутренних дел.

Характерные нарушения наглядно иллюстрирует проведенная проверка Челябинского снарядательного завода №114 Наркомата боеприпасов. Было вскрыто, что в цех №7, особо ре-



ДИРЕКТИВА ОКР «СМЕРШ» НКВД СССР О ПОРЯДКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ДЕЗЕРТИРОВ. МАЙ 1944 ГОДА

жимный ввиду секретности проводимых работ и взрывоопасности процессов снаряжения реактивных снарядов М-13, допускали лиц без соответствующей проверки и разрешения. Кроме того, в цехах завода по производству аммотола (взрывчатое вещество), снаряжения авиабомб крупного калибра, плавке взрывчатых веществ выявлено нахождение значительного коли-

чества рабочих, также не имевших отношения к производственным процессам и разрешения на проход в режимную зону.

Своевременно принимаемые смершевцами меры способствовали тому, что за годы войны на промышленных предприятиях оборонного назначения германским спецслужбам диверсий совершить не удалось.



КОНВОИРОВАНИЕ КОЛОННЫ НЕМЕЦКИХ ПЛЕННЫХ

Не менее сложные задачи приходилось решать военным контрразведчикам, обслуживающим войска по охране железнодорожных сооружений. Помимо охраны дорог, железнодорожных объектов и военных перевозок, на плечи Смерша НКВД легла борьба с хищениями. В итоговых отчетных документах чекистов за 1943 год задержанными за воровство на железных дорогах значатся 15 232 человека.

Небезынтересным фактом в истории охраны железных дорог остаются специальные мероприятия, связанные с обеспечением безопасности следования литерных эшелонов с Верховным главнокомандующим и членами правительства в места проведения совещаний глав государств антигитлеровской коалиции. Только для поездки в Германию для участия в Потсдамской конференции потребовалось привлечение более 17 тысяч военнослужащих войск НКВД и 1515 сотрудников из числа оперативного состава.

К этому следует добавить непосредственное участие ОКР «Смерш» НКВД в формировании 131-го пограничного полка и выполнении им служебно-боевых задач по охране правительственной делегации во время встречи «Большой тройки» на территории Ирана. Об исключительности ситуации свидетельствует тот факт, что данным процессом с самого начала и до окончания Тегеранской конференции руководил нарком внутренних дел Лаврентий Берия.

Задачи оперативных работников Смерша в этом мероприятии не ограничивались проверкой военнослужащих, включенных в состав полка на этапе его формирования. Проверочная работа проводилась постоянно вплоть до вывода и расформирования подразделения в 1945 году. Так, после очередной дополнительной проверки личного состава 131-го пограничного полка на советско-иранской границе несколько солдат и офицеров были отстранены от участия в международном мероприятии и направлены в другие части. Из-



ВО ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ» В ТЕГЕРАНЕ. 28 НОЯБРЯ – 1 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА

вестно также, что за октябрь – декабрь 1943 года за различные нарушения и преступления с территории Ирана в СССР органами Смерша были отправлены 26 военнослужащих полка. Вскрывались смершевцами на территории Ирана и воинские преступления, такие как оставление караула, продажа местному населению военного имущества, в том числе штатного холодного оружия.

Малоисследованной до настоящего времени остается деятельность смершевцев Наркомата внутренних дел, обеспечивавших безопасность конвойной охраны в военное время. Кроме охраны тюрем и спецлагерей войска стали выполнять задачи по конвоированию военнопленных, число которых после победного завершения Сталинградского сражения стало значительно возрастать. Оперативным сотрудникам Смерша приходилось решать задачи, связанные с предотвращением происшествий в отношении военнопленных, пресечением не только побегов или расправы над последними, но и недопущением несанкционированных контактов

с ними советских военнослужащих и гражданских лиц.

Значительную работу смершевцы проводили в период проведения депортационных мероприятий в 1944 году. Оперативный состав вскрывал факты нарушения законности со стороны конвойного сопровождения и порядка несения службы. Из отчетов военных контрразведчиков также становилось очевидным, что имелись предпосылки к совершению побега конвоируемых, которых сопровождали военнослужащие 43-й конвойной дивизии, а в 37-м аналогичном соединении был установлен факт подкупа конвоиров заключенными офицерами польской армии, впоследствии бежавшими из-под стражи.

Уникальным мероприятием в истории военной контрразведки в НКВД остается проведение операции «Большой вальс», когда летом 1944 года по улицам столицы были проконвоированы тысячи пленных немецко-фашистских захватчиков. Для обеспечения безопасности «парада побежденных» по согласованию с ОКР «Смерш» НКВД

было привлечено 1205 военнослужащих войск. Охрана мест дислокации военнопленных была возложена на 35-ю дивизию конвойных войск НКВД и 18-ю бригаду внутренних войск наркомата. За время проведения операции не зафиксировано ни одного факта побега пленным либо учинения над ними расправы со стороны советских военнослужащих и гражданских лиц.

Совсем незначительно раскрыта в истории органов Смерша работа по обеспечению безопасности и качественному выполнению служебно-боевых задач частями и подразделениями местной противовоздушной обороны НКВД. Инженерные полки наркомата уничтожали неразорвавшиеся авиационные и артиллерийские боеприпасы в городах после обстрелов и налетов, локализовали пожары в госучреждениях и жилом фонде, спасали материальные ценности и имущество страны и советских граждан. Сотрудники Смерша на этом поприще выявляли факты мародерства, халатного обращения со взрывчатыми материалами, необоснованным разрушением зданий и сооружений при ликвидации уцелевших авиабомб и артиллерийских снарядов.



ОПЕРАЦИЯ «БОЛЬШОЙ ВАЛЬС» ИЛИ «ПАРАД ПОБЕЖДЕННЫХ». МОСКВА, 17 ИЮЛЯ 1944 ГОДА



КВАНТУНСКАЯ АРМИЯ СДАЕТСЯ. 1945 ГОД

В конце января 1943 года высшее руководство страны возложило на НКВД обязанности, связанные со строительством, восстановлением, эксплуатацией и охраной объектов и линий правительственной связи. Военные контрразведчики, обеспечивавшие безопасность войск наркомата, в частности Управления войск правитель-

ственной связи, проводили работу по выявлению антисоветски настроенных лиц из числа личного состава соответствующих отдельных полков и батальонов связи. Выяснялись причины повреждения аппаратуры и линий связи, а также нарушения бесперебойности ВЧ-связи. Отдельно вскрывались факты хищений и нарушений, возникавших при строительстве и вводе в эксплуатацию объектов правительственной связи, проводилась необходимая работа с проживавшим в непосредственной близости от них местным населением освобожденных территорий Советского Союза. В дополнение к этим задачам органы Смерша в войсках НКВД противодействовали подрывной работе специальных служб иностранных государств, когда части и подразделения войск правительственной связи стали дислоцироваться за рубежом.

Война не окончена

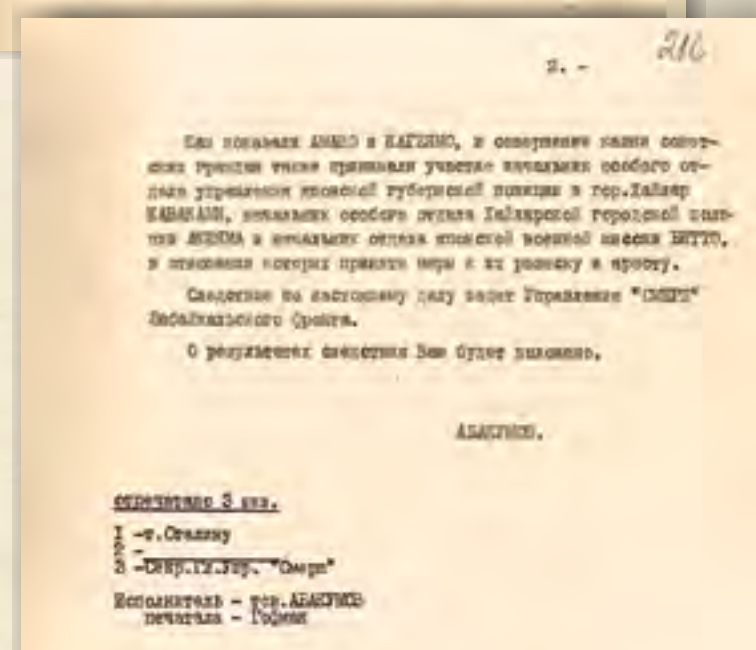
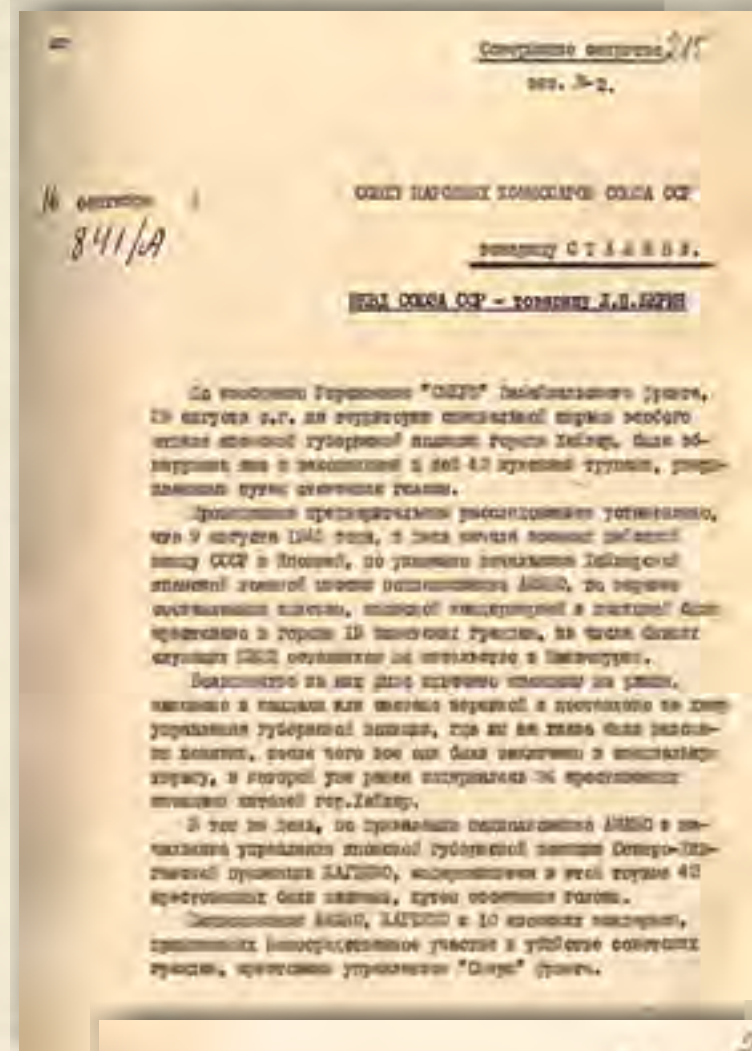
Органы Смерша проводили активную работу и в системе войск НКВД на Дальнем Востоке. Главными задачами были охрана тыла 1-го, 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов в период советско-японской кампании и ликвидация диверсионно-развед-

вательных групп, задержание дезертиров и посторонних лиц, проникших в прифронтовую полосу. Военные контрразведчики войск НКВД также занимались изъятием у местного населения стрелкового оружия и боеприпасов, которые раздали отступающие силы Квантунской армии. К примеру, смершевцам стало известно, что только жители города Хулинь получили две тысячи винтовок с полным комплектом боеприпасов к ним. Как вспоминал главнокомандующий Вооруженными силами СССР на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, «войска НКВД обеспечили безопасность фронтового тыла, пресекали попытки тайного врага и бандгрупп совершать диверсии в тылу Красной армии».

Одновременно продолжалась деятельность по борьбе с националистическим подпольем на западных территориях СССР. Несмотря на то что к концу войны немалая часть рядовых националистов, осознавая бесперспективность своих действий, явилась с повинной, значительная масса фанатично настроенных боевиков оставалась на нелегальном положении. В результате проведенных органами Смерша и внутренними войсками мероприятий только за первое полугодие 1945 года на западных территориях Украины было проведено более 5600 операций по борьбе с бандитизмом, в ходе которых уничтожено свыше 76 тыс. активных боевиков. Однако, несмотря на такую высокую результативность мероприятий, операции по ликвидации националистического подполья продолжались до середины 50-х годов прошлого столетия.

В апреле 1946 года подразделения ОКР «Смерш» НКВД вследствие реорганизации наркомата были преобразованы в органы контрразведки МВД СССР, а с 13 марта 1954 года в связи с образованием Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР влились в 3-е Главное управление нового ведомства.

ДОКЛАДНАЯ
ЗАПИСКА
№ 841/А
НАЧАЛЬНИКА
ГУКР «СМЕРШ»
НКО СССР
В СНК СССР
И НКВД СССР
О ЗВЕРСТВАХ
ЯПОНСКИХ
ОКУПАНТОВ
В ОТНОШЕНИИ
СОВЕТСКИХ
ГРАЖДАН.
16 СЕНТЯБРЯ
1945 ГОДА



Операция «Возвращение»

ВОЕННЫЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ В БИТВЕ ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

В ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ИЮНЯ 1943 ГОДА Я ПРИБЫЛ ИЗ ЛЕНИНГРАДА НА ОРАНИЕНБАУМСКИЙ ПЛАЦДАРМ. ВВОДЯ МЕНЯ, СВОЕГО НОВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ, В КУРС ДЕЛА, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ» ПРИМОРСКОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ПОЛКОВНИК ГОНЧАРОВ РАССКАЗАЛ, ЧТО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РУБЕЖИ ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА ЗАЩИЩАЮТ ТРИ СТРЕЛКОВЫЕ ДИВИЗИИ И ТРИ БРИГАДЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОСНОВУ ПРИМОРСКОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ (ПОГ).

ТЕКСТ Из воспоминаний подполковника Александра БОГДАНОВА



МЕМОРИАЛ «ОРАНИЕНБАУМСКИЙ ПЛАЦДАРМ». КОМПЛЕКС МЕМОРИАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА РУБЕЖАХ БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД В 1941–1944 ГОДАХ «ЗЕЛЕННЫЙ ПОЯС СЛАВЫ»

– **Ф**ланговое расположение плацдарма по отношению к войскам 18-й немецкой армии, блокирующим Ленинград с юга, – продолжал полковник, – превращает его в своеобразный трамплин, с которого после прорыва блокады в январе 1943 года войска нашего фронта могут развернуть наступательные операции. Не без основания ожидая удара со стороны Ораниенбаума, гитлеровское командование заинтересовано в активизации агентурной разведки против наших войск. Хорошо понимая это, мы, контрразведчики, во взаимодействии с командованием ПОГ принимаем все необходимые меры к тому, чтобы ни один агент вражеской разведки не сумел проникнуть на плацдарм.

Прошло немного времени, и я убедился: это не пустые слова. В ночь на 28 июля 1943 года находившиеся в секрете бойцы 50-й стрелковой бригады задержали вражеского разведчика, снабженного фиктивными документами на имя Щетникова. Это были непровержимые улики.

На допросе задержанный признался, что попал в плен к фашистам и согласился стать агентом военной разведки гитлеровской Германии. По окончании разведывательной школы абвера в городе Валга (на границе Эстонии и Латвии) он был направлен через линию фронта на Ораниенбаумский плацдарм со шпионским заданием. Ему приказали установить, какие войсковые соединения прибыли на плацдарм в последнее время и где они размещены, собрать сведения о перевозках войск и грузов по железной дороге Ораниенбаум – Калище.

О показаниях агента полковник Гончаров доложил командованию ПОГ и руководству Управления контрразведки фронта.

Через несколько дней его вызвали в Ленинград и поручили возглавить военную контрразведку 55-й армии. Мне было приказано временно исполнять обязанности начальника Отдела



БОЙКИНА ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ.
ХУДОЖНИК САЙБАТАЛОВ Х.Г. ЛЕНИНГРАД, 1982 ГОД



ПОЛКОВНИК ГОНЧАРОВ ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ.
ХУДОЖНИК САЙБАТАЛОВ Х.Г. ЛЕНИНГРАД, 1985 ГОД

контрразведки «Смерш» Приморской оперативной группы. После задержания Щетникова, отправленного мною в Ленинград, прошло девять дней. Вечером 6 августа начальник ОКР «Смерш» 48-й отдельной морской стрелковой бригады майор Бойкиня доложил мне:

– Сегодня на участке бригады перешел линию фронта и явился с повинной немецкий агент в форме капитана Красной армии.

Утром «капитана» доставили в Отдел контрразведки ПОГ.

Мне запомнились его изможденный вид, опущенные плечи, потухший взор. Он сел на предложенный стул, опустил руки на колени.

– Ваша настоящая фамилия?

– Каращенко Мокий Демьянович, пограничник, старший лейтенант, – сбивчиво начал он. – Но сейчас я выступаю в роли немецкого агента. Прибыл к вам с повинной...

Весь день и вечер с небольшими перерывами Каращенко рассказывал, а я записывал его показания.

Он встретил войну в латвийском городе Вентспилсе, где служил в погранкомендатуре. Жена и дочь его в первые дни войны вместе с семьями других пограничников выехали на гру-

зовике в сторону Риги. Бойцы и командиры погранотряда влились в состав 67-й стрелковой дивизии. В бою под Ригой Каращенко получил несколько ранений. При отступлении его взяла в плен в лесу банда латвийских националистов-айзсаргов. Перед этим он успел спрятать личные документы в траве.

На допросе в полиции назвался старшим лейтенантом Никулиным из строительного батальона. Сначала оказался в рижском лагере военнопленных. В июле 1942 года был переведен в лагерь особого режима Саласпилс, который пленные называли «Долиной смерти». Голод, издевательства, побои – через все прошел Каращенко. Но когда узнал, что фашистская разведка подбирает кандидатов в разведшколы, после долгих и мучительных раздумий решил: «Явлюсь к своим с повинной, к тому же не с пустыми руками». Позже он привлек к себе внимание вербовщика, назвавшись членом семьи раскулаченного.

Обучение шпионским наукам Каращенко проходил с 7 мая по 28 июня 1943 года сначала в разведшколе абвера в городе Валге, затем во второй абверовской школе в городе Стренчи (Латвия). В период учебы ему удалось

выяснить, что обе школы находились в ведении абверкоманды-104, приданной командованию группы армий «Север». Однако главным считал знакомство и беседы с агентами, которые обучались вместе с ним для последующей заброски на советскую сторону со шпионскими заданиями.

Старался узнавать фамилии, запоминать приметы, другие данные о лазутчиках, понимая, что они – главное оружие «тайной войны». По окончании учебы абверовцы доставили Ка-

ращенко в Псков на конспиративную квартиру, а оттуда – в район станции Сиверской, где располагалась абвергруппа-112, приданная командованию 18-й армии. Здесь он продолжал собирать сведения о деятельности абвера.

– Мне удалось узнать, – рассказал Мокий Карашенко, – что в конце июля начальник абвергруппы-112 капитан Фиш направил на Ораниенбаумский плацдарм агента Щетникова.

Далее Карашенко сообщил, что ему стало известно о намерении абверов-

цев забросить двух шпионов в наш тыл через озеро Ильмень. При подготовке Карашенко к заброске на Ораниенбаумский плацдарм Фиш вручил ему фиктивные документы на имя командира саперной роты 50-й стрелковой бригады капитана Давыдова, два командировочных предписания и карту плацдарма, а также пистолет ТТ, компас и наручные часы. Затем разъяснил задание и проинструктировал о поведении на плацдарме.

– К чему сводится задание?

– В течение восьми дней установить, не прибыли ли на правый фланг плацдарма новые дивизии. Если прибыли, то откуда, их номера, фамилии командиров, места дислокации. Эти сведения собрать путем личного наблюдения и в разговорах с советскими военнослужащими, передвигаясь по указанному на карте маршруту.

Ночью по приказу Фиша Карашенко ушел на плацдарм.

О явке агента абвера с повинной и данных им показаниях я доложил начальнику Управления контрразведки «Смерш» фронта генерал-майору Быстрову. По его указанию поздним вечером Карашенко был отправлен нами на катере из Ораниенбаума в Ленинград.

Случилось так, что незадолго до этого Военный совет Ленинградского фронта принял решение о разработке штабом фронта двух вариантов операций против войск 18-й немецкой армии, блокировавших Ленинград с юга.

Один вариант, получивший условное наименование «Нева-1», предусматривал боевые действия фронта при возможном отводе противником своих войск из-под Ленинграда. Согласно другому оперативному плану, названному «Нева-2», войска фронта должны были разгромить группировку неприятеля у стен Ленинграда и полностью снять вражескую блокаду. С учетом поправок, внесенных Ставкой Верховного главнокомандования в план операции «Нева-2» при его утверждении, наступление войск фронта должно на-

чаться с Ораниенбаумского плацдарма на Ропшу – Красное Село. Для этого на левый фланг плацдарма надлежало скрытно перебросить по Финскому заливу 2-ю ударную армию для наступления навстречу советским войскам, которые будут наносить удар по врагу от Пулковских высот.

Ввиду исключительной важности предстоящих боевых действий под Ленинградом планом операции «Нева-2» были предусмотрены тщательно продуманные меры по дезинформации противника. Осуществление их преследовало цель создать у гитлеровского командования уверенность в том, что наступление советских войск готовится с правого фланга Ораниенбаумского плацдарма на Кингисепп – Нарву, в действительности же планировалась подготовка мощного удара с левого фланга.

Учитывая, что подготовку наступательной операции необходимо было сохранить от противника в строгой тайне, Военный совет фронта обязал военных контрразведчиков всемерно усилить работу по пресечению подрывных вражеских акций. Надо было все сделать для того, чтобы ни один агент абвера, ни один перебежчик не смог доставить врагу достоверные сведения о подготовке нашего наступления, особенно о переброске на плацдарм 2-й ударной армии, а также оказать действенную помощь командованию в дезинформации противника.

Утром Карашенко был доставлен в Ленинград. Опытные офицеры контрразведки фронта, ознакомившись с показаниями и побеседовав с ним, пришли к выводу о возможности его привлечения к мероприятиям по введению фашистского командования в заблуждение. Однако оказать ему полное доверие без проверки они, разумеется, не имели права. Люди точного расчета, контрразведчики должны были убедиться, что посланец абвера не подставное лицо, а именно старший лейтенант советских погранвойск Мокий Карашенко – стойкий патриот Родины.



НА ОРАНИЕНБАУМСКОМ ПЛАЦДАРМЕ



КАРТА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

СПРАВКА



Александр Андреевич Богданов родился в 1915 году в городе Белозерске Новгородской губернии. В 1937 году был направлен на учебу в Ленинградскую межкраевую школу ГУГБ НКВД СССР, по окончании которой стал оперативным работником Особого отдела Ленинградского военного округа. В составе Особого отдела 35-й легко-танковой бригады участвовал в советско-финской войне 1939–1940 годов. За выполнение специальных мероприятий в ходе боев на Карельском перешейке и проявленное при этом личное мужество отмечен государственными наградами.

Во время Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в органах контрразведки Ленинградского фронта. Участвовал в операции по освобождению Ленинграда от вражеской блокады, в Выборгской операции. В послевоенное время работал в органах военной контрразведки на Дальнем Востоке. Являясь членом Союза журналистов СССР и России, а также Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград, после увольнения в запас проводил большую работу по популяризации деятельности отечественных спецслужб.

Подполковник Александр Богданов награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Выполняя указание руководства контрразведки фронта, капитан Маковеев успешно решил эту задачу. Он сумел отправить из Москвы в осажденный врагом Ленинград фотокарточку Карашенко из отдела кадров погранвойск. Установив, что жена и дочь Карашенко, о судьбе которых он не знал более двух лет, эвакуированы и проживают в Оренбургской области, сообщил ему об этом. По ранее собранным материалам Маковеев также проверил показания Карашенко о гласных и негласных сотрудниках ставших известными ему органов и школ абвера. Из обстоятельных бесед с Мокием Демьяновичем начальник отдела Управления контрразведки фронта подполковник

Соснихин, многие годы служивший в погранвойсках, вынес убеждение, что Карашенко можно доверить выполнение важнейшего поручения советского командования по дезинформации противника. На предложение стать нашим зафронтовым разведчиком Карашенко, не задумываясь, дал согласие. Военный совет одобрил работу контрразведчиков и дал указание штабу фронта подготовить материалы дезинформации. Ранним утром 15 августа Карашенко в сопровождении капитана Маковеева прибыл в Отдел контрразведки ПОГ.

Я не сразу узнал его. Былая удрученность исчезла, плечи расправились, взгляд стал спокойным, уверенным. Мокий Демьянович был счастлив и

горд тем, что ему поверили и позволили встать в ряды активных бойцов против ненавистного врага. В тот же день из Ленинграда в Отдел контрразведки ПОГ поступили дезинформационные материалы, подготовленные штабом фронта, которые Каращенко должен был передать капитану Фишу под видом результатов «выполнения» полученного от него задания.

Нашему разведчику поручали сообщить противнику, что в последнее время на правый фланг Ораниенбаумского плацдарма прибыли три новых войсковых соединения (фактически еще в мае 1943 года была перебазирована лишь одна стрелковая дивизия), что в 71-ю отдельную бригаду поступило пополнение – два батальона морской пехоты, каждый по 800 человек, и другие не соответствующие действительности данные. Взяв за основу эти «материалы», капитан Маковеев с помощью офицеров контрразведки ПОГ разработал легенду о пребывании агента абвера в расположении войск ПОГ, сборе интересующих фашистское командование сведений и о возвращении на сторону немецких войск. Каращенко приложил максимум усилий, чтобы твердо, во всех деталях запомнить эту легенду. На полученной от капитана Фиша карте плацдарма сделал необходимые отметки о местах дислокации «прибывших» на плацдарм дивизий.

В ночь на 16 августа разведчик ушел к врагу. Так началась операция, получившая у военных контрразведчиков условное название «Возвращение».

Чтобы убедить противника в правдивости сведений, доставленных Каращенко, военное командование развернуло работу по проведению специальных мероприятий, предусмотренных в плане операции «Нева-2». В ряде мест на правом фланге плацдарма были установлены макеты танков и орудий. Демонстрировалось сосредоточение пехоты, артиллерии и танковых подразделений. Началось интенсивное движение транспорта к переднему краю.

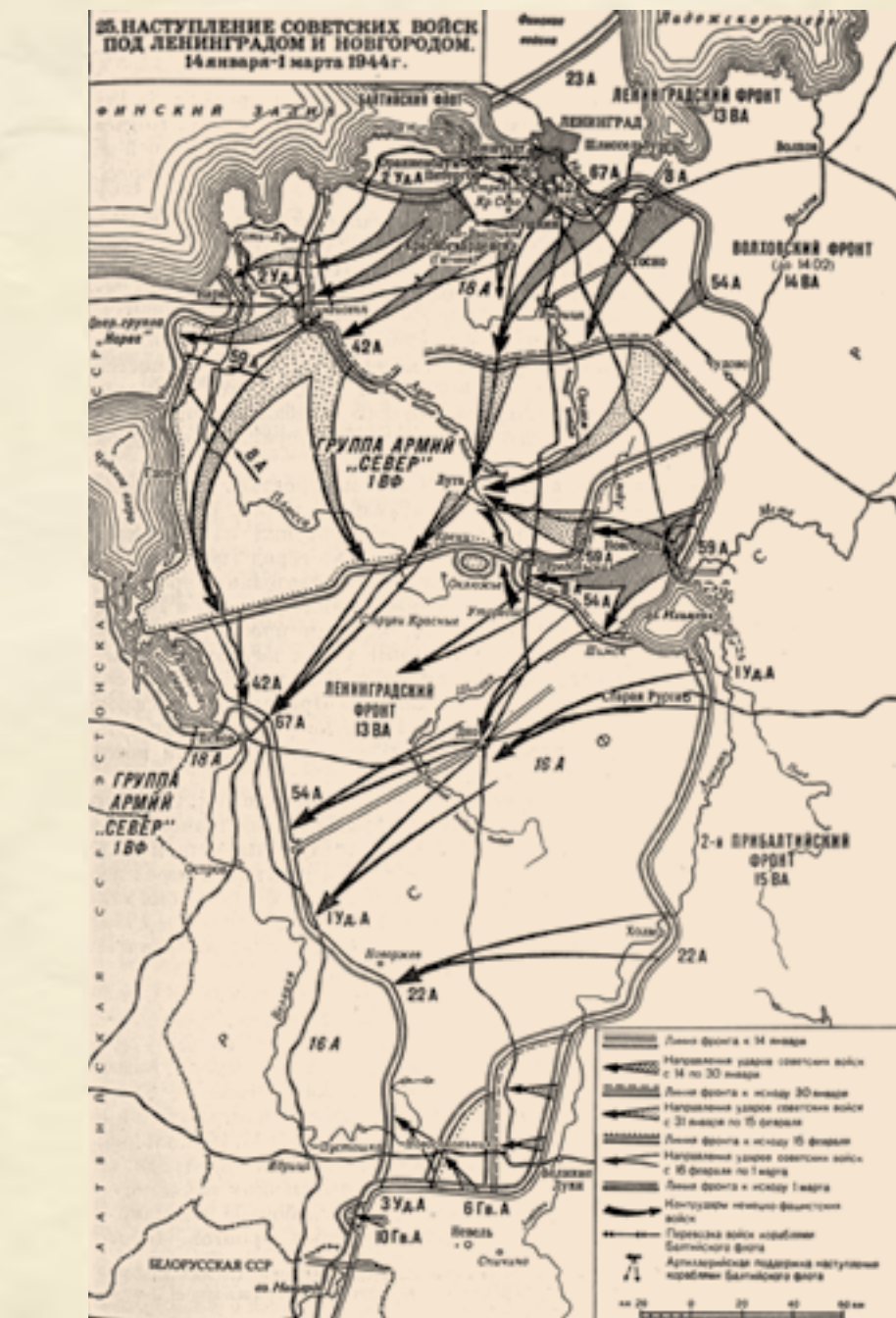


СХЕМА НАСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОД ЛЕНИНГРАДОМ И НОВГОРОДОМ. 1944 ГОД

Через два дня после ухода Каращенко на сторону немецких войск противник обрушил на «места скопления» танков и орудий артиллерийский огонь. Вражеская авиация бомбила «места дислокации» новых соединений, отмеченных им на карте плацдарма. Стало

ясно, что гитлеровское командование поверило сведениям, доставленным Каращенко в абвер. Однако контрразведчики ПОГ не без оснований полагали, что опытные офицеры фашистской разведки приложат все усилия для проверки их достоверности. Получив со-

ответствующие указания, начальники отделов контрразведки войсковых соединений ПОГ офицеры В.А. Бойкина, С.А. Иванов, А.П. Куликов, И.Г. Макаров, М.К. Михайлов, Н.С. Павлов приняли действенные меры, чтобы ни один агент абвера, ни один перебежчик не сумел перейти линию фронта и вызвать у противника сомнения в истинности принесенных Каращенко сведений.

Эти меры оказались весьма своевременными. Только в сентябре враг пытался забросить на Ораниенбаумский плацдарм семь своих агентов с заданием подтвердить информацию, переданную Каращенко. Однако ни одному из этих лазутчиков не удалось проникнуть на плацдарм. Некоторые явились с повинной, остальные были обезврежены.

Для укрепления положения Каращенко в стане врага и придания большей убедительности его легенде контрразведчики фронта подготовили к отправке в тыл противника еще одного разведчика из числа явившихся к нам с повинной агентов абвера – Саперова. Прибывший на плацдарм новый начальник Отдела контрразведки «Смерш» ПОГ подполковник Николаев организовал его переход через линию фронта с задачей подтвердить сведения, переданные абверовцам Каращенко.

Одновременно с действиями контрразведчиков командование фронта продолжало проводить работу по дезинформации противника. На правом фланге плацдарма артиллерия имитировала пристрелку, а небольшие группы танков – продвижение танковых войск. Были введены в действие новые дивизионные сети радиосвязи. Авиация совершала разведывательные полеты в направлении Кингисеппа. Велись разведка боем и поиски. Войсковые разведчики в тылу противника распространяли слухи о предстоящем наступлении советских войск в западном направлении.

«Все это помогло дезориентировать фашистское командование, – от-

мечено в «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа», – создав у него уверенность, что готовится наступление советских войск на Кингисепп – Нарву». Во второй половине декабря – начале января у правого фланга Ораниенбаумского плацдарма заняли оборону новые соединения противника: моторизованная дивизия СС «Нордланд», переброшенная из Германии, и моторизованная бригада СС «Нидерланды», прибывшая из Югославии. Сомнений не было: наша дезинформация противника достигла цели.

Гитлеровское командование было убеждено, что войска Ленинградского фронта готовятся к наступлению с правого фланга Ораниенбаумского плацдарма на Кингисепп – Нарву.

Вопреки расчетам фашистского командования мощное наступление 2-й ударной армии началось 4 января 1944 года не с правого, а с левого фланга плацдарма, куда она была втайне от врага перебазирована средствами КБФ по Финскому заливу.

Пленные гитлеровцы подтвердили, что они ничего не знали о прибытии на плацдарм 2-й ударной армии и о предстоящем наступлении наших войск. На следующий день еще более мощный удар по противнику нанесла 42-я армия от Пулковских высот. Утром 20 января войска двух армий встретились в районе Ропши. К 27 января 1944 года операция по разгрому вражеской группировки, блокировавшей Ленинград, была завершена.

В это же время закончилась и контрразведывательная операция «Возвращение», внесшая достойный вклад в дело победы над врагом у стен Ленинграда. Активные участники операции были награждены боевыми орденами. После снятия блокады Ленинграда контрразведчики фронта высказывали опасения за жизнь разведчика Мокия Каращенко, так как гитлеровцы имели серьезные основания обвинить его в измене. Но этого не произошло. Позднее, со слов Мокия Демьяновича, стало

известно, что после передачи дезинформации капитану Фишу абверовцы настойчиво и изощренно пытались установить, не вводит ли Каращенко их в заблуждение. Но улики не нашли, истины не установили. Проверка завершилась тем, что в декабре 1943 года командование группы армий «Север» наградило его за заслуги перед рейхом бронзовой медалью II степени.

В дальнейшем Каращенко находился в различных подразделениях фашистской разведки. В феврале 1945 года сумел оторваться от противника, встретил наступающие советские войска. Позднее вернулся на Родину и разведчик Саперов.

Доставленный в Ленинград Каращенко предоставил контрразведчикам данные о 28 известных ему агентах и сотрудниках абвера. Учитывая большую помощь, оказанную им командованию фронта в ходе подготовки операции «Нева-2», было принято решение явившегося с повинной агента вражеской разведки Каращенко к уголовной ответственности не привлекать и направить в воинскую часть для прохождения дальнейшей службы. О его награждении в то время по понятным причинам речи не шло.

Но справедливость все же восторжествовала. За стойкость и мужество в борьбе против фашистских захватчиков 8 мая 1965 года капитан Мокий Демьянович Каращенко был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В ходе операции «Возвращение» наша контрразведка нанесла фашистскому абверу такой удар, который стоил ему утраты самостоятельного существования.

2 февраля 1944 года, через две недели после завершения этой операции, в связи с поражениями в «тайной войне» на советско-германском фронте Гитлер издал директиву о передаче ведущих отделов абвера в ведение Главного имперского управления безопасности с фактической отставкой шефа абвера адмирала Канариса.

Политический крах кондукэтора

СОВЕТСКИЕ ВОЕННЫЕ КОНТРАРАЗВЕДЧИКИ В РУМЫНИИ ДЕЙСТВОВАЛИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО И ЭФФЕКТИВНО

ОДНИМ ИЗ СОЮЗНИКОВ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА», УЧАСТВОВАВШИХ В АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР, БЫЛА РУМУНИЯ, ВОЗГЛАВЛЯЕМАЯ ДИКТАТОРОМ АНТОНЕСКУ. ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ ПРИВЕЛИ К КРУШЕНИЮ КРОВАВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ЭТОЙ БАЛКАНСКОЙ СТРАНЕ. В ОСВОБОЖДЕНИИ НАРОДА РУМУНИИ ОТ ФАШИСТСКОГО ГНЕТА ВЕЛИКА РОЛЬ И БОЙЦОВ СОВЕТСКОЙ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ. СОТРУДНИКИ СМЕРША ПРИНИМАЛИ ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ТЫЛА СОВЕТСКИХ ВОЙСК, РАСКРЫТИЮ ДИВЕРСИОННЫХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПЛАНОВ ПРОТИВНИКА, ПОИСКУ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОВЕРШИВШИХ ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАРАТЕЛЕЙ.

ТЕКСТ Александр ЛЕОНИДОВ

Режим Антонеску

4 сентября 1940 года главой правительства Румынии стал генерал Ион Антонеску. Это назначение успешно для него завершило противостояние с захватившим в 1938 году фактически диктаторские полномочия королем Румынии Каролом II. Занимавший в 1930-е годы посты начальника Генерального штаба, а затем главы Министерства обороны Антонеску, в отличие от ориентировавшегося на союз с Англией и Францией монарха, был сторонником политического соглашения с гитлеровской Германией. Это стало причиной его удаления на пост командующего военным округом, фактически формой опалы. Однако территориальные уступки, на которые был вынужден пойти Кароль II, означали банкротство его правительственного курса. В результате опальный генерал вернулся на «авансцену румынской политики». Кароль II, вынужденный после прихода к власти Антонеску отречься от престола, покинул страну. Ставшему королем его 19-летнему сыну Михая I при новом режиме

была отведена лишь формальная, декоративно-парадная роль. Но политические перемены все же не сразу позволили Антонеску сконцентрировать всю полноту власти. Вплоть до января 1941 года он был вынужден делить ее с лидером партии фашистского типа «Железная гвардия» – Хорией Симой, получившим пост вице-премьера. Соперничество двух крайне правых политиков приобрело открытые формы в ходе поднятого железногвардейцами в ночь на 19 января вооруженного мятежа. Выступивший в роли арбитра Гитлер в этом противостоянии поддержал Антонеску, что оказалось решающим фактором удержания им власти.

Ставший в 1941 году маршалом, провозглашенный румынским фюрером – «кондукэтором», Антонеску в своей внешней политике целиком ориентировался на «третий рейх». В историографии Румынию времен режима Антонеску традиционно включают в число стран-сателлитов, находившихся под политическим и экономическим верховенством Германии. 23 ноября 1940 года Антонеску подписал



ДИКТАТОР ИОН АНТОНЕСКУ

договор о присоединении страны к Берлинскому (Тройственному) пакту, заключенному ранее Германией, Японией и Италией. Немецко-румынское соглашение 4 декабря 1940 года фактически превращало Румынию в аграр-

но-сырьевой придаток старшего политического партнера. Но политическое угодничество перед Гитлером не означало отсутствие у Антонеску собственных амбиций. Диктатор рассчитывал, что в предстоящей войне он не только захватит возвращенную СССР в 1940 году Бессарабию, но и сумеет претворить в жизнь масштабный проект «Великой Румынии». 22 июня 1941 года Румыния вступила в войну против СССР.

Согласно договоренности с Германией в зоне оккупации были выделены территории, отданные под управление румынских властей. К ним относились Буковинское губернаторство со столицей в Черновцах, Бессарабское губернаторство со столицей в Кишиневе и губернаторство Транснистрия со столицей сначала в Тирасполе, а затем в Одессе. На попавших под контроль режима Антонеску советских землях воцарился террор. На них совершался геноцид объявленных «расово нечистыми народами» – евреев и цыган. Румынские нацисты проводили политику «дерусификации», в ходе которой принимались меры против использования русского языка и изымались русские книги. Кондукэтор высокомерно заявлял: «Власть Румынии установилась на этой территории на два миллиона лет».

Героическая борьба Красной армии доказала, что весь проект «Великой Румынии» оказался лишь амбициозной авантюрой. Гибель румынских дивизий под Сталинградом, на Дону, на Кубани и в Крыму наряду с развалом экономики страны стала причиной возникшего в конце 1943 года и неизбежно расширившегося политического кризиса.

Новые задачи

26 марта 1944 года войска 2-го Украинского фронта вышли на государственную границу СССР на реке Прут. 27 марта Красная армия в рамках проведения Уманско-Ботошанской операции вступила на территорию Румынии. К середине апреля войска продвинулись в глубь страны более чем на сто



ОБРАЩЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ К РУМУНСКОМУ НАРОДУ И АРМИИ

километров, освободив свыше 800 населенных пунктов.

10 апреля 1944 года вышло постановление Государственного комитета обороны «О задачах Красной армии в связи с вступлением на территорию Румынии». В нем давалось указание Военному совету 2-го Украинского фронта издать обращенное к населению страны воззвание, в котором необходимо было объяснить, что «Красная Армия вошла в пределы Румынии, не преследуя целей приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего в Румынии общественного строя». В постановлении отмечалось: «Не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского гнета вошла в Румынию Красная армия, не имеющая других целей, кроме целей разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в поработенных ею странах». До населения следовало довести информацию о том, что все личные и имущественные права румынских граждан находятся под советской охраной.



Для обеспечения порядка в занятых районах общее руководство организацией гражданского управления и контроля за ним на всех освобожденных землях Румынии было возложено на Военный совет, персонально на члена Военного совета 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта танковых войск Ивана Сусайкова. В каждом уездном и волостном центре, а также в каждом крупном населенном пункте были назначены советские коменданты и размещены военные гарнизоны из состава войск НКВД или частей Красной армии.

Естественно, важной проблемой для советских войск на освобожденной территории стало обеспечение надежной охраны тыла. В директиве НКВД начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов о задачах войск НКВД в связи с вступлением Красной армии на территорию стран Восточной Европы от 18 мая 1944 года указывалось, что в Румынии, равно как и в последующем в других странах, воюющих с СССР, войска ожидает обстановка, которая значительно отличается от той,

в которой большинство частей выполняли задания ранее. Здесь неизбежно столкновение с враждебно настроенными группами населения. Директива обращала внимание на то, что «вынужденные считаться с нашей силой, эти группы, возможно, будут внешне подчеркивать свою лояльность к нам, чтобы в подходящий момент ударить нам в спину, втихомолку напасть, уничтожить доверчивых, расхлябанных и потерявших бдительность одиночек и групп военнослужащих». Документ указывал на опасность со стороны специально подготовленной для активной подрывной работы вражеской агентуры, предназначенной для действий не только в районах войскового тыла, но и в более глубоком фронтовом тылу. Особо оговаривались меры по борьбе с бандитизмом, распространению которого способствовали возникшие условия, связанные с собиранием и хранением проживающим в районе боев населением большого количества брошенных и оставленных оружия и боеприпасов.

Органы безопасности принимали меры «против проявления беспечности и излишней доверчивости к населению». В их рамках личному составу воспрещалось одиночное пребывание

или расквартирование в домах местных жителей. Подразделения предписывалось размещать только компактно, а если размещение проводилось на окраинах селений, нужно было выбирать пункты, наиболее удобные для организации непосредственной обороны. Управления войск и штабы полков и батальонов в целях обеспечения их безопасности должны были занимать отдельные целые кварталы, для чего в случае необходимости следовало переселять население в другие кварталы. Органы безопасности обращали внимание на угрозу захвата секретной документации и архивов. Для предотвращения подобных инцидентов требовалось повышение бдительности при хранении, учете и перевозке документов. Рекомендовалось не возить с собой ненужных в настоящий период архивов.

По распоряжению главы ГУКР «Смерш» НКО Виктора Абакумова была создана специальная оперативная группа для координации работы всех аппаратов военной контрразведки на территории Румынии. Руководство ею доверили заместителю Абакумова – опытному организатору Николаю Селивановскому. Вместе с ним в мае 1944



ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ИВАН СУСАЙКОВ

года на фронт прибыли специалисты в деле розыска и проведения зафронтной работы из центрального аппарата военной контрразведки. Группа Селивановского подготовила подробный доклад, полученный Абакумовым 27 мая. На основе этого доклада в Смерше составили спецсообщение в Государственный комитет обороны. В нем указывалось, что уже более двух десятков румынских граждан были арестованы за активное противодействие вводимым советским командованием мерам. В спецсообщении также отмечалось, что органы безопасности взяли под контроль сотни лиц, которые потенциально могли бы использоваться противником для подрывных действий в тылу Красной армии. В их число входили этнические немцы, сотрудники и агенты румынских спецслужб.

Селивановский представил и оценку деятельности командования по руководству организацией гражданского управления на освобожденной части Румынии. Он отметил имеющиеся недочеты в вопросах комплектования во-



ОСВОБОЖДЕНИЕ РУМЫНИИ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ. КАЗАЧЬЯ ВОИНСКАЯ ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ ВСТУПАЕТ В РУМЫНСКУЮ ДЕРЕВНЮ. ОКТЯБРЬ 1944 ГОДА



РУКОВОДИТЕЛЬ СПЕЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ РУМЫНИИ НИКОЛАЙ СЕЛИВАНОВСКИЙ

енных комендатур и их функционирования, а также содержания румынских и германских военнопленных. На основании ряда критических замечаний Селивановского Абакумов попросил руководство Государственного комитета обороны направить Военному совету 2-го Украинского фронта дополнительные указания, в особенности касающиеся усиления комендатур воинскими подразделениями.

Советским органам безопасности на территории Румынии противостояли приступившие к массовой заброске своей агентуры в районы, освобожденные войсками Красной армии, германские абверкоманды и абвергруппы. Аналогично немцам действовали и румынские разведслужбы. Подготовленная в августе 1944 года справка ОКР «Смерш» 53-й армии 2-го Украинского фронта дает представление об особой активности в этом направлении 2-го бюро «А» (секретное бюро) 2-го отдела генштаба румынской армии. Для разведывательной работы оно в основном подбирало агентуру из числа

кадровых офицеров и солдат, имеющих родственные связи на контролируемой советскими войсками территории. В меньшей степени привлекались агенты из гражданского населения. Засылаемые шпионы должны были действовать под видом мирных жителей. На случай задержания советскими органами им приказывалось выдавать себя или за жителей прифронтной полосы, бежавших от мобилизации в румынскую армию, или за эвакуированных в свое время румын, пожелавших возвратиться к семьям, или за дезертировавших из частей солдат румынской армии, добровольно перешедших линию фронта.

Агентура противника собирала сведения о расположении частей и их оснащении техникой, о воинских складах, аэродромах, наличии укреплений. Наиболее опытным агентам была поручена вербовка враждебно настроенных к советской власти лиц из гражданского населения. На случай явки к ним связников устанавливались пароли.

Оперативная группа и Управление контрразведки «Смерш» 2-го и 3-го Украинских фронтов, разумеется, не только раскрывали агентуру противника, но и принимали меры по активизации своей деятельности в тылу врага. Советские контрразведчики в ходе фильтрации военнопленных выявляли официальных сотрудников спецслужб Румынии. Многие из них на допросах давали откровенные показания об операциях против Красной армии. Некоторых из них Смерш использовал как зафронтных агентов и агентов-опознавателей. На основании данных, полученных от советского закордонного разведчика Антония, штатного сотрудника румынских спецслужб, а также материалов о структуре, методах работы, агентуре и готовящихся разведывательно-подрывных акциях в отношении советских войск контрразведчики в июне 1944 года разработали операцию «Дунай». Она позволила задержать десятки агентов неприятеля.

Операции Смерша

Решающее значение в освобождении Румынии сыграла начавшаяся 20 августа 1944 года Ясско-Кишиневская операция, проведенная войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией. В результате были разгромлены 22 дивизии и 37 отдельных частей противника, пленены свыше 208 тысяч человек. 23 августа в Бухаресте в результате государственного переворота был отстранен от власти и арестован диктатор Антонеску. Новое правительство объявило о выходе из войны и готовности к переговорам со странами антифашистского блока. 12 сентября в Москве было подписано соглашение о перемирии между СССР, США и Великобританией, с одной стороны, и Румынией – с другой. В нем заявлялось о вступлении Румынии в войну против Германии и Венгрии.

Несмотря на то что Румыния была занята Красной армией, руководство Германии и румынские профашистские политические силы рассчитывали на реванш. Под покровительством немцев было сформировано «румынское правительство в эмиграции», которое возглавил глава «Железной гвардии» Сима. В 1941 году немцы укрыли на своей территории этого противника Антонеску, очевидно, рассчитывая использовать его как «запасной вариант». Теперь они посчитали, что «его час настал». Сима вместе с гитлеровскими спецслужбами начал усиленно готовить людей для диверсионно-террористических действий в Румынии против советских войск.

В Смерше были готовы к тому, что враг продолжит сопротивление. Ярким примером успехов советских контрразведчиков стало раскрытие в освобожденном 24 августа Кишиневе нескольких подпольных вражеских центров. Один из них – Центр Н 2-й секции румынского генштаба. Оперативная группа контрразведчиков, исследовавшая здание, где располагался этот разведорган, установила, что входящие в него



ГЛАВА «ЖЕЛЕЗНОЙ ГВАРДИИ» ХОРИЯ СИМА (В ЦЕНТРЕ СПРАВА)

сотрудники поспешно покидали город вместе с отступавшими частями вермахта. Поскольку кишиневская группировка, попав в окружение, частично была уничтожена, а частично капитулировала, наиболее вероятным было то, что личный состав Центра Н был пленен. Сотрудники Смерша начали проверку лагерей военнопленных и обнаружили людей из Центра Н. Выяснилось, что руководитель шпионской группы майор Ботезату при взятии его в плен пытался совершить самоубийство и находится в полевом госпитале. Офицер связи Попеску на допросе дал подробные показания о структуре и построении агентурной работы 2-й секции румынского Генерального штаба, об официальных работниках этого разведоргана и агентуре, оставленной в Одессе для работы в тылу Красной армии. От секретаря Центра Н Мицеску контрразведчики получили информацию о том, что все документы Центра накануне пленения были спущены в небольшой сухой колодец и подожжены. В результате обследования

колодца обнаружилось, что почти все документы сохранились. Смерш получил списки агентуры, сведенной в резидентуры и оставленной в Кишиневе и прилегающих районах; список и адреса радиостанций, оставленных при отступлении в районе Одессы и Николаевской области; альбом с фотокарточками раскрытой румынами советской агентуры и документы по разоблачению английских агентов. Было обнаружено 64 личных дела румынской агентуры. Полученные сведения позволили нейтрализовать несколько резидентур, оставленных румынской разведкой на всей территории от Крыма до Кишинева.

В лагере военнопленных сотрудники Смерша обнаружили одного из руководителей кишиневского Центра № 2 Секретной службы информации Пауна-Щербанеску. На допросах он в течение трех суток отрицал свою причастность к агентурной работе, уверяя, что исполнял лишь обязанности коменданта. Предъявленные Пауну-Щербанеску документы, подтверждающие его

участие в допросах советских парашютистов, сделали для него невозможным отрицать очевидное. Паун-Щербанеску признал, что он лично вербовал людей для работы в тылу Красной армии, и назвал 23 человека, трое из которых были оставлены в качестве резидентов. Как оказалось, Паун-Щербанеску был не полностью откровенен. Следственная работа с шофером Центра № 2 ССИ Гузуном позволила восполнить пробелы в показаниях Пауна-Щербанеску. Контрразведчики смогли получить сведения о спрятанной им радиостанции и документах, которые были изъяты.

Одной из лучших советских контрразведывательных операций, проведенных на территории Румынии, исследователи традиционно называют радиоигру «Приятель». Ее история отражена в книге «Большая игра», написанной полковником Дмитрием Тарасовым, бывшим в годы войны начальником отделения по радиограмм 3-го отдела Смерша. Важная роль в операции «Приятель» была отведена арестованному резиденту германской военной разведки Твену, который перед отступлением вермахта из Румынии



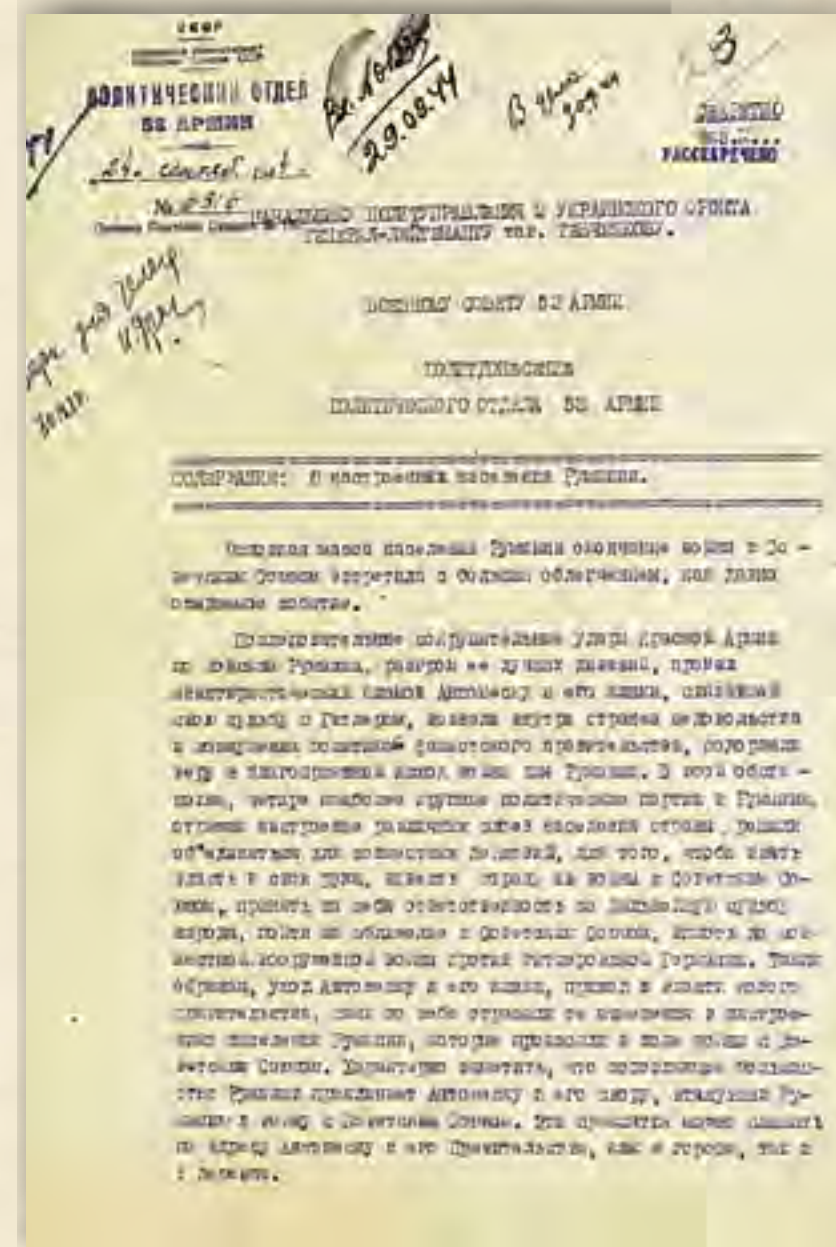
ДМИТРИЙ ТАРАСОВ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ РАССКАЗАЛ О ЛЕГЕНДАРНЫХ ОПЕРАЦИЯХ СМЕРША

остался в Бухаресте. Дав согласие выполнять задания чекистов, Твен возобновил радиосвязь с германской стороной и восстановил контакты со своими агентами. Краткий перерыв радиосвязи не вызвал у немцев подозрений. 22 ноября 1944 года квартиру Твена посетил нелегально прибывший из Германии сотрудник службы безопасности (СД) Поп. Его миссией было возобновление приостановленной после выхода Румынии из войны работы шпионских и диверсионных групп. От Попа Твен узнал о том, что в страну также нелегально проникли крупный германский разведчик Шмидт и эмиссары главы румынского «эмигрантского правительства» Сима. Твену стали известны данные о подготовке крупного наступления гитлеровских войск на Трансильванию весной 1945 года, в связи с которым нацисты предполагали активизировать диверсионную работу в тылу Красной армии. С Твеном была установлена договоренность, что все сотрудники германской разведки, прибывающие в Бухарест, будут останавливаться у него.

3 декабря «гостем» Твена стал человек, представившийся как Болога. Он потребовал от резидента обратить особое внимание на получение информации о деятельности румынского правительства, политических партий и иных организаций. Чекистам вскоре удалось установить, что Болога – это майор войск СС Ральф Гунер, который состоит на службе в Главном управлении имперской безопасности гитлеровской Германии, где известен под псевдонимом Боб. До разрыва союза Румынии с Германией Гунер был помощником резидента СД; его прикрытием была официальная должность адъютанта германского авиационного атташе в Бухаресте генерала Герстенберга. В Смерше не торопились задерживать ни Попа, ни Гунера и установили за ними аккуратное наблюдение. Использование в «игре» Твена позволяло оперативно узнавать о планах противника и контролировать заброски групп подчиненных Симе вооружен-

ных легионеров, прошедших специальную подготовку в разведывательно-диверсионных школах Германии. Итогом блестяще проведенной операции «Приятель» стал арест 179 шпионов, террористов и диверсантов, в число которых входили 43 человека из руководящего состава. Операция также позволила захватить самолет с находившимися на борту руководителями профашистского подполья.

Неизменным направлением деятельности Смерша оставался поиск участников карательных акций на временно оккупированной советской территории. Проводилась такая работа и в Румынии. Об этом свидетельствует докладная записка УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта о результатах работы на сборно-пересыльных пунктах и среди военнопленных армий противника за время пребывания войск



ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ АЛЕКСАНДРУ ТЕВЧЕНКОВУ О НАСТРОЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РУМЫНИИ

фронта на территории Румынии от 29 октября 1944 года. В ней сообщается о задержании в городе Крайова группы офицеров СС, в числе которых оказался и гауптштурмфюрер СС, бывший начальник канцелярии зондеркоманды Гофмаера – Мартин Асман. Подобно многим другим участникам геноцида, эти каратели при задержании скрывали свое участие в истреблении граждан на оккупированной территории СССР. Они назвали себя офицерами «катастрофной команды» города Плоешти. Для доказательства их участия в преступлениях в Смерше использовали показания арестованного гражданского губернатора Транснистрии Алексану. Изобличенный Асман признал, что зондеркоманда «Р» проводила мероприятия по массовому уничтожению мирных советских граждан и разграблению народного хозяйства оккупированных областей. Расследование установило, что и Асман, и его напарники принимали непосредственное или косвенное участие в карательных акциях и грабежах.

Приговор диктатору

1944-й стал для диктатора годом политического краха. 23 августа во время встречи с ним во дворце Михай I заявил о необходимости достижения перемирия. Антонеску ответил: «Я ничего не могу предпринять, не спросив прежде разрешения у Гитлера». В ответ король произнес: «Ну что же, стало быть, я больше ничего не смогу сделать». Эти слова стали сигналом. Вошедшие вооруженные военные объявили диктатору о его аресте.

Советское руководство интересовало судьба свергнутого недавнего властителя Румынии. 31 августа 1944 года в Бухарест приехали генерал-лейтенанты Иван Сусайков и Александр Тевченков, которым было поручено выяснить, где находится маршал Антонеску, и взять его под арест. Официальные советские представители установили, что он пребывает под охраной коммунистов на конспиративной квартире. В сопровождении члена

ЦК румынской компартии Эмиля Боднараша они отправились на окраину румынской столицы, где в небольшом деревянном доме содержали Антонеску и несколько человек из его ближнего окружения. В тот же день группу арестованных вывезли на командный пункт 53-й армии, где она пробыла ночь, а утром 1 сентября ее доставили на командный пункт фронта.

Советская контрразведка предполагала, что со стороны Гитлера могут быть даны указания предпринять попытку освобождения своего союзника. Было принято решение доставить Антонеску и его подручных в Москву. Проведение этой операции доверили Смершу. Вывозом арестованных руководил начальник 3-го отдела УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта Михаил Белоусов. Его воспоминания об этом памятном историческом событии записаны полковником КГБ Борисом Сыромятниковым. Белоусов рассказал, что для выполнения секретного задания был выделен спецпоезд из пяти вагонов: товарного, вагона-кухни, салона, спального – для «гостей» и оперработников, а также пассажирского – для охраны. Поезд должен был

отправиться в путь со станции Бельцы. Согласно инструкции, Белоусову надлежало при остановках для пополнения паровоза топливом и водой информировать по селектору о состоянии «груза» начальника транспортного управления НКВД, а тот в свою очередь обязан был докладывать об этом руководству Смерша. Готовясь к поездке, Белоусов подобрал переводчика, врача и повара.

Арестованных лиц доставил на станцию Бельцы армейский конвой. После отправления поезда румыны были приглашены в салон-вагон на ужин. Белоусов вспоминал: «Румынский диктатор был в маршальском повседневном кителе мышинного цвета с многочисленными орденами планками и одним орденом. Роста небольшого, худощав, рыжеват, вид, как я про себя подумал, подавленный. За ужином, продолжавшимся около двух часов, каких-либо примечательных разговоров не произошло. «Гости» пили мало, но ели прилично, говорили, что все кушанья вкусны. Имел место разговор о трудностях и бедах, принесенных войной (виновники войны ими, понятно, не назывались)».



АРЕСТ АНТОНЕСКУ

Уже после ужина Антонеску пожелал продолжить через переводчика беседу с Белоусовым. Он задал вопрос: «Куда нас везут и правда ли, что в Москве руководители Советского государства будут вести переговоры об условиях перемирия?» Офицер Смерша ответил, что его миссия заключается только в сопровождении пленников до Москвы и обеспечении их безопасности во время пути. В ходе разговора вчерашний диктатор начал убеждать собеседника в том, что стал союзником Гитлера лишь в силу «сложившихся в свое время обстоятельств», а по своим убеждениям всегда был другом русских. Он заверял, что генералы царской армии Брусилов, Иванов и Рузский, если бы они были живы, могли бы подтвердить его слова. Антонеску также заявил, что Гитлеру требовалась Румыния в качестве стратегического плацдарма и поставщика нефти, поэтому немцы и оккупировали ее до начала войны, а он, как глава румынского правительства, тогда ничего не мог сделать против этого. Белоусову была очевидна вся ложность заявлений арестованного, ранее торжественно объявлявшего о желании сотрудничать с Германией «целиком и полностью», но он не считал нужным вступать с ним в дискуссию.

Путь поезда до Москвы составил 46 часов. За это время состоялось несколько бесед с Антонеску, содержание которых записал Белоусов. Позднее он подготовил о них доклад руководству Смерша. Из сказанного Антонеску представляли интерес его воспоминания о встречах с германским фюрером. Он рассказал, что во время свидания с ним в августе 1944 года, когда Красная армия уже вступила в Румынию и подходила к границам Восточной Пруссии, Гитлер еще верил в то, что Германия сохранится как целостное государство с существующим в ней общественно-политическим строем. Фюрер, по словам Антонеску, считал, что залогом этого станет обязательная ссора на завершающем этапе войны между «тройственной коалицией» – Рузвельтом и



ЗАСЕДАНИЕ СОЮЗНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РУМЫНИИ. 1944 ГОД

Черчиллем, с одной стороны, и Сталиным – с другой.

После прибытия в Москву Белоусов встретился с заместителем начальника Смерша Селивановским и доложил ему о поведении румын в пути. Арестованных сначала разместили на одной из дач в Подмоскovie. В дальнейшем их перевели в тюрьму. С ними велась следственная работа. В донесении руководителя Смерша Абакумова члену Государственного комитета обороны Молотову от 6 июля 1945 года сообщалось, что Антонеску признал, что вместе с Гитлером он подготовил и осуществил нападение на СССР с целью захвата его территории. Арестованный также признал факт подготовки с его согласия нескольких приказов о массовых расстрелах советских граждан.

После завершения следствия в Москве Антонеску и его соратники были переданы Румынии для проведения там народного трибунала над военными преступниками. 17 мая 1946 года суд вынес диктатору смертный приговор. В последнем слове Антонеску заявил об отказе от прощения о помиловании. 1 июня приговор был приведен в исполнение в лесу, рядом с тюрьмой, в которой содержали арестованного.

В последние минуты жизни кондуктор наотрез отказался, чтобы ему завязали глаза, и потребовал, чтобы его расстреляли не жандармы, как это было принято в отношении обычных преступников, а солдаты. В этом ему было отказано. Взмешенный Антонеску начал ругаться, называя присутствующих «канальями». Смерть диктатора была мучительной. Он не умер после первого залпа, и в него пришлось стрелять вторично.

В современной Румынии со стороны ряда политических кругов не раз предпринимались попытки оправдания Антонеску. Сторонники ревизии истории Второй мировой войны пытаются выставить кровавого диктатора и союзника Гитлера «жертвой обстоятельств». С попытками реабилитации Антонеску напрямую связаны стремления очернить великую историческую роль Красной армии как освободительницы Европы и исказить характер деятельности бойцов органов советской госбезопасности в Румынии. Борьба за сохранение исторической правды продолжается. Официальная позиция России в этом вопросе неизменна: преступления фашизма против человечества не подлежат пересмотру. 

Закрытый занавес

БЕССЛАВНЫЙ ФИНАЛ ИЗВЕСТНОГО АКТЕРА БЛЮМЕНТАЛЯ-ТАМАРИНА

СУДЬБА АКТЕРА ВСЕВОЛОДА БЛЮМЕНТАЛЯ-ТАМАРИНА, СТАВШЕГО АНТИГЕРОЕМ ИСТОРИИ, ЯВЛЯЕТ СОБОЙ ПРИМЕР МОРАЛЬНОГО КРАХА ЧЕЛОВЕКА, СДЕЛАВШЕГО В СВОЕЙ ЖИЗНИ СТАВКУ НА ИЗМЕНУ РОДИНЕ. ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА НА СТОРОНУ ГИТЛЕРОВЦЕВ И НАЧАЛА РАБОТЫ В КАЧЕСТВЕ ОДНОГО ИЗ ВЕДУЩИХ ПРОФАШИСТСКИХ ПРОПАГАНДИСТОВ ОН БЫЛ ПРИГОВОРЕН ЗА СВОИ ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ К ВЫСШЕЙ МЕРЕ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЧЕКИСТАМИ ОПЕРАЦИИ «РИНГ» ПРЕДАТЕЛЬ ПОНЕС ЗАСЛУЖЕННОЕ ВОЗМЕЗДИЕ.

ТЕКСТ Сергей МАТВЕЕВ

В жизни и на сцене

Родившийся в 1881 году в Санкт-Петербурге Всеволод Блюменталь-Тамарин происходил из артистической семьи. Имя его матери – Марии Блюменталь-Тамариной – знали все российские театралы. Она дебютировала в Москве, с успехом играла на сценах ряда провинциальных театров, а затем, вернувшись в Первопрестольную, стала ведущей актрисой в труппах сначала Театра Корша, а затем Малого театра. Зрители специально шли на спектакли с ее участием. О масштабе признания ее дарования может служить тот факт, что Блюменталь-Тамарина входила в число первых лиц, удостоенных учрежденного в 1936 году почетного звания «Народный артист СССР». Наряду с ней это высокое звание было присвоено Константину Станиславскому, Владимиру Немировичу-Данченко, Василию Качалову, Антонине Неждановой... Сын Всеволод любил напоминать о столь знаковом в культурной среде родстве. Он написал воспоминания о матери – «Блюменталь-Тамарина и ее время».

Отец Всеволода, Александр Блюменталь-Тамарин, был и актером, и режиссером. Он тоже был довольно известным, хотя его популярности было очень далеко до славы супруги, с которой расстался. Сын всегда предпочитал материнское общество, но ценил

в своем отце происхождение. Тот был наполовину немцем, что давало возможность ставшему коллаборационистом Всеволоду важно заявлять, что он «и сам немец», и претендовать на положение «своего» в среде германских нацистов.

Как это нередко бывает в актерских семьях, сын решил продолжить творческую традицию. Официальный отчет его пребывания на профессиональной сцене исчисляется с 1901 года, хотя известно, что он исполнял роли еще ребенком. Карьера его складывалась удачно. В репертуаре были роли в пьесах классиков российской и мировой драматургии. В период Гражданской войны он оказался в Харькове, где входил в число наиболее востребованных актеров местного театра. Когда город заняли войска Деникина, Блюменталь-Тамарин решил громко заявить о своей общественной позиции, выражающейся в ненависти к советской власти. Остались воспоминания о том, как он верхом на белом коне, с огромным трехцветным флагом на пике и большой церковной кружкой у седла собирал пожертвования и подарки для «освободителей Родины». Неудивительно, что, когда белым пришлось оставить Харьков, он был арестован. В то суровое время участь Блюменталь-Тамарины могла оказаться крайне



АКТЕР ВСЕВОЛОД БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИН, СТАВШИЙ ПРЕДЕЛЕМ

печальной. Но его знаменитая мать обратилась за помощью к наркому просвещения Анатолию Луначарскому. Актера отпустили.

В биографии Блюменталь-Тамарина осталось немало белых пятен. Возможно, что с периодом его жизни времен Гражданской войны связаны не только публичные антикоммунистические выступления. Есть основания предполагать, что уже тогда формировался будущий предатель, покрывший свое имя несмыслимым позором в годы

Второй мировой войны. Артист и автор книги «Записки актера. Гении и подлецы» Георгий Бахтаров вспоминал о том, как в 1931 году во время гастролей в Харькове Блюменталь-Тамарин пригласил его и еще двух коллег на ужин в ресторан: «Всеволод Александрович был в ударе, увлеченно рассказывал о своей молодости, вспоминал театральные легенды, читал Блока и Лермонтова. В какой-то момент на пороге кабинета появился незнакомый человек средних лет в очках. Он внимательно слушал стихи. Блюменталь-Тамарин, уже захмелевший, пригласил его к нашему столу. Незнамец приблизился и сказал: „Я вчера видел вас в „Кине“. Вы удивительный артист! И стихи читаете вдохновенно. А ведь в девятнадцатом году в Одессе по решению подпольного обкома партии я должен был вас застрелить! И только случай помешал мне сделать это. Вас обвиняли в том, что вы предали Лизу В. Она погибла в контрразведке“. Блюменталь мгновенно протрезвел. „Это клевета и ложь, – сказал он, – когда в город вошли красные, я был арестован и приговорен к расстрелу. Но приговор был обжалован, и дело прекращено за недоказанностью обвинения“. Хорошо начавшийся вечер был совершенно испорчен».

Как бы то ни было, сомнительные эпизоды жизни Блюменталь-Тамарина, вопреки его позднейшим рассказам о постоянной травле в СССР, не мешали весьма успешной карьере. В 1926 году в Москве торжественно праздновалось 25-летие его сценической деятельности. Луначарский объявил о присвоении ему звания «Заслуженный артист РСФСР». Юбиляра поздравили многие ведущие деятели артистического мира Москвы.

Успех и признание явно вскружили ему голову. Уже упомянутый Бахтаров, признававший незаурядные способности Блюменталь-Тамарина, в то же время отмечал свойственные ему самолюбование, капризность, деспотичность характера. Блюменталь-Тамарин нередко позволял себе оскорби-

тельные высказывания в адрес многих своих выдающихся современников из мира театра. Например, классическую книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве» он обозвал «дрянью». Его полное неприятие какой-либо критики становилось причиной скандалов. Режиссер Борис Голубовский вспоминал, как, увидев на одном из спектаклей в зале театрального рецензента, нелестно оценившего одну из его ролей, он прямо со сцены истерично обратился к нему: «Вот я, Блюменталь-Тамарин, артист, которого знает вся Россия, которого любят сотни тысяч зрителей, и вот жалкий репортершишка осмеливается писать обо мне пасквили! Вон отсюда, ничтожный писака!»

Склочность характера стала причиной того, что Блюменталь-Тамарин оставил Театр Корша. Он организовал собственную труппу, с которой, без успеха, гастролировал по стране. В наши дни это назвали бы антрепризой. Отмечают, что выступавшие в труппе Блюменталь-Тамарина актеры заметно уступали ему по дарованию. Вероятно, это было неслучайно. Самолюбленному исполнителю не хотелось видеть рядом с собой сильных конкурентов.

В отличие от своей выдающейся матери, не раз снимавшейся в кино, ее сын стоял в стороне от этого вида искусства. Правда, в 1940 году Блюменталь-Тамарин все же снялся в фильме Евгения Брюнчурина «На чужой заставе». Эта поставленная на Сталинабадской киностудии картина была посвящена службе советских пограничников. Но зритель ее не увидел. В подготовленной заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Дмитрием Поликарповым справке о фильмах, запрещенных в 1940–1941 годах, указывалось: «Картина карикатурно показывает работу наших пограничников. Сюжет картины построен на том, что пограничник, поймав шпиона, не может принять решения, как поступить: идти на заставу или сидеть и ждать случая. По картине выходит:



ИМЕННО ЭТУ КНИГУ БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИН ОБОЗВАЛ «ДРЯНЬЮ»

враг, диверсант – человек умный и решительный, а советский пограничник – шляпа, безвольный человек».

Исполнение Блюменталем-Тамариным роли диверсанта в фильме «На чужой заставе» по злой иронии судьбы оказалось очень символичным. Вскоре ему пришлось примерить на себя роль врага уже не на киноэкране, а в реальной жизни, раскрыв тем самым все низменные стороны своей натуры.

На службе у нацистов

В трагичном для страны 1941 году Блюменталь-Тамарин готовился к своему 60-летию. Он создал программу, основанную на произведениях Лермонтова, с которой собирался гастролировать по городам. Находясь вместе с женой и дочерью в Черновцах на Украине, актер узнал о вторжении вермахта в пределы СССР. Блюменталь-Тамарин спешно вернулся в Москву. Вместе с близкими он поселился на подмосковной даче, вблизи города Истры, и стал ждать прихода фашистских войск.

Предательство Блюменталь-Тамарины не объясняется проявлением малодушия перед возникшей угрозой. Это была заранее подготовленная и тщательно рассчитанная подлость.

Позже, оказавшись в Германии, он опубликовал абсолютно бессовестный рассказ о своем поведении в трагические дни осени 1941 года, когда, по его словам, ему была передана «командировочная бумага» для эвакуации. Предатель сообщал: «Надо было выезжать. Но вслед за ней пришла телеграмма, что все продукты до табака и вина включительно надо везти с собой. Это позволило еще оттянуть отъезд, так как в Москве уже трудно было достать необходимое. Комиссар соседнего с дачей города – еврей Еврух – все время торопил с отъездом. Тут, к счастью (как это ни странно звучит), заболела моя жена. Пришлось оперировать руку. Тут уж и Еврух не мог придрататься. По всем признакам, германская армия была совсем близко. Комиссар уже готовился бежать. Торопил и нас. Мы же в это время были заняты другим. Днем паковали вещи, а ночью рыли убежище в глубоком овраге в трехстах метрах от дачи. Наконец, наступил день, когда уже начала доноситься канонада. Комиссар в автомобиле заехал к нам, сказал, что надо срочно выезжать... Мы сказали, что едем вслед за ним. Когда он отъехал, мы перебрались в наше убежище. Там мы просидели двенадцать дней. Это были самые жуткие дни нашей жизни». Свое повествование «о пережитом» Блюменталь-Тамарин завершал пафосно: «И, наконец, наступил долгожданный день! В одну из вылазок мы увидели немецкого солдата. Слава богу! Мы спасены!»

С первых же дней общения с нацистами он принял по отношению к ним угоднический, подхалимский тон, старательно напоминал карателям, проводящим геноцид на его родине, о своих немецких корнях и готовности прислуживать. В то время когда многие знакомые Блюменталь-Тамарину артисты или сражались на фронтах, или регулярно выезжали в составе артистических бригад к бойцам Красной армии, этот перебежчик проводил активнейшую агитацию за поражение своей страны.

Главным местом работы Блюменталь-Тамарина его германскими хозяевами была определена печально известная организация «Винета». Это подразделение геббельсовского министерства пропаганды носило имя легендарного города, согласно преданию, расположенного некогда в устье Одера. «Винета» была образована в начале 1941 года.

Инициатором ее создания стал один из ведущих нацистских пропагандистов доктор Эберхард Тауберт, считавшийся в «третьем рейхе» специалистом по СССР. Ведомство разместили в здании бывшего иранского посольства в Берлине, на Виктория-штрассе. «Винета» была разделена на несколько национальных секций, в которые входили представители народов, живущих в СССР. Вражда между ними полностью устраивала нацистов, всячески поддерживающих любые межнациональные дрязги. Русский отдел «Винеты» возглавлял Александр Альбов, в прошлом белогвардейский офицер, ненависть к большевизму которого довела до предательства отчизны. Уже в конце войны Альбов стал начальником отдела пропаганды военно-воздушных сил власовского «Комитета освобождения народов России». За привлечение русских эмигрантов на работу в «Винету» отвечал другой запятнавший свою честь офицер, Василий Бискупский, руководивший «Бюро для русских беженцев в Германии». Он установил крепкие связи с германскими нацистами еще со времен, когда они находились в оппозиции.

Задачей «Винеты» было оказывать деморализующее психологическое воздействие на войска и население СССР. Для этого создавались многочисленные плакаты, листовки и брошюры порожняческого содержания. Сотрудников «Винеты» привлекали для подготовки профашистских псевдодокументальных фильмов. Примером такого рода постановок может служить лента «Мы едем в Германию», пропагандировавшая отъезд «граждан с Востока» на

работы в «третий рейх», где их якобы ждала сытная жизнь. В качестве одной из «приманок» в этой примитивной агитке демонстрировали, как каждому едущему в Германию при посадке в поезд дарят бутылку водки.

Важнейшую роль в деятельности «Винеты» занимала радиопропаганда. В начале гитлеровской агрессии «Винета» организовала радиотрансляции обращений министра пропаганды Геббельса и министра по делам оккупированных восточных территорий, кстати уроженца Российской империи, Розенберга. Для вещания пропагандистских материалов на военнослужащих Красной армии и население советского тыла было задействовано 35 радиоцентров мощностью до 150 киловатт. Работавший в «Винете» Карл Альбрехт вспоминал: «Когда началась война на Востоке... мне поручили собрать штат сотрудников, чтобы организовать трансляцию определенных радиопередач для Востока и руководство радиостанцией. Помимо прочего, пять радиопередатчиков должны были по несколько часов днем и ночью посылать в эфир призывы к красноармейцам... чтобы убедить солдат сложить оружие и перебежать к нам».

Направленный в «Винету» Блюменталь-Тамарин стал для нее находкой. Он оказался весьма изобретателен в разработке различного рода фальсификаций. Его «коронным номером» стали выступления, исходящие как бы от лица Сталина. Актеру удавалось довольно похоже копировать голос Верховного главнокомандующего. В «сталинских» выступлениях Блюменталь-Тамарина постоянно заявлялось об обреченности СССР, невозможности Красной армии противостоять победоносному вермахту и неизбежности капитуляции. Оценивая свою предательскую деятельность, Блюменталь-Тамарин любил пафосно заявлять: «Три раза в неделю я подхожу к аппарату и, трепеща от ненависти, бросаю в эфир все свое негодование, весь мой гнев – дьяволу, уничтожившему все лучшее зем-



ГЕРМАНСКИЕ ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ЛИСТОВКИ

ли нашей. И это держит меня в жизни, это спасает меня от отчаяния. В этом весь смысл моего существования. Я часто плачу горькими безутешными слезами о моих погибших друзьях, и я бросаю эти мои слезы в устье маленького металлического аппарата, и они звучат в безграничном пространстве и не пропадают бесследно». Нацисты оценили старания Иуды, определив ему оклад в 600 рейхсмарок.

Отрабатывать свои «сребреники» Блюменталь-Тамарину довелось не только на радиостанции, но и в качестве публициста в коллаборационистском издании «Новое слово». Эту иллюстрированную газету русской эмиграции издавали в Берлине с 1933 года. Она получила распространение и в Германии, и на оккупированных территориях Европы и СССР. В ней печатались литераторы Илья Сургучев, Валентин Горянский, Иван Шмелев. Шахматный отдел издания возглавлял Александр Алехин. Блюменталь-Тамарин вошел в число ведущих авторов «Нового слова». На страницах газеты были опубликованы записки Блюменталь-Тамарина под названием «Из моей записной книжки». Предатель предупреждал читате-

лей: «У меня длинный счет к советским самодержцам. Может быть, и отпечатанием этих страниц я смогу списать тут один нолик с этого счета». В своей статье «25 лет советской каторги» он рассказывал, как в СССР не давали житья ни ему, ни его знаменитой и в действительности как раз высокопочитаемой у себя на родине матери.

И в выступлениях на радио, и в статьях в прессе одной из излюбленных тем Блюменталь-Тамарина неизменно оставался антисемитизм. Уже во время его первых контактов с нацистами он предложил им для пропаганды свое сочинение «Москва жидовская», над которым, по его словам, тайно работал несколько лет. Прислужник гитлеровцев писал о советской культуре: «Театральные студии руководились ... тысячей евреев, создавших чуть ли не при каждом заводе театральные студии, школы и так называемые самодеятельные кружки. Сеть этих ловушек для русской молодежи выпускала десятки тысяч полуграмотных, с блатным одесским языком, бездарных и чудовищно наглых актеров, не знающих ни истории русского театра, ни русской литературы, ни русской драматургии». Со-

хранились воспоминания о том, что Блюменталь-Тамарин выделялся своим поведением даже на фоне верных пропагандистов фашистского режима.

Несколько раз предатель пытался выступить с инициативами в деле проведения германской политики по отношению к русскому населению на оккупированной территории. Так, им был составлен рапорт, в котором он предлагал в целях обеспечения лояльности передать крестьянам небольшие наделы земли. Идея не встретила энтузиазма со стороны немцев, и понявший это Блюменталь-Тамарин сам быстро отказался от нее. В другой раз он предложил выпускать аналог главной советской газеты «Правда» с тем же названием и шрифтом, но с абсолютно иным, пронацистским содержанием. Не раз приходилось Блюменталь-Тамарину совершать и поездки в концлагеря, где содержали советских военнопленных. Обращаясь к этим измученным, подвергаемым издевательствам людям, он призывал их присоединяться к коллаборационистским формированиям, обещая в обмен на предательство комфорт и достаток. В качестве примера человека, успешно устроившегося у создателей «нового порядка», нацистский пропагандист приводил свою собственную персону.

Став лакеем фашистов, Блюменталь-Тамарин остался верен своему собственному складу и интригам. Работавший в «Винете» Сергей Сверчков-Болховский вспоминал: «Блюменталь-Тамарин пришел на очередную передачу пьяным. В другой день ему был объявлен выговор. Так как он встретил в студии меня, то решил, что я на него донес. Не говоря ни слова, Тамарин написал на меня донос в гестапо. Началось дело. Меня затаскали на допросы и приехал специально из Берлина агент, который повел мое дело. Он показал мне этот донос, где говорилось о моей работе в НКВД, о связи со мной изобретателя FAU и прочая ерунда. Меня оставили на свободе, но почти каждую неделю вызывали в гестапо».

И в России, и в Германии Блюменталь-Тамарин оставался равно мелочным, подлым, завистливым и беспринципным человеком.

Возмездие

27 марта 1942 года Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев дело лишённого всех званий и наград предателя, заочно вынесла ему вердикт: «За измену Родине приговорить к смертной казни». В тот период находящийся на вражеской территории Блюменталь-Тамарин оставался недосягаемым для советского правосудия. Перед сотрудниками органов госбезопасности была поставлена задача по приведению справедливого приговора в исполнение.

В НКВД обратили внимание на Игоря Миклашевского. Он был сыном актрисы Московского камерного театра Августы Миклашевской, ставшей музой Сергея Есенина, который посвятил ей несколько стихотворений своего цикла «Любовь хулигана». Миклашевский прекрасно знал немецкий язык. Его выделяла превосходная физическая под-

готовка. Он успешно занимался боксом и становился чемпионом Ленинграда в этом виде спорта в среднем весе. Боевой опыт Миклашевский приобрел еще в советско-финскую войну. Была и еще одна очень весомая причина. Миклашевский приходился племянником супруге Блюменталья-Тамарина и, следовательно, имел хорошие шансы проникнуть для выполнения задания в число лиц его окружения.

Для беседы с Миклашевским в Ленинград из Москвы прибыл начальник 2-го отдела 3-го Управления НКВД майор Виктор Ильин. Чекисту нужно было присмотреться к человеку, от которого требовались кроме личного мужества и находчивость, и умение действовать в чрезвычайных обстоятельствах. Миклашевский был вызван в политотдел 1-й армии ПВО как бы для беседы с инспектором отдела военно-физической подготовки. Там его ждал Ильин. Беседа с Миклашевским подтвердила ожидания. В нем ощущались сильная воля, решительность и незаурядный характер. Такому человеку можно было доверять.

В Москве Миклашевский прошел курс подготовки на специальной даче 4-го Управления НКВД, в районе станции Быково. С ним занимались инструкторы, готовящие диверсантов. Миклашевскому был присвоен оперативный псевдоним Ударов. Сама операция по устранению предателя получила название «Ринг». Оно напоминало, что ее главный участник – великолепный боксер.

Согласно разработанному плану, Миклашевский должен был проникнуть в лагерь врага под видом перебежчика. 22 апреля 1943 года на одном из участков Западного фронта в районе деревни Борисовки Смоленской области он приступил к выполнению задания. Выбор района объяснялся тем, что недалеко от него находился лагерь военнопленных, в котором фашистские контрразведчики проводили фильтрацию дезертиров и предателей. Представший перед допрашивающими его немцами Миклашевский, стараясь быть максимально достоверным, рассказал придуманную для него легенду. Согласно ей, он за проступки был направлен в штрафную роту и, считая себя несправедливо обиженным, решил на бегство.

«Дебют» Миклашевского мог стать для него роковым. Выяснилось, что из указанной им части бежали два человека. На очной ставке они не узнали своего «собрата». Были выявлены и некоторые разночтения в показаниях перебежчиков. Неудивительно, что Миклашевский стал вызывать подозрения у его германских собеседников. Но выручил «дядя». Рассказ «беглеца» об оказавшемся в фаворе у нацистов родственнике подтверждали публикации о нем в немецкой прессе. Сыграл свою роль и проявленный Миклашевским артистизм. Было решено отправить его в смоленский лагерь военнопленных.

Оказавшись на территории, контролируемой врагом, Миклашевский начал предпринимать попытки связаться с Блюменталем-Тамариным. Он написал ему письмо, в котором, разумеет-

ся, напомнил о родстве. Геббельсовский пропагандист проявил осторожность. В ответном письме он рекомендовал племяннику жены присоединиться к власовскому движению и непосредственно делом на фронте доказать свою преданность «Великой Германии».

Миклашевский был зачислен в 437-й Восточный батальон. Его первая встреча с Блюменталем-Тамариным состоялась в январе 1944 года в Кенигсберге. В этот центр Восточной Пруссии тогда была переведена радиостанция «Винета», после того как ее берлинское здание оказалось в августе 1943 года разрушено в результате налета союзнической авиации. Блюменталь-Тамарин вместе с семьей был размещен в имении кровавого гауляйтера Эриха Коха. К тому времени предатель уже заметно поубавил свой оптимизм и задор, а его вера в безоговорочную победу Германии, на которую он сделал ставку, пошатнулась. Блюменталь-Тамарин стал все больше и больше злоупотреблять алкоголем, отвлекавшим его от недобрых для него предчувствий. Прибывший в военный отпуск Миклашевский попытался войти в доверие, используя развивавшуюся у мужа его тети вредную привычку. Но Блюменталь-Тамарин в тот период старался не находить с ним в помещении без посторонних. Его ликвидация в Кенигсберге так и не состоялась. Миклашевский отправился на Западный фронт, где его, благодаря протекции дяди, ожидала офицерская должность.

Летом 1944 года Блюменталю-Тамарину было велено возвращаться в Берлин, куда вновь переводили «Винету». Затем его направили в находящийся в 150 километрах западнее Мюнхена город Мюнзинген. Там формировал войска назначенный нацистами главой коллаборационистов генерал Андрей Власов. Исследователи, рассказывающие о Блюментале-Тамарине, часто отмечают, что этого человека презирали даже власовцы. Эта оценка подтверждается дошедшими до нас свидетельствами. Приблизженный к Власову



СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК ИГОРЬ МИКЛАШЕВСКИЙ

Николай Шатов вспоминал, как к нему поступило письменное прошение устроить встречу Блюменталья-Тамарина с его шефом. Он отмечал: «Письмо было написано красивым почерком в подхалимском тоне, в котором в СССР и Сталину не писали. Блюменталь просил принять его на несколько минут по квартирному вопросу. В Берлине не просил, а теперь, когда рушится Германия, то Блюменталь меняет хозяина и предоставляет свои услуги Власову». Когда Шатов сообщил о просьбе, Власов, который терпеть не мог Блюменталья-Тамарина, заявил: «Этот еще ко мне пытается влезть, вон его отсюда и из дивизии».

В последний период жизни Блюменталь-Тамарин был всеми презираем и не представлял ни для кого никакого интереса. Немецкие знакомые устроили его на работу в криминальную полицию, где в качестве оплаты услуг ему выдавали алкоголь, без которого он уже не мог обходиться. Окончательно деградировавший предатель находил утешение в том, что писал доносы на Власова. Не раз замечено, что находящиеся в Германии во время приближения краха нацистского режима, панически боящиеся ответственности

за свои деяния коллаборационисты напоминали собой «ядовитых пауков в банке». Впрочем, Блюменталь-Тамарин еще тешил себя надеждой на спасение и задумывался о новом предательстве – на этот раз уже немцев. Он мечтал предложить свои услуги западным союзникам.

В Мюнзингене произошла новая встреча Блюменталья-Тамарина с Миклашевским. Советский разведчик, раненный в июне 1944 года в боях в Нормандии, был переведен в госпиталь. По состоянию здоровья его комиссовали из армии и отправили в Германию. При возобновлении знакомства в этот раз Блюменталь-Тамарин не скрывал радости. Он видел в племяннике своего рода телохранителя, который сможет, если понадобится, защитить его от злых на него власовцев. 10 мая 1945 года Миклашевскому удалось привести в исполнение уже давно вынесенный приговор изменнику родины. Тело убитого Блюменталья-Тамарина было найдено в лесу.

Возвратившийся же после войны в СССР Миклашевский вновь посвятил себя любимому спорту. Он стал замечательным тренером, подготовившим многих талантливых спортсменов.



ПРОНАЦИСТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «НОВОЕ СЛОВО» (№ 19)

Верный служитель холодной войны

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МНОГОЛЕТНЕГО ГЛАВЫ ЦРУ

ИМЯ АЛЛЕНА ДАЛЛЕСА НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНО С ПОЛИТИЧЕСКИМ КУРСОМ США, НАПРАВЛЕННЫМ НА УТВЕРЖДЕНИЕ ИХ МИРОВОЙ ГЕГЕМОНИИ. ВОЗГЛАВЛЯЯ ЦРУ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ, ДАЛЛЕС ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ВЫСТУПАЛ СТОРОННИКОМ ВМЕШАТЕЛЬСТВА США В ДЕЛА ДРУГИХ СТРАН. НА ПРАКТИКЕ ЭТО ПРИНИМАЛО ФОРМУ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАГОВОРОВ И СВЕРЖЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВ, КОТОРЫЕ СТРЕМИЛИСЬ ОТСТАИВАТЬ СВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ.

ТЕКСТ Михаил РАЙСКИЙ

Европейские миссии

Даллес происходил из семьи, принадлежавшей к политической элите США. Его дед занимал пост государственного секретаря и, кстати, некоторое время был посланником в Российской империи. Государственным секретарем был и дядя Даллеса. Вполне вероятно, что столь успешные карьеры его родственников повлияли на решение молодого человека поступить на дипломатическую службу. Даллес работал в представительствах США в Австрии, Швейцарии, Германии, Турции, но его деятельность не сводилась к чисто дипломатическим задачам и часто носила разведывательный характер. Вернувшись на родину, он несколько лет занимал пост начальника отдела Ближнего Востока в Государственном департаменте. К 1926 году Даллес, как он писал позднее в воспоминаниях, «еще не исчерпал любознательности к мировым проблемам, но уже истощил свои финансовые ресурсы».

Перспективный государственный служащий прервал успешное восхождение по «дипломатической лестнице» в Вашингтоне, чтобы стать сотрудником юридической компании «Салливан и Кромвель», одним из совладельцев которой был его старший брат Джон



ДИРЕКТОР ЦРУ АЛЛЕН УЭЛШ ДАЛЛЕС В СВОЕМ РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ В ВАШИНГТОНЕ. 11 НОЯБРЯ 1960 ГОДА

Фостер Даллес. Это адвокатское бюро представляло интересы «акулы американского бизнеса» – нефтяной компании Рокфеллера «Стандарт ойл», один из ее директоров, Лео Уэлч, как-то провозгласил: «В этой фирме, как мы называем мир, Америка должна взять на себя ответственную роль главного акционера». Даллес не только оставил в прошлом свои финансовые проблемы, сколотив крупное состояние, но и завязал прочные связи с верхушкой финансового истеблишмента страны. Впрочем, он никогда полностью не разрывал и отношений с государственным аппаратом. Параллельно с работой в сфере юриспруденции Даллес выполнял правительственные задания за границей. Он был официальным советником делегаций США в Лиге Наций. Во время поездок в Европу ему доводилось встречаться и с Гитлером, и с Муссолини.

Вступление США во Вторую мировую войну радикально изменило судьбу Даллеса. В 1942 году президент Франклин Рузвельт одобрил создание первой объединенной разведывательной службы США – Управления стратегических служб (УСС). Ее возглавил адвокат Уильям Donovan. Не был забыт и Даллес. Ему поручили руководство представительством УСС в Берне, в нейтральной Швейцарии. На этом посту Даллес развернул активную деятельность по налаживанию связей с различными группами антинацистского сопротивления и созданию сетей агентуры. Серьезным успехом стало его сотрудничество с немецким антифашистом, сотрудником МИД «третьего рейха» Фрицем Кольбе. Он передал УСС германские дипломатические шифры, регулярно снабжал информацией о расположении военных заводов, о проводимых карательных операциях, предоставил детальные сведения о местоположении штаб-квартиры фюрера под Растенбургом. Через Кольбе Даллес получил ценную информацию о ракетах «Фау-1» и «Фау-2» и реактивном самолете Me 262.

Значительным событием в биографии Даллеса военного периода стали его переговоры в марте и апреле 1945 года в занятой немцами части Италии с командующим силами СС генералом Карлом Вольфом. Главной их целью значилось достижение соглашения о капитуляции группировки вермахта. Вместе с тем в исторической литературе неоднократно озвучена версия, что переговоры Даллеса и Вольфа включали попытки соглашения в обход СССР части германских правящих кругов с их западными противниками. Эти встречи стали источником дипломатического столкновения между союзниками во Второй мировой войне – СССР и США. Сталин в обращении к Рузвельту указывал на недопустимость контактов, о поддержании которых советская сторона не была поставлена в известность. Советский руководитель отмечал: «Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника. Во всяком случае, это безусловно необходимо, если этот союзник добивается участия в такой встрече».

Миллионам советских зрителей история швейцарских визитов Вольфа к Даллесу памятна по культовому сериалу «Семнадцать мгновений весны», где роль Аллена Даллеса великолепно исполнил Вячеслав Шалевич.

Шеф ЦРУ

Награжденный после войны президентом Гарри Трумэн медалью Почета Даллес на время вернулся к юридической практике. Впрочем, он оставался неофициальным консультантом Белого дома, которому вскоре вновь понадобились услуги опытного профессионала. Несмотря на то что УСС в 1945 году было распущено, возврат к довоенному принципу существования отраслевых разведок оказался недолгим. Уже в 1946

году Трумэн поддержал идею объединенной разведслужбы, санкционировал создание Центральной разведывательной группы (ЦРГ), преобразованной в 1947 году в Центральное разведывательное управление (ЦРУ).

Даллес был одним из основных авторов концепции новой службы безопасности. Он настаивал, что в ее основу необходимо заложить принцип координации центральным руководством разведки деятельности всех имеющихся разведывательных ведомств. Для него также было несомненным, что новой структуре придется действовать в рамках холодной войны, а значит, в ее арсенале должны быть подрывные операции за рубежом. Большинство рекомендаций Даллеса было принято. Вспоминая о том этапе формирования разведки, директор ЦРУ в 1970-е годы Уильям Колби отмечал: «Раздавалось все больше голосов, призывающих к тому, чтобы США не только располагали возможностями собирать и анализировать разведывательные данные по проблемам „холодной войны“, но и создавали механизм, позволяющий вести политические и полувойенные сражения».

Теоретик Даллес вскоре вновь стал политиком-практиком. Будучи руководителем комитета, подготовившего доклад об усовершенствовании ЦРУ, он был приглашен в 1950 году директором ЦРУ Уолтером Смитом для консультаций. Как заметил в своей книге сам Даллес: «Я отправился в Вашингтон, рассчитывая пробыть там недель шесть. Но остался в ЦРУ на одиннадцать лет, из них почти девять в качестве директора управления».

Ставший в 1953 году новым президентом США генерал Дуайт Эйзенхауэр назначил Даллеса главой спецслужбы. Пост государственного секретаря получил в тот же период старший брат Аллена Даллеса – Джон Фостер Даллес, за свои ультраконсервативные взгляды его называли «верховным жрецом культа холодной войны». Характеры братьев различались. Джон был довольно строгим в поведении, а Аллен,



ЗАКЛАДКА КАМНЯ НОВОГО ЗДАНИЯ ЦРУ В ЛЭНГЛИ. ПРЕЗИДЕНТ **ДУАЙТ ЭЙЗЕНХАУЭР** (ВТОРОЙ СЛЕВА) И ДИРЕКТОР ЦРУ **АЛЛЕН ДАЛЛЕС** (ТРЕТИЙ СЛЕВА). 3 НОЯБРЯ 1959 ГОДА

напротив, любил светскую жизнь. Но в своих политических взглядах они оставались едины. Их равно отличали жесткий антикоммунизм и неприязнь к СССР. Бытует мнение, что братья Даллес в период правления администрации Эйзенхауэра умело манипулировали действиями президента, самостоятельно определяя политический курс и превратив на посту руководителя страны некогда боевого генерала в «свадебного». Правда, у этой концепции есть и противники, в числе которых известный историк Артур Шлезингер, писавший, что имидж наивного президента – «простачка Айка» – был создан самим же Эйзенхауэром, которому было выгодно распространять о себе мнение как о руководителе, стоящем вне политики. Исследователь считал, что в политических интригах генерал был искушен не меньше, чем в военных операциях, а за его маской простодушного и доверчивого человека скрывался умный и расчетливый деятель, выдвигавший под огонь критики в случае возможных провалов своих сотрудников. Впрочем, каковы бы ни были реальные взаимоотношения между президентом и тандемом братьев Даллес, их взгляды на общее раз-

витие курса внутренней и внешней политики оказались близки.

Новый глава ЦРУ заявлял, что надо избавляться от излишней секретности, ограничиваясь лишь необходимым. Однако реальных шагов на пути к открытости управления в своих воспоминаниях он смог привести совсем немного. Так, шеф ЦРУ поделился с читателями почти анекдотической историей. Ко времени его вступления в должность на воротах забора, окружавшего штаб-квартиру ЦРУ, висела вывеска «Правительственная типография». В то же время к зданию регулярно приезжали туристические автобусы, а экскурсоводы, сопровождающие группы, доверительно делились с гостями Вашингтона информацией о том, что здесь находится самая засекреченная организация США. Как отмечал сам Даллес, адрес «сверхсекретного объекта» знал каждый городской таксист. По его приказу вывеска «Типография» исчезла. Другие же примеры «демократичности» Даллеса не раз подвергались оспариванию. Например, его слова о том, что вся рабочая документация и информация по бюджетным расходам ЦРУ были полностью открыты для Президентского совета по разведывательной деятель-

ности, входят в противоречие с обращением этой структуры к Эйзенхауэру в 1957 году о том, что большинство тайных операций ЦРУ не было одобрено советом хотя бы чисто формально.

Экс-президент США Гарри Трумэн в публикации в «Вашингтон пост» в 1963 году признавал факт, что «ЦРУ превращалось в оперативное правительственное учреждение, иногда формирующее политику».

Интриги и заговоры

Современные творцы «цветных революций» в американском руководстве имеют своих предшественников. Аллен Даллес еще десятилетия назад опробовал, и порой удачно, методики устранения неугодных правительств в ряде стран.

Большое влияние на определение стратегии действий администрации Эйзенхауэра оказывал крупный бизнес. Не случайно из-за связей министров с крупнейшими корпорациями правительство президента-генерала иногда называли «кабинетом бизнесменов».

Малоприятной информацией для деловых кругов стали решения руководства Ирана о национализации нефтяной промышленности. Возглавивший правительство страны в 1951 году Мохаммед Мосаддык стал проводить политический курс, резко расходившийся с интересами Запада. Первоначальной мерой давления на строптивого лидера стала организация бойкота иранской нефти. Но в ЦРУ опасались, что в условиях нараставшего кризиса Мосаддык пойдет на сближение с СССР. В итоге было принято решение об устранении неугодного правительства. В США и Англии нашли естественного союзника в лице шаха Ирана Мохаммеда Резы Пехлеви, ранее уже неудачно пытавшегося отправить в отставку премьера, лишившего его реальных рычагов власти. Монарх, выехавший тогда в свою летнюю резиденцию на Каспийском море, объявил об отставке главы правительства и назначении его преемником генера-

ла Захеда. Но тот сценарий смены власти провалился. Мосаддык сумел взять инициативу в свои руки, а шаху пришлось скрываться в Риме.

В ЦРУ приняли решение о переходе к операции «Аякс». В ходе ее проведения в 1953 году в Тегеране были спровоцированы массовые беспорядки, сопровождавшиеся выходом на улицы столицы толп народа. Были захвачены телеграф, почта и радиостанция. Одновременно началась реализация и второй части хорошо спланированной операции. Подкупленные армейские офицеры вывели на улицы контролируемые ими войска и бронетехнику для разгрома пытавшихся сопротивляться сторонников Мосаддыка. Премьер был арестован. Вернувшийся в страну шах восстановил всю полноту своей власти, правя Ираном вплоть до своего свержения во время исламской революции в 1979 году. Естественно, были заключены новые выгодные для западного капитала нефтяные соглашения. Правда, возвращения к статус-кво не произошло. Британские нефтепромышленники, прежде доминирующие в регионе, были вынуждены значительно уступить свое влияние американским

компаниям. За услуги ЦРУ приходилось платить. Говоря об операции «Аякс» в Иране, даже автор биографии Эйзенхауэра Стивен Амброс, в целом превозносящий в книге своего героя, отмечал: «Использовавшиеся методы были аморальными, если не незаконными, и возник опасный прецедент. ЦРУ предложило Эйзенхауэру быстрый способ решения внешних проблем».

Удачно опробованная ЦРУ в Иране технология была повторена уже в следующем 1954 году в Гватемале. В этом латиноамериканском государстве оказались существенно затронуты интересы «Юнайтед фрут компани» – крупнейшей американской корпорации по экспорту тропических фруктов из стран третьего мира в США и Европу. Эта транснациональная компания оказывала существенное влияние и на экономику, и на политику всего региона. Так, в Гватемале под ее контролем находились железная дорога и самая мощная электростанция. Корпорация владела обширной частью земель в стране. Например, в ее собственности было 95% банановых плантаций Гватемалы. Пришедший к власти на демократических выборах полковник Хакобо Арбенс Гус-

ман выступил за пересмотр сложившихся в государстве отношений. Земли «Юнайтед фрут» были национализированы. В то время как представители Государственного департамента, угрожая санкциями, убеждали Арбенса Гусмана «достичь взаимопонимания с „Юнайтед фрут“», в ЦРУ разрабатывали более быстрый способ разрешения ситуации. Организации волнений в стране предшествовала идеологическая обработка среднего класса Гватемалы, которого убеждали в том, что новое правительство будто бы получает директивы из Советского Союза. Радиостанция «Голос освобождения» (фактически радио ЦРУ) регулярно сообщала о движении советских судов с грузом оружия для президента Арбенса Гусмана.

Наконец, в июне 1954 года отряды поддерживаемых ЦРУ противников правительства и наемников перешли со стороны Гондураса государственную границу. В условиях начавшихся боевых действий ЦРУ использовало методы психологической войны, добившись того, что их более мощная радиостанция заглушала правительственное радио и сообщала о колоссальнейшем превосходстве вторгшихся сил и бессмысленности сопротивления. Как и в случае со свержением Мосаддыка, была вновь применена практика подкупа части правящей элиты. Президент Арбенс Гусман под давлением представителей высшего офицерства был вынужден отречься от своего поста. Пришедшее к власти новое руководство сразу же нашло поддержку у США. Причины для такого взаимопонимания были весомые: «Юнайтед фрут» были возвращены национализированные прежде земли и восстановлены все прежние контракты с ней. При этом представители ЦРУ не раз говорили, что их поддержка сил оппозиции в Гватемале объяснялась исключительно желанием содействовать демократическому развитию этой страны и что нет оснований искать здесь какие-то коммерческие причины. Не удивительно, что с подобными заявлениями были согласны



ОСВОБОЖДЕНИЕ БЫВШЕГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА **МОСАДДЫКА** (КРАЙНИЙ СЛЕВА) ИЗ ТЮРЬМЫ, В КОТОРОЙ ОН ПРОВЕЛ ТРИ ГОДА ПО ОБВИНЕНИЮ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ. 4 АВГУСТА 1956 ГОДА



ПРИХОД К ВЛАСТИ В ГВАТЕМАЛЕ ПОЛКОВНИКА **КАРЛОСА КАСТИЛЬО АРМАСА**. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ОН СМЕНИТ НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА СТРАНЫ, ПОДАВШЕГО В ОТСТАВКУ, ХАКОБО АРБЕНСА ГУСМАНА. 3 ИЮЛЯ 1954 ГОДА

не все. В частности, многие исследователи сомневаются, что свержение президента Гватемалы и последовавшее за этим включение предшественника Даллеса на посту директора ЦРУ генерала Смита в состав совета директоров «Юнайтед фрут компании» были всего лишь простым совпадением.

Для многих американцев стали откровением заявления действовавшей в 1970-е годы под руководством сенатора Фрэнка Черча сенатской комиссии по законности операций ЦРУ. Своим возникновением она обязана пресловутому Уотергейтскому скандалу – обнаружению в 1972 году подслушивающих устройств в штабе кандидата в президенты от Демократической партии. Но, расследуя недавние нарушения, комиссия Черча затронула и более отдаленный период – эпоху Аллена Даллеса. Сенатская комиссия приступила к изучению планов ЦРУ по физическому устранению премьера Конго Патриса Лумумбы, президента Индонезии Ахмеда Сукарно, генерала Рене Шнейдера в Чили, лидера революционной Кубы Фиделя Кастро... Достоянием гласности стала часть разрабатываемых ранее

спецопераций, направленных на изменение политики той или иной страны и полностью игнорирующих такие «формальности», как суверенитет государства или жизнь государственных лидеров.

Амбиции Даллеса не ограничивались третьим миром. В исторической литературе не раз затрагивались и его планы по «наведению порядка» в европейских странах социалистического блока. Были созданы тренировочные лагеря для групп албанских эмигрантов, которых планировали забросить на их родину с целью устройства там восстания против коммунистического правительства. Историк спецслужб Филипп Найтли, рассказывая о планировании «украинской операции» в СССР, отмечал: «Она заключалась в поддержке борьбы националистов против советского контроля. ЦРУ финансировало националистические организации, готовило их кадры и помогало забрасывать агентов назад в страну для организации восстания». Представителей США не смущало, что бежавшие с Украины и скрывавшиеся на Западе от суда националисты были пособниками

гитлеровцев во Второй мировой войне и несли ответственность за совершаемые в годы войны массовые убийства мирного населения.

Известный писатель Илья Эренбург как-то сказал: «Если Даллес по какому-нибудь недоразумению попадет в рай, он и там станет устраивать заговоры и начнет отстреливать ангелов». Любопытно, что, когда сам Даллес узнал об этой его характеристике, он развеселился и даже упомянул о ней в своих воспоминаниях, назвав «лестными для меня выражениями».

Финал карьеры

Приход к власти 35-го президента США Джона Фицджеральда Кеннеди стал малоприятным сюрпризом для директора ЦРУ. Новый хозяин Белого дома желал обновлений в политической системе и хотел видеть на ключевых постах людей, которые не ассоциировались бы с эпохой Эйзенхауэра. Глава ФБР Эдгар Гувер и глава ЦРУ Аллен Даллес явно не входили в число фаворитов нового президента. Но если Гувер сумел сохранить свой пост, возможно, при помощи, как отмечается в ряде изданий о Кеннеди, имеющегося у него компромата на семью президента, то другой «политический тяжеловес» Даллес был все-таки вынужден оставить свое место.

Повод к отставке Даллеса был внушительным. Подготовленная ЦРУ операция 1961 года по высадке в заливе Кочинос (заливе Свиней) отрядов кубинских контрреволюционеров завершилась провалом. В сражении при Плайя-Хирон войска революционной Кубы перешли в решительное наступление и одержали убедительную победу. Удар по престижу США был очевиден.

Прощаясь с Даллесом, Кеннеди формально соблюдал все правила приличия: «Я не могу назвать никого другого, кто бы служил стране с большим мужеством и самоотверженностью, чем господин Аллен Даллес». Впрочем, Шлезингер в своей книге о президенте приводит и иные его слова, на этот

раз не лишённые доли сарказма: «Я, вероятно, допустил ошибку, сохранив Аллена Даллеса... Даллес обладает огромными способностями. Но я никогда не работал с ним, и мне сложно оценить смысл того, что он говорит. Даллес – легендарная личность, а с легендарными личностями крайне трудно работать эффективно».

И все же ветерану спецслужб все-таки пришлось еще раз вернуться к государственной деятельности. В 1963 году он стал членом комиссии по расследованию убийства недавно отправившего его в отставку Кеннеди. Написано несчетное количество книг и снято множество документальных и художественных фильмов, в которых подвергаются сомнению официальные выводы комиссии о том, что единственным виновником является задержанный одинокий психопат Ли Харви Освальд, убитый через день после гибели президента по пути из полицейского управления в тюрьму. Многократно указывалось, что комиссия проигнорировала заключения экспертов о том, что из винтовки Освальда невозможно было сделать три выстрела по движущейся цели за столь короткое время. Не раз обращалось внимание, что при расследовании пренебрегли свидетельствами очевидцев о выстрелах, прозвучавших из-за маленького пригорка, когда прямо перед ним проезжал президентский лимузин. Говорилось и о том, что признанная комиссией в качестве улики фотография Освальда с винтовкой была официально объявлена экспертами фотомонтажом. Критиков выводом комиссии удивляло, что входивший в ее ряды такой опытный разведчик и явно не отличавшийся наивностью человек, как Аллен Даллес, не заметил этих весьма очевидных нестыковок и противоречий.

Немецкий журналист Матиас Бреккерс, написавший книгу «Д.Ф. Кеннеди: государственный переворот в Америке», назвал «огромным цинизмом» факт включения Даллеса в комиссию по расследованию убийства Кеннеди,

так как он был «одним из главных подозреваемых в убийстве». Автор заявил: «Так как „отец“ ЦРУ Аллен Даллес был адвокатом с Уолл-стрит, а его брат Джон Фостер руководил внешней политикой, то тайные операции являлись их семейным бизнесом, которым занимались братья Даллесы и их клиенты с Уолл-стрит. Джон Кеннеди попытался покончить с этим, и это обрекло его на смерть». Бреккерс занял категоричную позицию и в оценке следствия: «Результат расследования комиссии был ясен с самого начала, комиссия не проводила никаких расследований...» Конечно, нельзя говорить о том, что версия Бреккерса ставит точку в спорах по поводу одного из самых громких политических убийств XX века, но есть немало историков, придерживающихся близких к взглядам немецкого автора позиций в этом вопросе.

Апологеты директора ЦРУ создают образ величайшего деятеля спецслужб в мировой истории. Более критично настроенные исследователи отмечают, что нет причин создавать культ личности Даллеса, так как в его деятельности было немало неудач. Провалом завершилась операция по прокладке из Западного Берлина подземного туннеля на территорию Восточного Берлина для получения доступа к телефонным коммуникациям штаба советских войск в Германии. Советские спецслужбы не только оперативно выявили туннель, но и некоторое время ловко использовали его для передачи дезинформации противнику. Поддержанная Даллесом программа полетов самолетов-разведчиков U 2 над советской территорией привела к уничтожению одного из них и прогремевшему на весь мир судебному процессу в СССР над американским пилотом Гэри Пауэрсом.

Справедливости ради следует отметить, что, хотя сам Даллес в своих книгах вряд ли может служить образцом скромности, он немало страниц посвятил достижениям своих противников



С БРАТОМ **ДЖОНОМ ФОСТЕРОМ ДАЛЛЕСОМ** (СПРАВА). 4 ОКТЯБРЯ 1948 ГОДА

из советской разведки, не раз признавая ее высокий профессионализм.

По инициативе Даллеса недалеко от Вашингтона был построен новый комплекс штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. Правда, сам он из-за отставки не успел занять в нем кабинет руководителя, спланированный с учетом его вкусов. Зато о его роли в истории организации напоминает бюст, установленный в главном вестибюле комплекса в Лэнгли.

Вышедший в 1961 году в отставку Даллес не стал затворником. Он участвовал в общественной жизни, был гостем телевизионных программ, написал несколько книг. Даллес неизменно настаивал на том, что ЦРУ, в формировании которого он принимал столь активное участие, – это организация «вне политики». Однако и непосредственно в США, и за ее пределами нашлось немало людей, расценивших подобные заявления как проявление политического лицемерия, полностью искажавшего действительность. Они отмечали, что управление фактически превратилось в «государство в государстве», в чем значительную роль сыграл и сам Даллес. 

Год кинолегенд

55 ЛЕТ НАЗАД ВЫШЛИ В ПРОКАТ ТРИ ВЫДАЮЩИХСЯ ФИЛЬМА О РАБОТЕ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНОИСКУССТВА 1968 ГОД ОЗНАМЕНОВАЛСЯ ВЫХОДОМ В КИНОПРОКАТ ТРЕХ ФИЛЬМОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ РАБОТЕ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. В КИНОЭПОПЕЕ ВЛАДИМИРА БАСОВА «ЩИТ И МЕЧ» РАССКАЗЫВАЕТСЯ О РАЗВЕДЧИКЕ, ВНЕДРЕННОМ В НАЦИСТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ. В ЛЕНТЕ САВВЫ КУЛИША «МЕРТВЫЙ СЕЗОН» ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ РАСКРЫВАЕТ НА ЗАПАДЕ ПРЕСТУПНЫЕ ЗАМЫСЛЫ ИЗБЕЖАВШЕГО ПРАВОСУДИЯ ФАШИСТСКОГО ПРЕСТУПНИКА. «ОШИБКА РЕЗИДЕНТА» ВЕНИАМИНА ДОРМАНА ПОВЕСТВУЕТ ОБ УСПЕШНОЙ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ. В 2023 ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 55 ЛЕТ СО ВРЕМЕНИ ВЫХОДА ЭТИХ ВЫДАЮЩИХСЯ ФИЛЬМОВ, КАЖДЫЙ ИЗ КОТОРЫХ СТАЛ КИНОЛЕГЕНДОЙ.

ТЕКСТ Виктор СОБОЛЕВ

Эпопея к юбилею

На 1967 год были запланированы торжества в честь 50-летия создания советских органов государственной безопасности. Эту знаменательную дату решили среди прочего увековечить и премьерами посвященных ей фильмов. В этой связи выбор пал на экранизацию романа «Щит и меч». Его автор Вадим Кожевников входил в число ведущих советских прозаиков и получил широкое признание во властных структурах. Еще с конца 1940-х годов он возглавлял один из ведущих литературных журналов «Знамя», имел многочисленные правительственные награды.

Готовясь к написанию произведения о событиях «тайной войны», литератор первоначально думал о современном времени и предполагал, что прототипом героя станет разведчик Рудольф Абель. Но постепенно замысел изменился. Кожевников решил перенести сюжет во времена Второй мировой. Он познакомился с Александром Святогоровым, действовавшим в годы войны в немецком тылу и подготовившим ряд выдающихся разведывательно-диверсионных операций. Именно этот мужественный и талантливый человек стал основным прототипом глав-



ного героя Кожевникова – Александра Белова, который под именем немца-репатрианта Иоганна Вайса еще до начала войны перебрался в фашистскую Германию с заданием проникнуть в спецслужбы врага и получить доступ к секретным и важным для СССР материалам. Созданный писателем роман, отличающийся захватывающим сюжетом, имел большой успех у читателей. Его первый тираж моментально исчез с полок книжных магазинов.

Взяться за постановку картины предложили Владимиру Басову. Этот кинематографист-фронтовик был известен и как режиссер, и как актер. К тому времени в числе его работ были и картина по повести Пушкина «Метель», и экранизация романа Бондарева «Тишина». За ним закрепилась заслуженная репутация мастера киноадаптации литературных произведений. Но была и еще одна причина выбрать именно его. Басов славился умением быстро работать. Он был тем, кого принято называть трудоголиком. Работавшие с ним люди вспоминали, что режиссер всегда прибывал на съемочную площадку раньше всех других людей из киногруппы.

Проект предусматривал создание четырех серий. Вскоре после начала съемок стало ясно, что даже при всей свойственной Басову быстроте завершить работу в течение 1967 года без ущерба художественной ценности произведения будет нереально. Пришлось перенести премьеру на следующий год.

Важнейшим решением режиссера стал выбор исполнителя на главную роль. Здесь ошибиться было недопустимо. В Госкино многие видели Белова-Вайса похожим на Алексея Федотова

в исполнении статного красавца Павла Кадочникова в классическом «Подвиге разведчика» 1947 года. Но Басов думал о другом типаже. Шли переговоры с Юрием Соломиным, но этот замечательный актер оказался слишком занят на момент съемок. Обсуждалась кандидатура Александра Белявского, но его яркая внешность показалась излишне бросающейся в глаза для «бойца невидимого фронта». В качестве главного исполнителя рассматривали даже тогда еще начинающего певца из Саратова Леонида Сметанникова. Но выбор режиссера остановился на Станиславе Любшине. Его кандидатура очень понравилась и консультанту картины Святогорову.

За плечами этого актера уже были замечательные работы в знаменитой «оттепельной» картине Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» и в военной ленте Бориса Степанова «Альпийская баллада». Театралы высоко оценивали сыгранные им сценические персонажи. Образ советского разведчика сразу же увлек Любшина. И режиссер, и актер стремились отказать от излишней пафосной помпезности, с которой порой прежде представляли действующих в лагере неприятеля разведчиков. Басов хотел, чтобы герой в большинстве сцен выглядел максимально сосредоточенным, сдержанным, неулыбчивым. Белов Любшина – это человек, обладающий цельным характером и особой внутренней силой. Артист, который умел великолепно играть глазами, одним взглядом мастерски передавал эмоциональное состояние разведчика. Любшин психологически точно раскрыл ненависть своего героя к нацизму, которую его персонаж вынужден скрывать под маской верного режиму служаки. Он умело вжился в характер человека, ведущего ежедневную смертельную игру. После триумфа фильма уже трудно было представить, чтобы Белов-Вайс мог быть иным.

В то время актер даже столкнулся с проблемой. Любшин рассказывал, что режиссеры стали предлагать ему роли



РЕЖИССЕР ВЛАДИМИР БАСОВ И АКТЕР СТАНИСЛАВ ЛЮБШИН ВО ВРЕМЯ СЪЕМКИ ФИЛЬМА «ЩИТ И МЕЧ». СЕНТЯБРЬ 1967 ГОДА

разведчиков и офицеров, которые были словно копиями героя «Щита и меча». Для творческого и находящегося в постоянном поиске человека, каким является знаменитый актер, подобное «самоповторение» было малозаманчивой перспективой. К счастью, этот мастер в будущем еще не раз блестяще воплотил в кинематографе принципиально разные характеры.

Открытием для всесоюзного зрителя киноэпопеи Басова стал дебютировавший в ней Олег Янковский, игравший тогда на сцене драматического театра в Саратове. Он исполнил роль Генриха Шварцкопфа, привилегированного нациста, приходящего к осознанию всей бесчеловечности системы, которой служит, и решившему присоединиться к антифашистским силам. Режиссер вспоминал: «В Москве на пробах познакомился с Олегом Янковским. Он был еще „не обстрелян“ кинематографом. Мы подружились.

В его мальчишеской повадке покоряло обаяние непринужденности. Дальнейшая его биография показала, что выбор был точен. Пришел артист... Поначалу театральная закуска давала себя знать. Подходит ко мне: – Владимир Павлович, а какая здесь у меня сверхзадача? – Олег, – говорю, – ты сыграй кусок. Сверхзадачу я склею».

Янковский стремился к максимальному совершенству и постоянно проявлял инициативу, настаивал на дополнительных дублях. В большинстве случаев Басов шел ему навстречу. Для актера-дебютанта, как и для Любшина, работа в киноэпопее стала триумфом и сразу же выдвинула его в число любимцев советских кинозрителей. Свою неповторимую актерскую индивидуальность Янковский вскоре блистательно подтвердил уже в следующем своем фильме «Служили два товарища», посвященном событиям Гражданской войны.



КАДР ИЗ ЧЕТЫРЕХСЕРИЙНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ «ЩИТ И МЕЧ». 1968 ГОД

И Басов, и написавший сценарий Кожевников не хотели, чтобы показанные на экране противники выглядели карикатурными персонажами, которых легко побеждают brave советские разведчики. Они стремились уйти от уже сформировавшихся шаблонов. Беседуя с исполнителем роли обер-фюрера Вилли Шварцкопфа литовским актером Альгимантасом Масюлисом, режиссер призывал взглянуть на армию, с которой «нам пришлось тяжело и долго бороться». Актер вспоминал: «Во время войны я был подростком и хорошо помню, как рядом с нашим домом стояла немецкая бригада. По вечерам солдаты доставали аккордеон, коньяк, приглашали девок и устраивали танцы. Но если солдатам было наплевать на войну, то вот среди офицеров были настоящие идейные нацисты – хорошо образованные, но очень вымуштрованные люди. Так что, когда встал вопрос о вхождении в роль, мне не надо было черпать материал из кинохроники». Масюлис оказался настолько убедительным в изображении своего антигероя, что режиссеры в будущем еще не раз приглашали его на роли нацистов. Актера даже в шутку называли «главным фашистом советского кино».

Съемки картины проходили в Прибалтике, Польше и ГДР. Восточногерманская киностудия «Дефа» предоставила для работы большое количество подлинной нацистской формы, в избытке хранившейся на ее складах. В Берлине в тот период власти проводили реконструкцию, которая сопровождалась сносом ряда зданий. Эти районы, весьма кстати для кинематографистов, напоминали картины разрушенного военного Берлина. Съем-

ки в ГДР не обошлись и без курьезных случаев. Так, однажды не успевающие из-за жесткого графика переодеться Любшин, Янковский и Масюлис решили быстро заскочить перекусить в местное кафе. Можно представить себе удивление его посетителей, увидевших вошедших людей в форме «третьего рейха».

Говоря о киноэпопее «Щит и меч», трудно не вспомнить прозвучавшую в ней песню «С чего начинается Родина». Ее мелодия стала основной музыкальной темой всей картины. Авторы песни – композитор Вениамин Баснер и поэт Михаил Матусовский. Когда песня была создана, встал вопрос, кто будет исполнителем. Разногласий не возникло. И Басов, и Баснер, и Матусовский оказались абсолютно единогласны: нужно приглашать Марка Бернеса. Они хорошо знали, как отмечал Матусовский, что Бернес – «артист требовательный, не соглашающийся петь что попало, безошибочно чувствующий и знающий свою песню, ту, что надо петь именно ему и никому другому».

Запись песни рождалась «в муках». Бернес безжалостно браковал многочисленные дубли. Его до конца не устроила даже последняя, одобренная всеми фонограмма. «Это еще не совсем



СТАНИСЛАВ ЛЮБШИН (СЛЕВА) И ЮОЗАС БУДРАЙТИС В ЭПИЗОДЕ ИЗ ФИЛЬМА «ЩИТ И МЕЧ»

то, что я представлял себе, – заявил он тогда коллегам, – когда будут выпускать мою пластинку в фирме «Мелодия», я обязательно перепишу ее еще раз, совсем по-другому. Понимаешь, ведь после нас остаются только записи, больше ничего. И надо добиться, чтобы записи эти были настоящими». Он сдержал свое обещание. К сожалению, эта запись оказалась для Бернеса одной из последних. Позже он успел записать только своих легендарных «Журавлей». В 1969 году артист скончался от онкологического заболевания. Песня «С чего начинается Родина» зажила своей отдельной от кино жизнью. Несмотря на то что ее исполнение Бернесом, разумеется, считается классическим, к ней не раз обращались и другие певцы. Она нередко звучит с эстрады и в наши дни.

Отход от стереотипов

Картина «Мертвый сезон» стала во многом откровением для советского зрителя. Новыми были и сюжет, посвященный работе советского разведчика на современном Западе, и сам образ главного героя, отличавшийся от сложившегося к тому времени стереотипа.

Действие «Мертвого сезона» разворачивается в одной из не названных конкретно европейских стран,



где скрывается нацистский военный преступник доктор Хасс. В своем фармацевтическом центре он проводит эксперименты по созданию опасного для человечества психохимического оружия. Советским спецслужбам становится известно о зловещих опытах. Разведчику Константину Ладейникову поручено найти преступника.

И здесь у главного героя был прототип – сотрудник внешней разведки Конон Молодой, на протяжении многих лет эффективно выполнявший задания на Западе. Живя в Англии под именем Гордона Лонсдейла, он стал успешным предпринимателем, завязавшим хорошие отношения со многими влиятельными лицами. Молодой с успехом передавал в Центр информацию о британских военных разработках. В 1961 году в результате предательства его арестовали. Он был приговорен британским судом к 25 годам заключения, но в 1964 году его обменяли на находящегося в заключении в СССР английского разведчика Гревилла Винна. Молодой принимал участие в создании фильма в качестве консультанта. В титрах он упомянут как «Константин Панфилов».

Над созданием сценария «Мертвого сезона» работал один из мэтров при-

ключенческого кинематографа Владимир Вайншток. В 1930-е годы он был кинорежиссером таких популярнейших лент, как «Остров сокровищ» и «Дети капитана Гранта». В дальнейшем Вайншток под псевдонимом Владимир Владимиров занялся написанием сценариев, из которых наиболее известным стал «Мертвый сезон». Уже в 1970-е он вновь удачно вернулся к режиссуре, создав экранизации приключенческой прозы «Всадник без головы» и «Вооружен и очень опасен».

В отличие от бывшего сценариста Вайнштока-Владимирова, режиссер «Мертвого сезона» Савва Кулиш дебютировал этой картиной в игровом кино. Хотя фильм часто характеризуют как «политический детектив», сам постановщик признавался: «На самом деле я вывел картину из плоскости чистого детектива. Если честно, я детективы не люблю. У меня другая история». Именно этот новый взгляд Кулиша на «кино о разведчиках» во многом и стал причиной того, что он возглавил ответственный кинопроцесс. Кандидатуру Кулиша поддержал советский киноклассик Михаил Ромм, у которого на съемках документальной ленты «Обыкновенный фашизм» он проходил режиссерскую стажировку. Кулиш сразу



НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ДОНАТАС БАНИОНИС (В ЦЕНТРЕ) В СЦЕНЕ ИЗ ФИЛЬМА «МЕРТВЫЙ СЕЗОН»



КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «МЕРТВЫЙ СЕЗОН»



проявил себя принципиальным человеком, готовым отстаивать свою творческую концепцию.

Одним из «камней преткновения» стал вопрос о выборе актера на роль Ладейникова. Среди кандидатов был Вячеслав Тихонов. Но Кулиш видел своего Ладейникова другим. Как ныне всем известно, великая роль разведчика ждала Тихонова впереди. Режиссер же настаивал на кандидатуре актера из Литвы Донатаса Баниониса. Он объяснял свой выбор так: «Я считал, что другого исполнителя просто не может быть. И не только потому, что Банионис талантлив, но и по совокупности многих причин. Он один из тех редких актеров, в котором всегда ощутима крупница тайны, замкнутости. Он таков по складу натуры, дарования, как говорил Станиславский, своего психофизического аппарата. А в „Мертвом сезоне“ ему предстояло сыграть человека, который волею судеб обязан хранить и свою замкнутость, и свою тайну. Иначе он просто не может существовать».

Сам Банионис первоначально скептически отнесся к предложению. Он считал, что его «прозаическая» внешность не соответствует привычному образу героя. Спустя годы Банионис чистосердечно признавался в интервью, что приехал на пробы на «Ленфильм»

не столько ради будущей работы, в перспективу которой не верил, сколько для того, чтобы приобрести в городе нужные ему запчастки для «Москвича». Но, встретившись, режиссер и актер быстро пришли к взаимопониманию. Кулиш доходчиво объяснил, что ему совсем не нужен «супермен Джеймс Бонд», а его интересует образ интеллектуала, человека с богатым внутренним миром. Баниониса увлекла поставленная перед ним задача. Характерно, что таким же видел Ладейникова и сам Конон Молодой. Банионис с юмором поведал об их первой встрече. Актера предупредили, что прототип его героя придет на первую съемку. Он с интересом рассматривал присутствующих и был очень удивлен, когда ему указали на человека совсем неброской внешности. «Я ему потом говорю: „Вы совсем не похожи на разведчика“, – делился воспоминаниями Банионис. – А он мне отвечает: „Если бы был похож, то не смог бы работать в разведке. Я ведь был обычным коммерсантом, не больше, и только так я мог работать на советскую разведку“. Вот так я с ним и познакомился – со своим прототипом».

За кандидатуру Баниониса шла острая борьба. В числе его противников были даже наставник Кулиша Ромм и один из руководителей худсовета

«Ленфильма» выдающийся режиссер Григорий Козинцев. Но проявленный литовским актером талант убедил их в ошибочности первоначальной позиции. Ромм позднее даже написал рецензию, в которой признавал, что молодые кинематографисты должны не бояться отстаивать свои взгляды перед учителями. Козинцев, в свою очередь, спустя несколько лет пригласил Баниониса на одну из ролей в свой знаменитый фильм «Король Лир». Конечно же, серьезную поддержку артисту оказал Конон Молодой, который, по словам Баниониса, заявил противникам его утверждения: «Я ничего не знаю про кино, я знаю про жизнь, и то, что отснято, — это и есть настоящая жизнь. Если вам ЭТО не нравится, тогда это ваше дело и ваше кино, но думаю, что Банионис должен играть дальше».

Наряду с Ладейниковым важнейшим персонажем в фильме был Иван Савушкин – актер детского театра, в прошлом узник концлагеря, в котором Хасс проводил свои бесчеловечные эксперименты. Савушкин, согласно сюжету, необходим Ладейникову для того, чтобы опознать преступника. На роль Савушкина Кулиш пригласил Ролана Быкова, который параллельно с «Мертвым сезоном» снимался в картине «Служили два товарища». Обе

эти роли оказались для него звездными. Быков создал свой образ словно на контрасте со сдержанной игрой Баниониса, очень эмоционально, ярко. Вспоминают, что во время работы в нем, бывшем не только актером, но и замечательным кинорежиссером, нередко «просыпалась» вторая профессия, что иногда приводило к творческим спорам с Кулишом.

На ряд ролей в фильме были приглашены, как это было часто принято в советских картинах об «иностранной жизни», прибалтийские актеры. Эстонский актер Леонхард Мерзин сыграл священника – отца Мортимера. Другой эстонец, Маури Раус, воплотил образ сотрудника западногерманской разведки Гребана. Кстати, на эту роль первоначально планировали привлечь Андрея Миронова, но его плотный рабочий график не позволил приехать на съемки. Профессором О'Рейли в картине стал еще один мастер из Эстонии – Юри Ярвет, который через несколько лет благодаря исполнению роли короля Лира в фильме Козинцева обретет мировое признание. Кулиш очень сожалел, что из картины при ее «приемке» он был вынужден вырезать большую часть лирических сцен с барменшей, которую сыграла Светлана Коркошко. Их посчитали излишними.

Говоря об участниках съемок, конечно же, нельзя забыть и Рудольфа Абеля. Легендарный разведчик записал вступительное слово, которое в ленте предшествует началу повествования. Абель напоминал зрителям: «Бредовые идеи не погибли вместе с гитлеровской Германией... Всякий раз, когда мы встречаемся с людьми, которые имеют в своих руках страшные средства массового истребления, встает вопрос раскрыть их замыслы, чтобы избежать катастрофы... Основа картины подлинна, как подлинна та борьба, которую мы ведем. Мы – люди, которые стремятся предотвратить войну».

Премьеру «Мертвого сезона» ожидал оглушительный успех. Среди присутствовавших на ней участников съе-

мочной группы не было Баниониса. Он находился тогда в Болгарии. Артист был поражен реакцией людей, которые встречали его при возвращении в аэропорту. Таможенник попросил у него автограф. Периодически к нему подходили люди с просьбой о совместном фотоснимке. Именно тогда он понял, что такое подлинная всесоюзная слава и зрительская любовь. Стало ясно, что все многомесячные творческие поиски, споры, отстаивание своих взглядов оказались не напрасными. Зритель принял и высоко оценил новый фильм о работе разведчика.

Фильм, ставший пособием

О фильме «Ошибка резидента» и его продолжениях часто говорят как о картинах, в которых работа КГБ была показана настолько достоверно, что их даже демонстрировали начинающим сотрудникам органов государственной безопасности в качестве своеобразного пособия. Это неудивительно. Ведь авторами сценария киноленты стали люди, хорошо знавшие, что такое реальная секретная работа. Один из них,



Владимир Востоков (настоящая фамилия Петровиченков), в военные годы служил в контрразведке Тихоокеанского флота. Другой – Олег Шмелев (настоящая фамилия Грибанов) с 1954 по 1956 год был заместителем начальника 2-го Главного управления КГБ при Совете Министров СССР, а с 1956 по 1964 год возглавлял это управление.

В центре сюжета картины – образ резидента западной разведки Михаила Тульева, отправленного в СССР со спецзаданием. Герой, по происхождению русский аристократ, переживает эволюцию своего мировоззрения. Будучи раскрытым и задержанным чекистами, он приходит к искреннему осознанию ошибочности своей прежней позиции и пониманию, что его ранее цинично использовали западные спецслужбы в их борьбе против России. Тульев принимает решение начать работать в пользу СССР.

Постановщиком «Ошибки резидента» стал Вениамин Дорман. Свой путь в художественном кино этот режиссер начал с жанра комедии. Он снял фильмы «Веселые истории», «Штрафной удар», «Легкая жизнь»... Среди артистов, занятых в ранних фильмах Дормана, были и Фаина Раневская, и Михаил Пуговкин, и молодой Владимир Высоцкий. Картины получили относительный, но никак не оглушительный успех. После завершения съемок не снискавшей популярности ленты «Приезжайте на Байкал» Дорман задумался о смене жанра. Он решил попробовать свои силы в остросюжетном фильме. Выбор оказался абсолютно точным. Режиссер стал признанным мэтром этого жанра в советском кино.

На роль Тульева был приглашен Георгий Жженов – один из любимейших зрителями актеров и человек сложной, драматичной судьбы. Он начинал с цирковой карьеры, но в дальнейшем решил связать свою жизнь с кинематографом. В 1930-е годы Жженов снялся в нескольких картинах, в том числе и в хрестоматийном «Чапаеве» братьев Васильевых, в котором исполнил роль



КАДР ИЗ ФИЛЬМА «ОШИБКА РЕЗИДЕНТА»

ординарца Фурманова Терешки. Его творческий путь оказался трагически прерван. На основании доноса молодой артист по ложному обвинению был арестован. Находясь на поселении, он играл в Норильском Заполярном театре. Его партнером по сцене был тогда Иннокентий Смоктуновский. В 1955 году выдвинутые против Жженова обвинения признали несостоятельными, и он был реабилитирован. Артист смог вернуться к работе в любимом кинематографе. Он с успехом исполнял роли мужественных людей, верных своей стране и своему долгу. В предшествующие съемкам «Ошибки резидента» годы он сыграл одного из руководителей советского подполья на оккупированной фашистами территории Сухоглебова в фильме «Доктор Вера» и генерала Тимерина в посвященной работе советской разведки картине «Путь в „Сатурн“». Люди, работающие с Жженовым, вспоминают о нем как об очень цельном, сильном и принципиальном человеке, готовом, порой даже жестко, отстаивать свою позицию.

В «Ошибке резидента» наряду с Тульевым был еще один главный герой – сотрудник КГБ Павел Синицын, познакомившийся с резидентом Тульевым под видом уголовника Бекаса. На эту роль пригласили популярнейшего и любимейшего в 1960-е годы актера, певца и поэта Михаила Ножкина. Этот мастер воплотил образ умного и обаятельного человека, который помог Тульеву осознать свои ошибки и «найти себя».

В одном из интервью Ножкин увлечительно поведал о том, насколько серьезно к съемкам относились курировавшие картину работники КГБ. Артист рассказывает: «Мы первыми показали в кадре детектор лжи. Контрразведчики, когда увидели наш сундук, сказали: «Какой это детектор? Над нами все разведки мира смеяться будут». Оказывается, все фильмы о разведке в обязательном порядке смотрят во всех разведках мира. В общем, прибор наш не утвердили. Контрразведчики попросили три дня на подготовку. В стране тогда было всего два детектора, которые либо привезли из-за кордона, либо

скопировали. В фильме была реальная аппаратура, на которой меня проверили. Я прошел детектор. Мне контрразведчики объяснили, как это сделать. Нужно отвечать с эмоциями, чтобы во время всех ответов амплитуда колебаний была одинаковой. Потом эта сцена показывалась во всех учебных фильмах будущим разведчикам».

Исполнительницей роли женщины, которую полюбил Тульев и которая стала его женой, стала Элеонора Шашкова. Ко времени своих съемок в «Ошибке резидента» она знала о работе разведки не понаслышке. В ее юные годы, когда отец-военный служил в гарнизоне на Курилах, девушка работала в отделе разведки. Актриса рассказывала: «Была делопроизводителем – печатала на машинке. Многие военные тайны не знал никто, кроме меня и моего начальника, поэтому я даже подписывала особую бумагу о неразглашении. В основном сотрудники отдела занимались тем, что вылавливали в наших нейтральных водах японцев и фильтровали их: отделяли заблудившихся моряков – шкиперов, докеров, мотористов – от настоящих шпионов, агентов». Шашкова тепло вспоминает о съемках в фильме Дормана и особенно выделяет творческие советы Жженова, не раз помогавшего ей в работе над ролью. Она даже называет артиста своим творческим «крестным отцом».

Кстати, Шашковой довелось быть киноженой двух легендарных разведчиков. В 1970-е годы режиссер Татьяна Лиознова пригласила ее на роль жены Штирлица. Сцена из «Семнадцати мгновений весны», в которой Штирлиц встречается в кафе «Элефант» с супругой, но не может заговорить с ней, стала классической. Несмотря на то что Шашкова не произнесла в ней ни слова, она своими глазами изумительно точно сумела передать любовь, нежность и боль разлуки.

Наряду с Шашковой как в знаменитом сериале, так и в фильмах о «резиденте» предстал и еще один мастер – ленинградский актер Ефим Копелян.

Ставший всем известным «голосом за кадром» в картине Лиозновой, в кинолентах Дормана он сыграл генерала КГБ Сергеева. Его персонаж опытен, умен и харизматичен. Кстати, в 1968 году Копелян воплотил образ руководителя государственной безопасности и в фильме режиссера Владимира Чеботарева «Крах» о чекистской операции «Синдикат-2», в нем он исполнил роль одного из руководителей ОГПУ Вячеслава Менжинского.

После большого успеха «Ошибки резидента» в 1970 году вышло продолжение – «Судьба резидента». Проект казался завершенным. После «Судьбы резидента» Дорман поставил картину о разведке «Земля, до востребования» с Олегом Стриженовым в главной роли. Успех у зрителей завоевала его приключенческая кинодилогия «Пропавшая экспедиция» и «Золотая Речка», рассказывающая о событиях времен Гражданской войны. Неожиданно для многих в начале 1980-х годов режиссер принял решение вернуться к сюжету о «резиденте». В 1982 году на экраны вышла картина «Возвращение резидента». В ней был Тульев, но не было Синицына. Ознакомившийся со сценарием Ножкин отнесся к нему скептически и не участвовал в съемках. Впрочем, у мастера имелись планы возврата к полюбившемуся зрителям



МИХАИЛ НОЖКИН И ГЕОРГИЙ ЖЖЕНОВ В ФИЛЬМЕ «ОШИБКА РЕЗИДЕНТА»



АКТЕРЫ ИРИНА РОЗАНОВА, АЛЕКСАНДР ГРАВЕ И РЕЖИССЕР ВЕНИАМИН ДОРМАН (СПРАВА НАЛЕВО) ВО ВРЕМЯ РЕПЕТИЦИИ ПЕРЕД НАЧАЛОМ СЪЕМОК ОДНОГО ИЗ ЭПИЗОДОВ ФИЛЬМА «КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ „РЕЗИДЕНТ“». ГОРЬКИЙ, АВГУСТ 1985 ГОДА

герою. В интервью газете «Культура» он рассказал, что написал сценарий о Бекасе. В нем рассказывается о том, как его собирающийся выйти на пенсию герой приходит на помощь попавшим в беду коллегам. К большому сожалению, фильм так и не был снят.

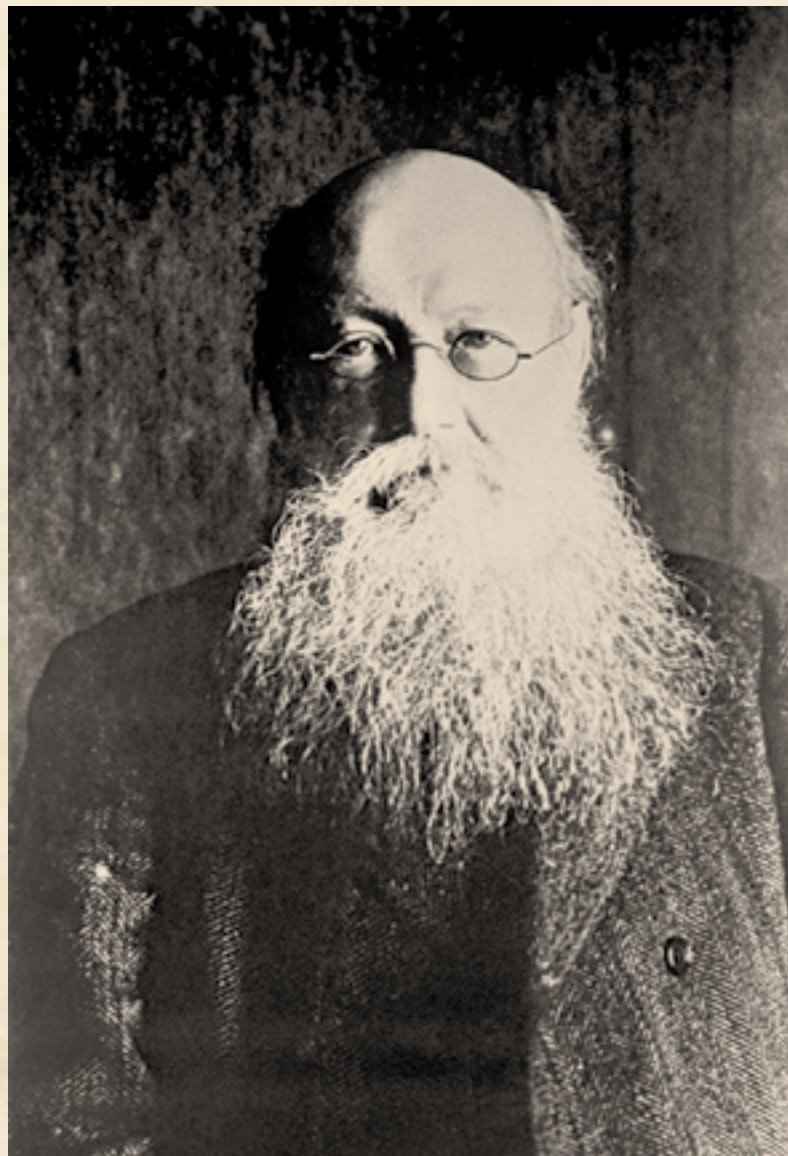
Не было в «Возвращении резидента» и Ефима Копеляна, который ушел

из жизни в 1975 году. Роль руководителя разведки исполнил Петр Вельяминов. К работе в новом проекте были привлечены признанные мастера Леонид Броневой, Борис Химичев, Евгений Киндинов.

Реакция зрителей и критиков на «вернувшегося на экран Тульева» оказалась различной. Часть из них приветствовала продолжение любимых фильмов и дала ему высокую оценку. Но были и те, кто вспоминали поговорку о том, что «в одну реку нельзя войти дважды», и считали третий фильм уступающим своим предшественникам по остроте сюжетной интриги. Как бы то ни было, Дорман не попрощался со своим знаменитым героем и в 1982 году. Финальной стала лишь картина 1986 года «Конец операции „Резидент“». В ней герой Жженова окончательно возвращается на родину. Фильм заканчивается тем, что завершивший многолетнюю спецоперацию Тульев на пресс-конференции рассказывает журналистам о триумфе своей разведывательной миссии. 

География князя-анархиста

В ИСТОРИЮ ПЕТР КРОПОТКИН ВОШЕЛ КАК ЯРКИЙ УЧЕНЫЙ, МЫСЛИТЕЛЬ И ПОЛИТИК



КНЯЗЬ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН. АВГУСТ 1917 ГОДА

В ФЕВРАЛЕ 1921 ГОДА ВЛАДИМИР ЛЕНИН ОБРАТИЛСЯ К ФЕЛИКСУ ДЗЕРЖИНСКОМУ С ПОЖЕЛАНИЕМ НА ВРЕМЯ ОСВОБОДИТЬ СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ АНАРХИСТОВ ДЛЯ УЧАСТИЯ В ПРОЩАНИИ С ТЕОРЕТИКОМ ИХ УЧЕНИЯ ПЕТРОМ КРОПОТКИНЫМ. РУКОВОДСТВО ВЧК ПРИНЯЛО ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ. ПОЗИЦИЯ ЧЕКИСТОВ ОКАЗАЛАСЬ ТОГДА ДЛЯ МНОГИХ НЕОЖИДАННОЙ, ВЕДЬ КРОПОТКИН НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ К ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ И ПО РЯДУ ВОПРОСОВ КРИТИКОВАЛ ЕЕ ДЕЙСТВИЯ. КЕМ ЖЕ БЫЛ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК, 180 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОТОРОГО ОТМЕЧАЛОСЬ В 2022 ГОДУ?

ТЕКСТ Павел СЕРЕГИН

Потомок Рюрика

Петр Алексеевич Кропоткин появился на свет в 1842 году в аристократическом квартале Москвы между Арбатом и Пречистенкой в Штатном (ныне Кропоткинском) переулке. Особняк, в котором он родился, сохранился. На здании можно увидеть установленную в честь него мемориальную доску. Идеолог анархизма происходил из знатного дворянского рода, относящегося к Рюриковичам. Его отец чрезвычайно гордился своей родословной, ведущей начало от основателя первой царской династии на Руси. Сын же оказался чужд всяких сословных предрассудков и свое именование «князем Кропоткиным» всегда воспринимал с иронией.

В своей книге «Записки революционера» Кропоткин рассказал о том, как его на восьмом году жизни приве-

ли на бал в здании московского Благородного собрания, посвященный двадцатипятилетию вступления на престол Николая I. На нем присутствовал сам монарх. Детям из знатных семейств вручили жезлы с гербами губерний Российской империи, которые они должны были склонить перед царем. Юный Петр получил жезл Астраханской губернии. Николай I обратил внимание на ребенка и распорядился зачислить его для учебы в Пажеский корпус. Это была большая монаршая милость. Пажеский корпус являлся элитной школой, воспитанникам которой открывались перспективы блестящей карьеры. Во время учебы Кропоткин был назначен камер-пажом императора. После окончания корпуса он получил возможность начать службу в одном из гвардейских полков. Но Кропоткин, к большому разочарованию своих близких, связывавших с ним свои честолюбивые надежды, принял решение отправиться на службу в Сибирь – в Амурское казачье войско.

Прибыв в Иркутск в 1862 году, он был назначен адъютантом начальника штаба Забайкальской области, а в следующем году стал чиновником осо-

бых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. В это время Кропоткин получил возможность совершить экспедиции по неизвестным тогда еще районам Восточной Сибири и Дальнего Востока. Им были открыты потухшие вулканы в горах Ильхури-Алинь. Во время перехода через Патомское нагорье и Олекминско-Витимский водораздел он нанес на карту плоскогорья и системы горных хребтов, установил путь с Ленских приисков в Забайкалье. Отправляемые молодым исследователем отчеты о своих путешествиях подробно изучали в Русском географическом обществе, в ряды которого Кропоткин был принят в 1865 году. За свое путешествие в Маньчжурию он был удостоен этой организацией золотой медали.

Под впечатлением от подавления в Сибири восстания ссыльных поляков Кропоткин принял решение оставить военную службу. Вернувшись в столицу, он поступил в университет на физико-математический факультет. Но снискавшие широкое признание географические исследования не бросил. Кропоткин разрабатывал собственную теорию ледникового периода. На осно-



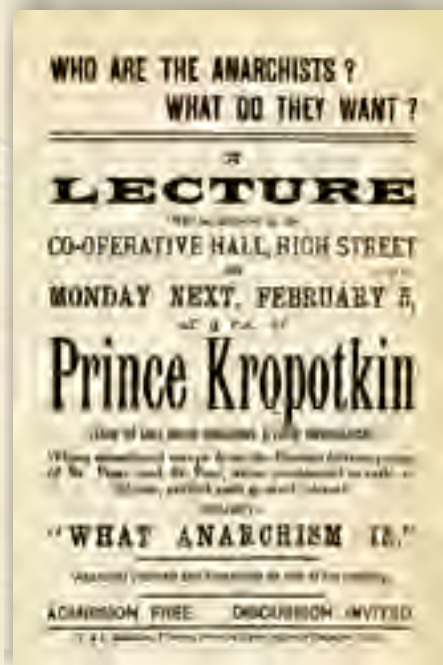
ЧИНОВНИК ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ ПРИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПЕТР КРОПОТКИН. 1864 ГОД

вании изучения движения ледников в северных морях ученый пришел к выводу о том, что на их пути в Северном Ледовитом океане есть помеха. Кропоткин указывал: «Между Шпицбергом и Новой Землей находится еще не открытая земля, которая простирается к северу дальше Шпицбергена



НАУЧНЫЕ РАБОТЫ ПЕТРА КРОПОТКИНА





АФИША ЛЕКЦИЙ ПЕТРА КРОПОТКИНА В АНГЛИИ

и удерживает льды за собой». Им был предложен проект экспедиции к предполагаемым островам, координаты которых он по своим расчетам указал на карте. Увы, тогда она не состоялась. Но в 1873 году австрийская экспедиция на шхуне «Адмирал Тегетгоф» во время дрейфа была случайно вынесена к островам, названным в честь императора Австро-Венгрии Землей Франца-Иосифа. Таким образом, прогноз ученого полностью подтвердился. Уже в XX веке в знак признания его заслуг западной группе островов в пределах Земли Франца-Иосифа было дано имя Кропоткина.

Выдающегося ученого ожидало блестящее научное будущее, которое, в отличие от придворной или государственной карьеры, было очень близко его сердцу. Он стал секретарем отделения физической географии Русского географического общества и был наиболее вероятным кандидатом на пост секретаря Общества. Но в ту пору наряду с географическими проблемами его стали интересовать и социальные вопросы. Он считал невозможным все-

цело посвятить себя любимой науке в то время, когда занятие ею доступно лишь ограниченному числу членов Общества.

В 1872 году во время поездки в Швейцарию Кропоткин познакомился с представителями Первого Интернационала. Он окончательно принял концепцию безгосударственного социализма. Ее сторонниками в Первом Интернационале были члены Юрской федерации, находившиеся под сильным влиянием идей русского анархиста Михаила Бакунина. Кропоткин писал: «Я решил, я дал себе слово отдать мою жизнь на дело освобождения трудящихся. Они борются. Мы им нужны. Наши знания, наши силы им необходимы – я буду с ними». Вернувшись на родину, он вступил в народнический кружок «чайковцев», названный так по имени одного из его лидеров – Николая Чайковского. Вместе со своими товарищами Кропоткин стал активным участником «хождения в народ». Под псевдонимом Бородин он вел революционную агитацию среди фабричных ткачей, рассказывал им о борьбе европейских рабочих за свои права.

До определенного момента Кропоткину успешно удавалось скрывать тайную сторону своей жизни от политической полиции. Но его выдал один из ткачей. 21 марта 1874 года ученый Кропоткин выступил с блестящим докладом о ледниковом периоде в Русском географическом обществе, а через день революционер Кропоткин был арестован и препровожден в камеру № 52 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Его заключение вызвало шумную реакцию. За него хлопотал знаменитый вице-председатель Русского географического общества Петр Семенов-Тянь-Шанский. Дело дошло до самого Александра II. По августейшему распоряжению арестанту доставили необходимые для научной работы книги. В тюрьме Кропоткин написал «Исследование о ледниковом периоде». В 1876 году политического узника в связи с ухудшением здоровья переве-

ли в Николаевский военный госпиталь, откуда ему удалось совершить побег. В мемуарах Кропоткин рассказал, что во время прогулки он сумел оторваться от сопровождавших его конвоиров и прыгнуть в поджидавшую его пролетку. Беглеца переправили в бывшую тогда автономной частью Российской империи Финляндию, а оттуда за границу.

В эмиграции

Оказавшись на Западе, Кропоткин принял активное участие в европейском движении анархистов. После смерти в 1876 году Бакунина он стал наиболее авторитетным идеологом анархизма. Кропоткин вел пропаганду среди рабочих, издавал газеты, выступал на социалистических конгрессах. На чужбине он устроил и свою личную жизнь. Его избранницей стала биолог Софья Ананьева-Рабинович. И в браке Кропоткин стремился быть предельно демократичным. После гражданской регистрации он через каждые три года совместной жизни делал жене предложение о продлении союза, неизменно при этом получая подтверждение. Супруги прожили вместе 42 года, и это был счастливый брак.

В эмиграции за деятельностью Кропоткина непрестанно следила полиция. В 1882 году после взрыва в кафе театра «Белькур» в Лионе французские власти начали проводить аресты анархистов. Кропоткин в тот период как раз жил во Франции и оказался в числе лиц, взятых под стражу. Несмотря на то что он никак не был причастен к трагическому инциденту и не раз выступал против анархических актов «прямого действия», суд в 1883 году приговорил его к пятилетнему тюремному заключению. Виднейшие деятели науки и культуры во главе с литературным классиком Виктором Гюго выступили за его освобождение. В их петиции властям говорилось: «В интересах науки, совпадающих с интересами человечества, мы умоляем Вас вмешаться и позволить ему вернуться к занятиям, которым он посвятил свои высокие дарования».

В итоге в начале 1886 года Кропоткин был амнистирован, но ему дали понять, что его пребывание во Франции нежелательно. Эмигрант переехал в Англию.

Именно во время длительного пребывания на британской земле Кропоткин написал большую часть своих работ, посвященных анархизму. Он стал главным теоретиком анархо-коммунистического направления этого учения. В своих работах «Анархия, ее философия, ее идеал», «Поля, фабрики и мастерские», «Государство и его роль в истории» Кропоткин отстаивал взгляд на анархистское общество как на федерацию свободных и самоуправляющихся коммун и союзов, основанных на взаимной солидарности. Он отрицал взгляд на анархию как на синоним хаоса и настаивал, что она является лучшим общественным строем, в котором при отсутствии правительства существует общество равноправных во всех отношениях людей. Кропоткин, не отрицая дарвинизма, не соглашался со сторонниками абсолютизации дарвиновской теории борьбы за существование, утверждавшими, что человек по своей природе агрессивен и готов добиваться своего благополучия за счет других. В противовес подобным взгля-

дам он, будучи гуманистом, сформулировал теорию взаимной помощи и солидарности как фактора эволюции человечества.

Занимаясь в эмиграции общественно-политической деятельностью, Кропоткин не забывал и науку. Он подготовил ряд статей по географии России для «Британской энциклопедии». Ученый сотрудничал с европейскими университетами, принимал участие в научных съездах. Спектр его интересов продолжал оставаться очень широким. Петр Алексеевич создал историческое исследование «Великая французская революция». Он писал статьи и читал лекции по истории русской литературы. По сути, в эмиграции, как и в России, он продолжал вести двойную, но уже легальную, политическую и научную жизнь. Кропоткин пользовался огромным уважением среди коллег-ученых и в то же время был одним из самых авторитетных людей в революционной среде. Характерно, что, когда публицист Владимир Бурцев выступил с оказавшимися правдивыми обвинениями в провокации против главы Боевой организации эсеров Евно Азефа, на устроенное эсерами разбирательство в качестве судьи пригласили вместе с ре-



РЕВОЛЮЦИОНЕРКА ВЕРА ФИГНЕР

волюционерами Германом Лопатыным и Верой Фигнер и Кропоткина. Хотя он не был эсером, его репутация для них была непререкаема.

С началом Первой мировой Кропоткин занял оборонческую позицию, призывал к войне «до конца германского милитаризма». Это вызвало неодобрение со стороны многих представителей анархистского лагеря, но не стало неожиданностью для людей, хорошо знавших князя-революционера. Лидер партии кадетов Павел Миллюков в своих воспоминаниях рассказал о своей встрече с Кропоткиным в 1904 году, произошедшей после получения известия о нападении японцев на Порт-Артур. Он писал: «Мы застали Кропоткина в страшном волнении и негодовании на японское предательство. Я ожидал всего, только не этого. Мы, конечно, не знали тогда подробностей русской политики, которая привела к этому разрыву, но как могло случиться, что противник русской политики и вообще всякой войны оказался безоговорочным русским патриотом? Кропоткин сразу покорила меня этой своей позицией, так безоговорочно занятой, как будто это был голос инстинкта, национального чувства, который заговорил в нем».



ВЫСТУПЛЕНИЕ КНЯЗЯ КРОПОТКИНА НА СУДЕ НАД АНАРХИСТАМИ В ЛИОНЕ. ИЗДАНИЕ THE ILLUSTRATED UNIVERSE, 1882 ГОД

Возвращение на родину

После Февральской революции Кропоткин, наряду с другими многочисленными политическими эмигрантами, вернулся на родину. В Петрограде на Финляндском вокзале его встречали тысячи человек, для которых он был живой легендой. Среди приветствовавших Кропоткина был и Александр Керенский, который планировал использовать популярность Кропоткина в целях укрепления авторитета правительства. Он попытался уговорить его занять один из министерских постов. Но старания Керенского оказались тщетными. Кропоткин ответил, что считает ремесло чистильщика сапог более честным и полезным, чем должность министра. Он отказался и от предложенной Временным правительством ежегодной пенсии в 10 000 рублей.

В августе 1917 года Кропоткин переехал из Петрограда в Москву. Он принял участие в проходившем 12–15 августа в здании Большого театра Государственном совещании, созданном по инициативе Временного правительства. Его речь содержала призывы к единению общества. В обращении старого революционера говорилось: «Мне кажется, нам в этом Соборе русской земли следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой... При этом, граждане, республикой федеративной!... Пообещаем же, наконец, друг другу, что мы не будем более делиться на левую часть этого театра и на правую. Ведь у нас одна родина».

Приход к власти большевиков Кропоткин первоначально воспринял в целом позитивно. Он приветствовал установление власти в форме Советов. Но постепенно в его восприятии происходящего стали нарастать критические оценки. Кропоткин осуждал диктатуру большевистской партии и политику военного коммунизма. Он по-прежнему видел выход из сложившейся ситуации в развитии самоуправления. В 1918–



с супругой СОФЬЕЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ

1920 годах Кропоткин несколько раз встречался с Лениным, который, несмотря на свою крайнюю занятость, всегда находил время для общения с уважаемым им оппонентом. Владимир Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях о вожде революции приводит слова, сказанные ему Лениным, после одной из бесед с Кропоткиным: «Человек, полный мысли и огня... Но как устарел! Вот живет в стране, которая кипит революцией, в которой все поднято от края до края, и ничего другого не может придумать, как говорить о кооперативном движении... если только послушать его на одну минуту, у нас завтра же будет самодержавие, и все мы, и он между нами, будем болтаться на фонарях, и он только за то, что называет себя анархистом... Он очень стар, и о нем нужно заботиться изо всех сил... он все-таки для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым...»

В 1918 году состоялась встреча Кропоткина с приехавшим в Москву Нестором Махно, называвшим себя его учеником. Содержание их беседы нам известно лишь по мемуарам Махно,

в которых тот сообщил: «Когда я попросил у него совета насчет моего намерения перебраться на Украину для революционной деятельности среди крестьян, он категорически отказался советовать мне, заявив: „Этот вопрос связан с большим риском для вашей, товарищ, жизни, и только вы сами можете правильно его разрешить“». Из ряда источников известно, что Кропоткин достаточно критично относился ко многим послереволюционным деятелям, называвшим себя анархистами. Некоторых из них он характеризовал как «грубых развязных молодых людей, принявших за основу принцип вседозволенности».

Ленин предлагал Кропоткину для проживания квартиру в Кремле, ставшем в то время местом жительства для руководителей Советской России. Но Кропоткин отказался. Он вообще решил покинуть столицу и в июле 1918 года поселился в подмосковном городе Дмитрове, где приобрел небольшой дом с застекленной террасой. Вместе с домом получил и приусадебный участок для огородничества. Ленин лично

подписал «охранное удостоверение», в котором давалось указание советским властям в тех местах, где будет проживать Кропоткин, «оказывать ему всяческое и всемерное содействие» и принять все меры к тому, чтобы его жизнь была бы максимально облегчена.

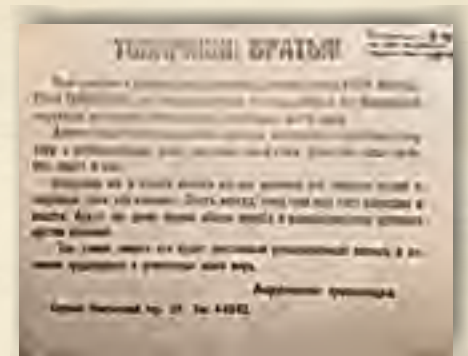
В Дмитрове Кропоткин работал над своей философской работой «Этика». Этот труд ученого так и остался незавершенным. Он с большим интересом следил за формированием местного краеведческого музея и считал своим долгом помочь этому научно-культурному центру. Кропоткин участвовал в заседаниях сотрудников музея и прочел для них доклад «О ледниковых и озерных периодах». Это, кстати, стало его последней географической работой. Выступал он и перед дмитровскими школьниками. Ребятам повезло: их знакомил с географией ученый с мировым именем. До последних лет жизни он близко к сердцу принимал не только проблемы человечества, но и невзгоды отдельно взятых людей. Так, почтовый работник в Дмитрове Петр Злотин, который устанавливал Кропоткину телефон, вспоминал, что за чаепитием пожаловался тому на скудное материальное положение связистов. Кропот-

кин попросил изложить пожелания в записке от имени рабочего коллектива. На ее основании он написал письмо непосредственно Ленину. Вскоре было принято решение об улучшении быта почтово-телеграфных служащих.

Прощание

В начале 1921 года Кропоткин серьезно заболел. Узнавший об этом Ленин распорядился отправить в Дмитров лучших врачей во главе с наркомом здравоохранения Николаем Семашко. Была установлена телеграфная связь по прямому проводу между Кремлем и Дмитровом, по которой передавались регулярные сообщения о состоянии больного. Кропоткину, который никогда не любил как-то выпячивать себя, не нравилось столь пристальное внимание к своей персоне. Он говорил: «Меня огорчает, что людям, столь занятым и заваленным работой, пришлось пожертвовать из-за меня драгоценным для них временем и, быть может, отдыхом...» Увы, лучшие медики того времени не смогли спасти жизнь пожилого мыслителя. В ночь на 8 февраля сердце Кропоткина остановилось.

В день смерти Кропоткина комиссия по организации его похорон, со-



ЛИСТОВКА О КОНЧИНЕ ТЕОРЕТИКА АНАРХИЗМА

стоявшая из анархистов, обратилась к Ленину. Она просила освободить из всех мест заключения анархистов для участия в траурных мероприятиях. В тот же день Ленин вынес обращение анархистов на обсуждение заседания Совнаркома. В итоге было решено передать ходатайство на рассмотрение Президиума ВЦИК. 9 февраля с письмом к Ленину обратилась дочь Кропоткина. Она выразила благодарность за личное участие главы советского правительства во время болезни ее отца. Дочь Кропоткина писала: «Сейчас я не буду говорить о тех последних его желаниях, которые он выразил накануне своей кончины, о них придется говорить более подробно, чем это мне возможно в данный момент. Ограничиваясь пока личной просьбой освободить, хотя бы на день похорон, для участия в них тех товарищей анархистов, которые находятся в данный момент под арестом...»

9 февраля газета «Известия» опубликовала сообщение: «Московский Совет объявил конкурс на устройство мемориальной доски при доме, где жил Петр Кропоткин в Москве, и в Дмитрове, где умер, для увековечения памяти великого революционера». Было также объявлено, что Моссовет решил похоронить Кропоткина на Новодевичьем кладбище, а все расходы по похоронам принять на свой счет.

Письмо дочери Кропоткина поступило к Ленину 10 февраля. Он направил его Дзержинскому, сопроводив



ПРОЩАНИЕ С ПЕТРОМ КРОПОТКИНЫМ В ДМИТРОВЕ

запиской: «Т. Дзержинский! Посылаю Вам, согласно нашему телефонному разговору, письмо дочери Кропоткина. Надеюсь, удастся освободить тех, за кого она просит». В тот же день заседание Президиума ВЦИК рассмотрело обращение комиссии анархистских организаций по поводу временного освобождения арестованных анархистов. Было предложено передать это дело на решение ВЧК. На заседании было также вынесено постановление возложить венок на могилу Кропоткина от ВЦИК.

Утром 10 февраля с Савеловского вокзала в Москве в Дмитров отправился специальный поезд с делегациями различных организаций, на котором в столицу было доставлено тело мыслителя. Участник прощания с Кропоткиным Виктор Баранченко написал воспоминания об этом событии. «Под звуки мелодий Шопена траурный поезд медленно приближался к платформе Савеловского вокзала. Привокзальная площадь была полна народа. Над морем обнаженных голов реяли знамена: черные вкраплены были в массу кумачовых. На всем пути, от Савелов-

ского вокзала до Дома Союзов, траурная процессия разрасталась за счет присоединявшихся к шествию делегаций. Около 7 часов вечера гроб установили на три дня в Колонном зале Дома Союзов, открытом для прощания с П.А. Кропоткиным. Среди зимы, первой после изнурительной гражданской войны, в Москве, еще терпевшей много бедствий, эпидемий, нехватку продовольствия и топлива, нашлось много цветов и венков, сложенных вокруг высоко поднятого открытого гроба».

Во многих книгах о Кропоткине отмечен символизм того факта, что прощание с мировым лидером анархизма проходило в Доме Союзов, в котором ранее размещалось московское Благородное собрание. Именно в этом здании юный Кропоткин на балу в честь годовщины царствования Николая I обратил на себя внимание монарха, распорядившегося зачислить его в Пажеский корпус.

12 февраля чекистам предстояло окончательно решить вопрос об условиях прохождения похорон Кропоткина. Сотрудник ВЧК Моисей Бренер вспоминал, что в тот день Дзержинского не было в Москве. Бренера и других чекистов познакомил с содержанием записки Ленина Дзержинскому личный секретарь председателя ВЧК Вениамин Герсон. Заместителю председателя ВЧК Ивану Ксенофонтову удалось связаться с Дзержинским. От него были получены указания по поводу действий чекистов 13 февраля. Бренер указывал: «В соответствии с решением ВЧК арестованные анархисты были освобождены из мест заключения для участия в похоронах Кропоткина на один день под единственную гарантию – под честное слово».

Появление в день похорон в Колонном зале находящихся под арестом анархистов вызвало у многих удивление. Ведь далеко не все верили в то, что руководство ВЧК согласится на обращенную к нему просьбу. Баранченко вспоминал: «Ко всеобщему изумлению в самый момент выноса гроба к Дому

Союзов прибыла не очень стройная колонна анархистов, выпущенных из Бутырской тюрьмы на время похорон Кропоткина. Освобожденные под „честное слово анархиста“ с условием, что после похорон возвратятся обратно в тюрьму, они добились, чтобы их отпустили без конвоя. Построившись в шеренги, они шли вольным, но быстрым шагом, под такт напева своего гимна. Они сразу подхватили гроб, не дав установить его на катафалк, понесли его вперед на вытянутых руках. Они пытались громким пением своего гимна перекрыть траурные мелодии».

Похоронная процессия принесла гроб на Новодевичье кладбище. В некрополе прошел траурный митинг, сопровождавшийся выступлениями единомышленников и товарищей умершего. Последними покинули кладбище выпущенные на время похорон анархисты. По пути в тюрьму они задержались в анархистском клубе на Тверской улице. Около 11 часов ночи арестанты в полном составе явились в тюрьму, чтобы отсидеть свой срок. ВЧК не только одобрило их участие в прощании с учителем, но и дало возможность находящимся в заключении анархистам составить и выпустить в свет альманах на смерть Кропоткина. Все статьи в этом сборнике были помечены и датированы: «Бутырская тюрьма, февраль, 1921 года».

Обстоятельства прощания с Кропоткиным и роли в них чекистов стали поводом для полемики, организованной в эмиграции отдельными представителями анархистского движения. В 1924 году в издававшейся в Буэнос-Айресе газете «Голос труда» анархист Ефим Ярчук заявил, что Ленин первоначально вообще проигнорировал просьбу о временном освобождении сторонников Кропоткина. По словам Ярчука, «только категорическое заявление, что все коммунистические венки будут сняты с гроба, если анархисты не будут выпущены на похороны, заставило чекистов освободить анархистов». В том же издании была опубликована и статья дру-

гого анархиста, Григория Максимова, в которой он категорически отрицал сам факт того, что дочь Кропоткина отправила письмо Ленину.

В ответ чекист Бренер подготовил статью под заголовком «По поводу одной фальшивой версии». В ней он оспаривал выдвинутые против советского правительства и ВЧК обвинения. Слова Ярчука о будто бы имевшем место игнорировании Лениным первоначального обращения к нему он опроверг свидетельством соратника самого же Ярчука, Максимова, писавшего: «Решение Президиума ВЦИК было получено похоронной комиссией 11 февраля поздно вечером. Комиссия сейчас же избрала двух делегатов (Ярчук, Беркман), которым поручила встретиться с заключенными товарищами и сообщить им о положении дел. С разрешения ВЧК это посещение состоялось 12 февраля». Заявление же Максимова об отсутствии письма дочери Кропоткина к Ленину Бренер оспаривал не только фактом наличия этого документа, но и упоминанием о нем в воспоминаниях Луизы Брайант. Эта американская журналистка была супругой знаменитого Джона Рида, автора книги об октябрьских событиях 1917 года «Десять дней, которые потрясли мир». Она брала интервью у Ленина. Брайант рассказала о полученном главой советского правительства письме дочери Кропоткина и его личной поддержке просьбы об освобождении из тюрьмы анархистов для их участия в похоронах.

Подтверждением внимательного отношения советского руководства к памяти Кропоткина стала и широкая кампания увековечения его имени, последовавшая за его уходом из жизни. В Москве и других городах именем выдающегося мыслителя были названы улицы. В честь него переименовали получивший статус города поселок Романовский Хутор, входящий ныне в состав Краснодарского края. После смерти Кропоткина в Москве в доме, в котором родился теоретик анархизма, был открыт музей, просуществовавший до



ПАМЯТНИК ТЕОРЕТИКУ АНАРХИЗМА В ДМИТРОВЕ НА УЛИЦЕ КРОПОТКИНСКОЙ

конца 1930-х годов. Стараниями вдовы Кропоткина был учрежден и мемориальный музей в Дмитрове.

Традиция бережного отношения к памяти Кропоткина продолжена в наше время. В 2004 году в Дмитрове на улице, названной в честь знаменитого жителя города, был открыт памятник. Известный скульптор Александр Рукавишников изобразил своего героя уже пожилым человеком, сидящим на лавочке и смотрящим вдаль. В 2014 году в Дмитрове был возрожден Дом-музей Кропоткина. Проводятся международные Кропоткинские чтения.

В исторической памяти Петр Алексеевич Кропоткин остался яркой и многогранной личностью. Специалисты чрезвычайно высоко оценивают его вклад в науку. Правда, некоторые из них, в том числе и академик Владимир Обручев, высказывали сожаление, что Кропоткин слишком много времени в своей жизни уделял политике,

тем самым отнимая его у важнейших для ученого сообщества исследований в географии. Многие из политических и общественных деятелей рассматривали предложенную Кропоткиным концепцию безгосударственного общества как утопию, но это нисколько не умаляло в их глазах замечательных нравственных качеств ее автора. Одна из многочисленных оценок Кропоткина принадлежит всемирно известному французскому писателю, Нобелевскому лауреату Ромену Роллану, указавшему на духовную связь Кропоткина со Львом Толстым. Он сказал: «Я очень люблю Толстого, но мне часто казалось, что Кропоткин был тем, о чем Толстой только писал. Он просто и естественно воплотил в своей личности тот идеал моральной чистоты, спокойного, ясного самоотречения и совершенной любви к людям, которой мятущийся гений Толстого хотел достичь во всю свою жизнь и достигал только в искусстве».



ИМЕНА

Абакумов Виктор	9, 15, 46, 47, 51	Дыскин Ефим	5, 7	Никулин	39	Чайковский Николай	74
Абель Рудольф	64, 69	Елин	15	Ножкин Михаил	70, 71	Чапаев	69
Абрамов Михаил	25	Есенин Сергей	56	Обручев Владимир	79	Чеботарев Владимир	71
Азеф Евно	75	Жженов Георгий	69–71	Орел Иона	17	Черч Фрэнк	62
Александр II	74	Жуков Георгий	5	Орлов	9, 15	Черчилль	51
Алехин Александр	55	Журавлев Григорий	7	Освальд Ли Харви	63	Чижов	18
Альбов Александр	54	Звягинцев Александр	2	Павлов	43	Шалевич Вячеслав	59
Альбрехт Карл	54	Злотин Петр	77	Панфилов Константин	67	Шатов Николай	57
Амброз Стивен	61	Зубков Артем	2	Паун-Щербанеску	48	Шашкова Элеонора	70
Ананьева-Рабинович Софья	74	Иванов	43	Пауэрс Гэрри	63	Шварцкопф Вилли	66
Антонеску Ион	44–51	Иванов	51	Петроченков Владимир	69	Шварцкопф Генрих	65
Армас Карлос Кастильо	62	Ильин Игорь	56	Пехлеви Мохаммед Реза	60	Шилов Александр	2
Арская Надежда	3	Кадочников Павел	65	Пленицын Георгий	7	Шлезингер Артур	59, 63
Асман Мартин	50	Калинин	18	Плохих Семен	7	Шмелев Иван	55
Бакунин Михаил	74	Канарис	43	Поликарпов Дмитрий	53	Шмелев Олег	69
Банионис Донатас	67–69	Каращенко Мокий	39–43	Поп	49	Шнейдер Рене	62
Баранский	15	Кароль II	44	Пуговкин Михаил	69	Шопен	78
Баранченко Виктор	78	Кастро Фидель	62	Пушкин	64	Штирлиц	70
Барышников Владимир	15	Катала	18	Раневская Фаина	69	Щетников	39, 40
Баснер Вениамин	66	Катуков	6	Раски Рейно	20–23	Эйзенхауэр Дуайт	59–62
Басов Владимир	64–66	Качалов Василий	52	Раус Маури	62	Эренбург Илья	62
Бахтаров Георгий	53	Кеннеди Джон	62, 63	Рид Джон	79	Юхимович Семен	31, 32
Белобородов	6	Керенский Александр	76	Розанова Ирина	71	Янковский Олег	65, 66
Белов Александр	64, 65	Киндинов Евгений	71	Розенберг	54	Ярвет Юри	69
Белуосов Михаил	50, 51	Кирпонос Михаил	31	Рокоссовский Константин	6	Ярчук Ефим	78, 79
Белявский Александр	65	Кожеников Вадим	64, 66	Рокфеллер	59	Ясудзава	26–29
Белянушкин	26, 27, 29	Козинцев Григорий	68	Роллан Ромен	79	Яшин Лев	3
Берия Лаврентий	35	Колчак	26	Ромм Михаил	67, 68		
Бернес Марк	66, 67	Кольбе Фриц	59	Рузвельт Франклин	51, 59		
Бискупский Василий	54	Комаров	20	Рукавишников Александр	79		
Блинов Андрей	7	Копелян Ефим	70, 71	Рюрик	72		
Блок	53	Коркошко Светлана	69	Сайбаталов Хайдар	39		
Блюменталь-Тамарин Александр	52	Корнеев Иван	14	Савушкин	68		
Блюменталь-Тамарин Всеволод	52–57	Космодемьянская Зоя	5	Сверчков-Болховский Сергей	55		
Блюменталь-Тамарина Мария	52	Крамар Петр	25	Святогоров Александр	64, 65		
Богданов Александр	40	Кропоткин Петр	72–79	Селивановский Николай	46, 47, 51		
Боднараш Эмил	50	Ксенофонов Иван	78	Семашко Николай	77		
Бойкия Василий	39, 43	Кузнецов Петр	14	Семенов-Тянь-Шанский Петр	74		
Бонд Джеймс	68	Кузнецов Федор	13	Сергеев	71		
Бондарев	64	Куликов	43	Сима Хория	44, 47–49		
Бонч-Бруевич Владимир	76	Кулиш Савва	64, 67–69	Симакин	27, 29		
Бородин	9, 10, 14, 15	Курчавый	21	Синицын Павел	70, 71		
Бородин	74	Ладейников Константин	67, 68	Слепцов	15		
Бочаров Федор	7	Ленин Владимир	72, 76–79	Сметанников Александр	65		
Брайант Луиза	79	Лермонтов	53	Смирнов	18		
Бреккерс Матиас	63	Леонова Татьяна	70, 71	Смирнов Владимир	32		
Бренер Моисей	78, 79	Лонсдейл Гордон	67	Смоктунский Иннокентий	70		
Броневой Леонид	71	Лопатин Герман	75	Соболев Алексей	33		
Брусилов	51	Лосев	21	Соколов Михаил	7		
Брюнчугин Евгений	53	Лумумба Патрис	62	Соломин Юрий	65		
Будрайтис Юозас	66	Луначарский Анатолий	52	Сталин	51, 57		
Быков Ролан	68, 69	Лушин Федор	7	Станиславский Константин	52, 68		
Вайншток Владимир	67	Любшин Станислав	65, 66	Степанов Борис	65		
Вайс Иоганн	64	Макаров	43	Стопакков Борис	2		
Василевский Александр	37	Маковеев	41, 42	Стриженов Олег	71		
Вельяминов Петр	71	Макото Асано	27	Сукарно Ахмед	62		
Винн Гревилл	67	Максимов Григорий	79	Сургучев Илья	55		
Владимиров	9	Маннергейм	20	Сусайков Иван	45, 46, 50		
Владимиров Владимир	67	Мармо Влади	19–22	Сухоглебов	70		
Власов Андрей	57	Масюлис Альгимантас	66	Сыроматников Борис	50		
Вольф Карл	59	Матусовский Михаил	66	Тарасенко	33		
Востоков Владимир	69	Матюхин Владимир	2	Тарасов Дмитрий	8, 9, 48		
Высоцкий Владимир	69	Махно Нестор	76	Таубер Эберхард	54		
Герсон Вениамин	78	Мацур Валерий	3	Твен	48, 49		
Гитлер	20, 43–45, 50, 51, 59	Мельников	14	Тевченков Александр	49, 50		
Глухов Александр	25, 28	Менжинский Вячеслав	71	Терещенко	27		
Голокоз Петр	33	Мерзин Леонхард	69	Тесленко Николай	25		
Голубовский Борис	53	Милуков Павел	75	Тимерин	70		
Гоменюк Степан	18–23	Миклашевская Августа	56	Тимофеев Николай	25, 26, 28, 29		
Гончаров Дмитрий	38, 39	Миклашевский Игорь	56, 57	Тимошин Владимир	3		
Горянский Валентин	55	Миронов Андрей	69	Титов Василий	2		
Граве Александр	71	Михайлов	43	Тихонов Вячеслав	68		
Грибанов	69	Михай I	44, 50	Толстой Лев	79		
Громов	9, 14, 15	Михеев Анатолий	31	Топилина Гелена	3		
Гувер Эдгар	62	Мицеску	48	Трумэн	59, 60		
Гунер Ральф	49	Молодой Конон	67, 68	Тулъев	69, 71		
Гусев Петр	7	Молотов	51	Усов	9, 15		
Гусман Арбенс	61	Морозов	20, 22, 23	Устинов Вячеслав	3		
Гюго Виктор	74	Мосаддык Мохаммед	60, 61	Уэлч Лео	59		
Даллес Аллен	58–63	Муссолини	59	Федотов Алексей	64		
Даллес Джон	59	Найтли Филипп	62	Фигнер Вера	75		
Деникин	52	Налбандов Олег	3	Фиш	40		
Дзержинский Феликс	72, 77, 78	Нежданова Антонина	52	Фурманов	70		
Доватор	6	Немирович-Данченко Владимир	52	Хасс	67, 68		
Донован Уильям	59	Николаев	43	Химичев Борис	71		
Дорман Вениамин	64, 69–71	Николай I	73	Холево Семен	18, 22		
		Никонов Владимир	2	Хуциев Марлен	65		

ГОРОДА

Беломорск	18, 22
Берлин	55, 57, 66
Берн	59
Бологое	11
Бухарест	47, 50
Буэнос-Айрес	78
Валга	39
Вашингтон	58, 59, 63
Вентспилс	39
Вильно	15
Горький	71
Дмитров	13, 77–79
Загорск	13
Иркутск	73
Кенигсберг	57
Кингисепп	41, 43
Кишинев	45, 48
Ковно	15
Краснодон	33
Ленинград	38–43, 56
Лион	74
Лишучжень	25, 28, 29
Медвежьегорск	22
Минск	15
Мишань	26
Монино	13
Москва	7, 10, 12, 15, 36, 41, 47, 51–53, 56, 65, 72, 76, 78, 79
Муданьцзян	26–29
Мулин	26
Мюнзинген	57
Мюнхен	57
Нарва	41, 43
Ногинск	13
Одесса	45, 48
Петроград	76
Петрозаводск	19, 22, 23
Порт-Артур	75
Пушкино	13
Растенбург	59
Рига	39
Ржев	12
Саратов	65
Свердловск	33
Сталинград	9, 31
Стренич	39
Тегеран	35, 61
Тирасполь	45
Харбин	27, 28
Харьков	52
Черновцы	45, 53
Щелково	13